

НОВАЯ ПОЛЬША

№12⁽⁷⁰⁾

2005

Лешека Колаковского взгляд на Польшу

Поляки инвестируют и консультируют за границей

Стихи Яцека Лукасевича

Проза Марека Новаковского

Последние эссе Збигнева Херберта

Автобиография Фаддея Зелинского

Проф. Рышард Тадеусевич: НАУКА ДОЛЖНА БИТЬ ТРЕВОГУ

ВАРШАВА

ISSN 1508-5589

**Всех
наших
читателей
поздравляем
с Новым годом
и светлым праздником
Рождества Христова!
Пусть этот год принесет вам
и вашим близким радость,
мир и благополучие.**
Редакция

НОВАЯ ПОЛЬША

№ 12(70)
2005
ДЕКАБРЬ

ISSN 1508-5589

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

В ПЕРЕВЕРНУТЫЙ БИНОКЛЬ 3
Беседа с Лешеком Колаковским

Виктор Кулерский 7
ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

Дариуш Стасик 14
РЕГИОНАЛЬНАЯ ПАУТИНА

ПОЛЬСКИЙ ОПЫТ 16
Магдалена Козмана, Лукаш Коруцкий
МОЖНО ЛИ ЧЕМУ-НИБУДЬ НАУЧИТЬСЯ У ПОЛЯКОВ?

Лукаш Коруцкий 17
С НАС БЕРУТ ПРИМЕР

Марек Новаковский 18
ЭТО СВОБОДНАЯ СТРАНА!

Дариуш Новацкий 22
К 70-ЛЕТИЮ МАРЕКА НОВАКОВСКОГО

Збигнев Херберт 24
ЛАБИРИНТ У МОРЯ *Два эссе*

ТРИ ЗИМЫ ИЛИ ШЕСТЬ ЛЕТ 33
Беседа с Мариушем Вильком

Артур Мадалинский 36
НА ВОЛЧЬЕЙ ТРОПЕ

Кароль Малишевский 38
СМЫСЛ, БУМАГА И ПЕРО

Яцек Лукасевич 40
СТИХОТВОРЕНИЯ

Тадеуш Зелинский 45
АВТОБИОГРАФИЯ

Сергей Гиндин 52
ГОРИЗОНТЫ ФИЛОЛОГИИ ГЛАЗАМИ Ф.Ф.ЗЕЛИНСКОГО

Стефан Братковский 54
КАК ОНО БЫЛО С ЭТИМ КРЕМЛЕМ

Томаш Фиалковский 57
ДОБРОДЕТЕЛЬ В ОКОВАХ

Николай Гладких 59
КАТЫНЬ — БОЛЬ НЕ ТОЛЬКО ПОЛЬШИ, НО И РОССИИ

Марек Карпинский 62
ПОХВАЛА ПРОФЕССИОНАЛИЗМУ

Анна Малецкая-Арашкевич 64
ШОПЕНОВСКИЙ ФОРТЕПЯННЫЙ КОНКУРС

Моника Круль 66
МУЛЬТИКИ ПО ДОСТОЕВСКОМУ

Элиза Вольская 71
САД СО МНОЖЕСТВОМ ЦВЕТОВ

Янина Куманецкая 72
ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

Лешек Шаруга 76
ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

НАУКА ДОЛЖНА БИТЬ ТРЕВОГУ 79
Беседа с проф. Рышардом Тадеусевичем

Переводчики: А. Базилевский, Н. Горбаневская, Н. Кузнецов, М. Курганская, М. Радзивон, Е. Шиманская

Фото ©: Agencja Gazeta (стр. 3, 22, 64), Archiwum (стр. 45, 46, 66, 79), J. Stankiewicz (стр. 38)

Редационный совет

Стефан Братковский
Хенрик Возняковский
Наталья Горбаневская
Ежи Клочовский
Кароль Модзелевский
Януш Тазбир
Станислав Цёсек

Ежи Помяновский

(главный редактор)

Редколлегия

Элиза Вольская
Наталья Горбаневская
Никита Кузнецов
Виктор Кулерский
Янина Куманецкая
Петр Мицнер *(зам. гл. редактора)*
Кристина Пашек *(секретариат)*
Гжегож Пшебинда
Ежи Редлих *(зам. гл. редактора)*
Лешек Шаруга
Дмитрий Шевионков-Кисмелов
(главный художник)

Графика и макет

Дмитрий Шевионков-Кисмелов

Техническая редакция

Кацпер Ванчик

Адрес редакции

Al.Niepodległości, 213
02-086 Warszawa
Ал. Неподлеглости, 213
02-086 Варшава
тел: (0-22) 608 27 95; 608 25 65
факс: (0-22) 608 25 05; 608 27 96
e-mail: nowpol@bn.org.pl

Информация о журнале

для стран СНГ:
Издательство МИК, Москва,
ул. Большая Переяславская,
д.15, кв.49

тел: 280-83-52
e-mail: mik@mecom.ru

Издатель

BIBLIOTEKA NARODOWA
НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

По поручению
Министерства Культуры
Республики Польша
Тираж 4800 экз.

В ПЕРЕВЕРНУТЫЙ БИНОКЛЬ

Беседа с Лешеком Колаковским

— *Пан профессор, вы смотрите на Польшу издалека, из Оксфорда. И что вы видите?*

— Я действительно смотрю издалека, в перевернутый бинокль, но стараюсь знать, что происходит. Ну и есть у меня свои симпатии и антипатии. Если говорить о картине польской политики, то я воистину удовлетворен. Во всех известных мне таблицах профессионального престижа политики стоят на последнем месте —

это свидетельствует о здравом рассудке народа. Правда, в разных политических партиях — в разных, но не во всех — встречаются цивилизованные люди, да только в последние годы их как-то почти не было видно. Зато на виду другие.

— *Другие, то есть какие?*

— Какой-то безграмотный крикун [вероятнее всего, автор имеет в виду лидера «Самообороны» Анджея Леппера], который неустанно клеветает на людей. Он же обещает нам, что как придет к власти, то у всех будут деньги, потому что, видите ли, у президента Польского национального банка полно в ящике денег, которых тот не дает людям, зато когда он, крикун, придет к власти, то раздаст их нам, и мы разбогатеем. Есть и надутый молокосос [по всей видимости, лидер «Лиги польских семей» Роман Гертых], строящий рожи инквизитора и неустанно угрожающий разным людям, что подаст на них в суд. Он обещает, что будет править Польшей, папашу назначит президентом, а себя — премьером, но, увы, из этого ничего не выйдет, потому что этого не допустит масонско-жидовско-либерально-коммунистическая мафия. Я уж не говорю о пээнэровских плутишках, которые считали, и не без оснований, что раз они прицепились к правящей партии, то могут безнаказанно делать что хотят. Читал я и такое, что какие-то партии [«Самооборона»] требуют от своих кандидатов в Сейм, чтобы они заранее подписали обязательство, в силу которого лишатся депутатского места, если уйдут из своей парламентской фракции. Мне кажется, подписать такое заявление — все равно что сообщить: а у меня ни чести, ни совести. Это, конечно, не мое дело, пусть себе подписывают. Но это деталь, позволяющая понять польские политические нравы. Зато

мне нравится инициатива архиепископа Юзефа Жицинского, который предложил созвать круг достойных, пользующихся всеобщим уважением людей, не имеющих никаких партийных обязательств, чтобы они обсуждали и оценивали этическую сторону разных мер, предпринимаемых в политике и люстрации.

— *Вы не обнаружили в предвыборной кампании никаких положительных лозунгов?*

— От многих партий мы слышим, что они нам всё устроят, что у них есть рецепт оздоровления страны. Часто раздается лозунг нравственной революции. Не знаю точно, что это значит, но предполагаю, что те, кто пользуется этим лозунгом, знают путь к тому, чтобы люди стали благородны, чтобы исчезли коррупция, воровство, взяточничество, оскорбления. Не знаю, каков этот путь, потому что не знаю деталей этого плана, но против таких намерений трудно возражать. Однако нравственная революция, если она возможна, может быть только делом великого религиозного пророка: ни один политик и ни одно политическое учреждение не может внезапно изменить человеческое поведение, мышление и нравственные мотивировки.

— *Но политическую систему или методы деятельности государственных и политических учреждений изменить легче. К этому-то и относятся требования сторонников нравственной революции. Разве политическая система в Польше не нуждается ни в каких серьезных изменениях?*

— Конституция не может вызвать нравственную революцию.. А если речь идет попросту о том, чтобы успешней бороться с коррупцией, то на это есть способы проще, чем радикальное изменение конституции. Революция — это перемена, которую совершает массовое движение, перечеркивающее легитимность строя — иногда кроваво, а иногда бескровно, как «Солидарность». Перемену, которая наступила в Польше благодаря «Солидарности», можно назвать революцией, хотя произошла она мирным путем и без применения насилия. Этой революции предшествовало движение демократической оппозиции 70-х гг., в особенности КОР

[Комитет защиты рабочих], но еще и массовое изменение образа мыслей и человеческих мотивировок, а это нельзя вызвать искусственно.

— *Иногда вместо нравственной революции говорят о Четвертой Речи Посполитой. Как вы относитесь к этому термину?*

— Я не очень-то знаю, что он значит, поэтому не могу высказаться. Генерал де Голль, придя к власти, ввел конституционные изменения, установив президентский строй. Это была существенная перемена, и с тех пор Францию называют V Республикой. Не знаю, произойдет ли что-нибудь аналогичное в Польше и применимо ли тут название Четвертая Речь Посполитая. Однако в этом лозунге подспудно содержится мысль, что последние 15 лет оказались растрчены попусту или что стало еще хуже.

Любая революция на следующий день после победы вызывает разочарование. Иначе и быть не может, ибо всякая революция, чтобы быть успешной, неизбежно опирается на нереальные надежды, на требования, не поддающиеся проведению в жизнь, и фантастические иллюзии. И всякая кончается горьким разочарованием. Это не значит, что она неудачна, хотя в обществе она вызывает всяческие огорчения и недовольство. Нету ведь такого, что Польша становится все беднее, — такая ее картина совершенно не соответствует правде, о чем недавно убедительно писал Вальдемар Кучинский. Есть, как мы знаем, большая безработица. Но и это недостаточная причина для того, чтобы утверждать, что в течение этих 15 лет наступила деградация, хотя пришли огорчительные перемены, неизбежные при переходе от диктатуры к демократии и от командной экономики к рынку. Свобода влечет за собой различные неприятные затраты.

— *Надо, видимо, уметь отличать неизбежную плату за свободу от балласта, от которого лучше бы избавиться. Откуда берется такое низкое качество польской политики?*

— Сам переход к демократическому строю порождает огромное разочарование и огромные, не поддающиеся удовлетворению амбиции. Жажда власти — дело нормальное, но демократические системы отправления власти могут обуздать ее хамские проявления. Надеюсь, что и в Польше это публичное хамство, которому мы все свидетели, будет как-то укрощено, так как в нормальных условиях у людей нет желания выдвигать во власть безграмотных хамов, хотя в особых обстоятельствах это и возможно.

— *Может быть, генезис того, что вы называете хамством в политике, уходит корнями в наследие коммунизма? Недаром коммунизм опирался на ложь.*

— Это была иная ложь. Да, ложь — это не просто одно из орудий коммунизма, но его фундамент или краеугольный камень. Без лжи коммунизму пришлось бы рух-

нуть — что в конце концов и случилось. Помню, как в Москве за несколько месяцев до падения Горбачева я заметил, что гласность стала реальной: все говорят то, что думают, страх исчез. В таких условиях коммунизм не мог продолжаться. Горбачев, разумеется, не собирался разрушить коммунизм — наоборот, он хотел его улучшить, сделать более цивилизованным и конкурентоспособным, но, желая реформировать, он его уничтожил. Горбачев понял, что если он хочет модернизировать страну, нужен свободный обмен информацией. Но этого коммунистический строй выдержать не мог. Другой очень важной причиной падения коммунизма было разложение идеологии. Всякий режим нуждается в легитимности. Ее могут давать выборы либо наследование монаршей благодати. Легитимность коммунизму давала идеология, так что она обязана была существовать и тогда, когда никто в нее не верил: ни правители, ни подданные.

— *Чтобы она выполняла эту роль, необязательно было в нее верить?*

— Нет, совсем необязательно. Но она не могла давать легитимность без конца. В Польше еще с 60-х идеология начала исчезать. Разумеется, существовал аппарат власти, аппарат привилегий, путь карьеры, но уже не было коммунистов кроме горстки идейных и неумных активистов. Идеология поставляла горстку слоганов, использовавшихся по торжественным случаям или при напаках на оппозицию.

Падению коммунистического строя способствовала и имманентная бездарность режима, который терял конкурентную силу в мире. Но распад идеологии я считаю самым главным фактором, ибо без идеологии коммунистическая система существовать не может.

— *Но все-таки распад не произошёл сам собой?*

— Нет, не сам собой. Нет особого смысла высчитывать в процентах, кто внес какую долю вклада в победу над коммунизмом, как это делает Лех Валенса. Но несомненно, что и сам Валенса, и «Солидарность», и Иоанн Павел II, и Горбачев — все сыграли свою роль. Во всей этой истории было бесчисленное множество случайностей. Уволили одну работницу с Гданьской судовой верфи, и это мобилизовало нескольких ее товарищей на ее защиту. И вдруг родилась «Солидарность».

— *Вы считаете, что «Солидарность» была исторической случайностью?*

— Разумеется, должны были сложиться условия, сделавшие эту случайность возможной. Должна была возникнуть готовность польских рабочих сопротивляться власти и готовность интеллигентов помогать, должны были возникнуть традиции недавней оппозиции. Благодаря этому движение «Солидарности» выросло в то, во что оно выросло, — в инструмент, с помощью которого коммунизм рухнул, хотя программы такой и не было. Кто еще в 80-е годы в Польше, кроме Стефана Киселевского, говорил о возврате к капитализму?

— Уж, конечно, не возжи «Солидарности»...

— Уж, конечно, нет.

— *Еще в 1989 году, во время переговоров «круглого стола», не было программы быстрого возвращения к свободному рынку. Может быть, нам не следует удивляться, глядя на рабочих и других разочарованных — тех, кого радикальные перемены в экономике захватили врасплох?*

— Вероятно. У свободного рынка есть свои тяжелые стороны. Но ликвидация свободного рынка — куда большее несчастье. Быть может, некоторые люди верят, что свободный рынок сам справится со всеми социальными вопросами. Если они так считают, то они неумны. Нельзя положиться на рынок, который должен действовать автоматически. Даже Адам Смит, говоря о «невидимой руке рынка», провозглашал совсем не то. В Польше политические перемены проходили эволюционным путем, и некоторых это провоцирует на глупую болтовню о том, что-де за «круглым столом» были заключены секретные соглашения, в результате которых партия согласилась отдать власть взамен за какие-то привилегии. Между тем мы знаем, что власть она тогда не отдала.

— *Это верно. Но заключенный за «круглым столом» компромисс с коммунистами тяжким грузом повис на польской демократии, которая не сумела справиться с коммунистическим прошлым. Без ясного ответа остается вопрос, должен ли человек, который был чиновником коммунистического государства, стыдиться своего прошлого. Компрометирует ли это? Может ли он занимать любые публичные посты в независимой Польше?*

— Наверняка должен стыдиться, но это не политическая категория.

— *Важно ли при демократии прошлое политиков? Имеют ли право граждане знать об этом прошлом?*

— Да, они имеют право об этом знать. Нормально, что мы хотим знать, кто кем был. Но это не означает, что человек, у которого в прошлом какие-то грехи, должен быть автоматически лишен стремления занять тот или иной пост. Речь идет о том, чтобы его прошлое было предано огласке.

Поэтому я стою за ныне существующую форму люстрации, которая касается лиц, желающих быть избранными или назначенными на определенные государственные и общественные должности. Но я против того, чтобы сделать достоянием гласности все гэбэшные материалы. Оглашение всего, что гэбуха писала, создало бы ад обвинений и оскорблений. Если же кто-то утверждает, что гэбэшным досье следует безоговорочно доверять, то он предлагает нам новую эпистемологию, новый критерий истины: истина есть то, что скажет гэбэшник. Пожалуй, это несколько рискованная теория.

— *Чем польская демократия отличается от британской, которую вы знаете лучше всего? Верно ли, что в Великобритании текущая политика оказывает гораздо меньшее влияние на функционирование государства и государственных учреждений?*

— Просто функционирует разделение властей: исполнительная, законодательная и судебная власти независимы друг от друга. Существует также вполне сложившийся класс «civil servants» — чиновников гражданской службы, независимых от политических партий, не сменяющихся в результате выборов и составляющих стержень государства. Этого в Польше по-прежнему нет, хотя много лет говорится о создании такой службы. Необычайно важно, чтобы основная структура государства была независима от политических партий. Этому мы можем учиться у англичан. Благодаря этому политикам у власти не приходится назначать родных и знакомых на разные важные должности.

— *Есть, по-видимому, еще одна вещь, которой стоит у них учиться: принцип власти закона, без которой не только демократия, но и капитализм увечны...*

— Капитализм сам по себе не обеспечивает ни власти закона, ни демократии. Власть закона — там, где отдельный гражданин может выиграть в суде дело против государства. Сегодня капитализм есть и в Китае, где по-прежнему продолжается идеологическийеспотизм, где нет ни власти закона, ни гражданских свобод. Один свободный рынок не обеспечит власти закона и демократии, хотя он их необходимое условие. Необходимое, но недостаточное. В Польше власть закона по-прежнему хромает. Может ли она излечиться? Я верю, что может. Там, где есть свобода слова, свобода критики, можно исправлять грубые злоупотребления законностью. Верю, что это возможно, и думаю, что с этой точки зрения Польша стоит на верном пути.

— *От Западной Европы Польша отличается повсеместностью и живым характером религиозной веры, которая у нас остается массовой. Лучшее всего это было видно, когда умирал Иоанн Павел II, но и каждое воскресенье костелы в Польше полны. Что это — признак нашей отсталости или наша положительная специфика?*

— Все мы знаем, каковы исторические причины сильнейшего участия религии в национальном сознании. Признак ли это нашей отсталости? Нет. Во всем мире мы наблюдаем сегодня различные проявления возвращения к религии. Секуляризация распространилась в Западной Европе, но не в США — стране, которая стоит во главе всего технического прогресса. Нет никакой очевидной зависимости между техническим прогрессом и секуляризацией. Религиозные перемены приобретают в мире разные формы — например, развитие

самых разнообразных сект в США и Южной Америке. Другой вопрос — нашествие ислама в европейские страны в результате иммиграции.

— *А как вы относитесь к тому, что можно назвать дехристианизацией Европы, т.е. к исчезающему значению веры в жизни современных обществ? Может быть, для будущего Европы это процесс негативный?*

— И позитивный, и негативный. Думаю, что человеческая потребность веры в такой порядок, который выходит за рамки наших технических возможностей, который не мы создаем, т.е. в какой-то божественный порядок, — это нормальная потребность. Ее не уничтожишь. Если т.н. секуляризация вела бы к забвению того, что существует нечто выходящее за рамки научно-технического прогресса, такая цивилизация шла бы к краху. Надеюсь, что этого все-таки не произойдет. Я, конечно, противник религиозного принуждения, обязанности исповедовать или не исповедовать ту или иную религию; я хотел бы, чтобы в государственных школах не было уроков религии, хотя несчастьем этого не считаю; я хочу, чтобы все государственные инстанции были секулярными. Тем не менее крушение веры, на мой взгляд, стало бы крахом цивилизации.

— *Вы уже давно предвещали закат идеологий XX века, утверждая, что и социализм, и либерализм, и консерватизм можно объединить в одно непротиворечивое множество чаяний или требований. Похоже, что именно это сейчас и осуществляется.*

— Вы, наверное, вспомнили мой коротенький текст «Как быть консервативно-либеральным социалистом». В некотором смысле он был шуткой, но не только — он был также исповеданием неверия в великие идеологии, которые так долго правили нами. Разумеется, закат идеологий — не моя идея, она провозглашалась уже давно. Что мы под этим понимаем? Это не закат всякой веры, всех нравственных или политических принципов, а скорее закат всеобъемлющих доктрин, которые обещают нам решить все людские дела, обладают лекарством от всего — так же, как некоторые польские политики. Идеология, которая представляет себя в качестве универсального лекарства от всех человеческих забот и нужд, — это наверняка обман. Уже давно было сделано открытие, что не существует достаточных холистических социальных методов — кроме тех, которые проводят в жизнь тоталитарное принуждение.

— *Значит, либерализм, социализм и консерватизм больше не будут критериями политических подразделений?*

— Нет, не будут. Консерватизм — это вовсе не политическая доктрина. Существует приверженность традициям — дело нужное, и говорить, что всякая приверженность традициям консервативна в негативном смысле слова, — это чепуха. Прочитую здесь сам себя: если бы люди неустанно не бунтовали против традиций, говорят нам, то мы до сих пор жили бы в пещере. Да, но если бы противостояние традициям стало глобальным, мы бы снова вернулись в пещеру. Либерализм, в свою очередь, сам по себе отнюдь не философия. Настолько, насколько он представляет собой апологию свободного рынка, он хорошо оправдан, ибо его противоположность — ГУЛАГ. Но вера в то, что свободный рынок все за нас устроит, действительно весьма неумна. А социализм — это вообще неизвестно что такое. Я хотел бы, чтобы те, кто и сегодня твердит, что исповедует социалистическую веру, разъяснили, о чем идет речь.

— *Возможно, для них речь идет о социальной справедливости.*

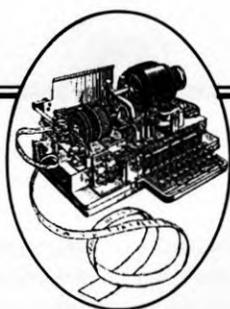
— Но что значит социальная справедливость? Чем отличается социальная справедливость от того, что в целом охватывается правовым государством, гражданскими свободами, свободой слова и различными учреждениями государства-опекуна, способными обеспечить людям минимум достойной жизни?

— *В лозунге социальной справедливости речь идет, по-видимому, о том, чтобы у одних не было больше, чем у других...*

— То есть чтобы царил равенство. Полное равенство возможно лишь с помощью тоталитарных средств, и тогда, разумеется, оно само себе противоречит, ибо тоталитаризм не может обеспечить равенство. Кроме материальных привилегий, которые обеспечивает себе тоталитарная власть, существует неравенство в благах, сегодня очень высоко ценимых: в доступе к информации и к участию во власти. Таким образом, полное равенство — внутренне противоречивый лозунг. Гражданское же равенство, пожалуй, повсеместно принято в цивилизованном мире или, скорее, составляет критерий, определяющий, что такое цивилизованный мир. По этому критерию мы близки к цивилизованному миру. А чересчур ли оптимистична или чересчур пессимистична эта оценка, пусть судят другие.

Беседу вел Ян Скужинский

RZECZPOSPOLITA

Виктор Кулерский

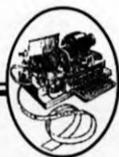
ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• Новизбранный президент Лех Качинский: «Не думаю, что я популист или националист. С национализмом меня ничто не связывает. Я патриот. Если я и чувствую связь с какой-то политической традицией, то это традиция государственников (...) Я за то, чтобы Европа была тесным союзом сильных государств (...) К сверхгосударству мы не готовы. Европа стоит перед вызовом глобальной конкуренции, однако передача власти Брюсселю, в результате чего у этой власти была бы слабая демократическая легитимизация, — не выход (...) Я считаю, что внешняя политика — важный элемент государственного суверенитета, а суверенитет имеет для меня огромное значение. С другой стороны, во внешней политике необходимо проводить множество совместных мероприятий — таких, которые будут в интересах всех и не нарушат ничьих интересов (...) Будучи соседями, Польша и Россия должны решить множество важных вопросов. Растут польские инвестиции в России, развиваются торговые отношения между нашими странами. Введение Евросоюзом виз для российских граждан — не наша идея. Мы будем поддерживать все инициативы, облегчающие передвижение между нашими странами. Надеюсь, чаяния большинства российского общества сбываются, и Российская Федерация станет полноправным членом европейской семьи (...) В интервью российскому телевидению я сказал, что хочу договориться, не отказываясь при этом от жизненных интересов Польши (...) Я охотно приму в Варшаве президента Путина. А потом с удовольствием съезжу [в Москву] (...) На выборах победила команда во главе с Ярославом [Качинским], а я буду президентом (...) Качинские хотели бы оставить Польшу хорошо функционирующим государством, с чьим мнением в Европе считаются». *(Из интервью, опубликованных в «Политике» 29 окт. и в журнале «Ньюсуик-Польша» 6 ноября)*

• «В конечном итоге Дональд Туск был обречен на поражение. Лех Качинский просто-напросто лучше подходит к такой Польше, какая она есть, — со всеми ее страхами перед утратой социальной безопасности, настороженным отношением к модернизации и приватизации, уверенностью во всеохватной коррупции, страхом перед чужаками и постоянной необходимостью улучшать свое

самочувствие, вспоминая историю, восстания, великие взлеты и поражения (...) У Ярослава Качинского и его партии на руках все козыри. В Сейме это самая большая парламентская фракция, которая может заключать коалиции как с «Гражданской платформой» (о чем было давно объявлено), так и с «Самообороной» и аграрной партией ПСЛ (...) В Сенате перевес «Права и справедливости» (ПиС) настолько велик, что она может ни на кого не оглядываться. Кроме того, у ПиС есть собственный президент (...) Одним словом, ПиС может совершенно самостоятельно сделать всё, кроме изменения конституции. С другой стороны, двойная победа возлагает на эту партию обязанность выполнить хотя бы часть особенно емких обещаний (...) Попытка выполнить их будет означать развал государственных финансов, а пренебрежение ими — развал пришедшего к власти формирования (...) Однако мы знаем (...) что Лех и Ярослав Качинские не принадлежат к числу безответственных политиков: у них очень развито государственное чувство, они привержены определенным ценностям и умеют быть прагматичными». *(Янина Парадовская, «Политика», 29 окт.)*

• ««Гражданская платформа» и «Право и справедливость» — это два разных представления о государстве (...) Обе партии разделяет, во-первых, их отношение к прошлому. Для ПиС история — один из самых существенных элементов программы (...) основа исторической политики, которая должна поддерживать общественное самосознание и быть орудием внешней политики. Между тем в программе ГП ссылки на историю отсутствуют (...) это программа, устремленная вперед, в будущее (...) Отличает их и отношение к государству и его роли в жизни общества. ГП считает, что государство должно быть сильным, но лишь в сфере переданных ему полномочий (таких, как администрация, безопасность, законодательство). При этом оно не должно вмешиваться в те области, где его присутствие бесполезно или даже пагубно (...) В программе ПиС критическая оценка состояния государства соседствует с глубокой убежденностью в его всемогуществе. Этим можно объяснить программное вмешательство государства в экономику»

ку, здравоохранение и строительство или желание сохранить контроль над некоторыми государственными предприятиями (...) Наконец, партии отличаются друг от друга отношением к понятию справедливости и методами его применения в политике. Нет смысла искать это понятие (...) в программных документах ГП (...) ПиС, у которого слово «справедливость» появляется уже в названии, ссылается на него часто, причем не только в юридическом, но и (еще чаще) в социальном контексте (несправедливый плоский налог, несправедливое отсутствие семейных льгот в налоговой системе, справедливое использование экономического роста и т.д.). (Дамиан Кольбарчик, «Тыгодник повсехный», 23 окт.)

• Проф. Ян Винецкий: «Польская политическая сцена четко разделилась на два порядочных лагеря. Я говорю «порядочных», потому что они наконец-то выражают интересы больших общественных групп. До сих пор многие из нас голосовали не «за», а «против» — например, против экс-коммунистов (...) или, наоборот, против профсоюзной клики из [нынешней] «Солидарности» (...) Сегодня, впервые за все время польских общественно-политических преобразований, в нашей стране сложилась ясная ситуация. С одной стороны оказались сторонники Польши вымогательско-паразитической, простирающейся от «Права и справедливости» до «Лиги польских семей», ПСЛ и «Самообороны» (...) С другой — сторонники Польши либеральной, рыночной, т.е. такой, в которой государство не отпугивает самых способных и трудолюбивых от обогащения, а они в свою очередь тянут вверх всех остальных — по крайней мере тех, кто хочет предпринять хоть какие-то усилия в этом направлении». («Впрост», 6 ноября)

• Братья Качинские могут рассчитывать на мощную поддержку со стороны продолжающего требовать привилегий профсоюза [«Солидарность»], однако у них есть и обязательства по отношению к нему, которые они взяли на себя во время предвыборной кампании. К сожалению, этих обязательств гораздо больше, а самые опасные обещания были даны Анджею Лепперу и [директору радио «Мария»] о. Тадеушу Рыздыку». (Януш А. Майхерек, «Тыгодник повсехный», 13 ноября)

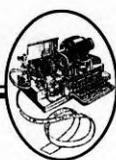
• «Во время выборов маршала Сейма в польском парламенте вспыхнул конфликт. Коалиция ГП и ПиС распалась прежде, чем успела как следует сформироваться (...) Голосами ПиС, «Самообороны», «Лиги польских семей» и ПСЛ [маршалом] был избран [представитель ПиС] Марек Юрек. Благодаря поддержке со стороны ПиС од-

ним из пяти вице-маршалов стал [председатель «Самообороны»] Анджей Леппер. Вчерашние события привели к резкому падению курса злого, польских акций и облигаций (...) Сразу же после голосования в Сейме Варшавский биржевой индекс (WIG20), поднявшийся утром на 1%, потерял 2%». («Жечпосполита», 27 окт.)

• «Варшавский окружной суд поручил судебному исполнителю принудительно взыскать с Анджея Леппера тысячу злотых (...) В ходе процесса по делу о клевете на политиков (...) нынешний вице-маршал Сейма обвинил суд в тенденциозности, за что на него был наложен штраф в размере тысячи злотых. Процесс завершился приговором к 15 месяцам лишения свободы условно, штрафу в размере 20 тыс. злотых и выплате компенсации одному из потерпевших в размере 50 тыс. злотых». («Тыгодник повсехный», 13 ноября)

• Проф. Стефан Несёловский: «Такое сложное явление, как популизм, имеет целый ряд причин, однако мне кажется, что самая глубокая из них — разорение и опустошение, доставшиеся нам в наследство от нацизма и коммунизма, двух тоталитарных систем, которые господствовали в нашей стране на протяжении полувека. Уничтожение, истребление и пауперизация элиты, разрушение экономики, уничтожение духа предпринимательства, конкуренции, честности и добросовестного труда, подрыв уважения к государству, которое на протяжении нескольких поколений было не своим, а чужим и враждебным, наконец, искоренение навыка понимать и уважать демократию — вот результаты действий, символами которых в народной памяти остаются Аушвиц и Катынь». («Газета wyborча», 15-16 окт.)

• «Президент Александр Квасневский назначил правительство меньшинства во главе с Казимежем Марцинкевичем (...) По сравнению с кабинетом Марека Бельки, структура этого правительства несколько иная. Прежнее министерство экономики и труда разделено на две части, причем труд вновь перешел в ведение министерства социальной политики. Кроме того, создано новое министерство регионального развития, которое будет отвечать за расходование европейских субсидий. Министерство инфраструктуры называется теперь министерством транспорта и строительства. Министерство образования объединено с министерством науки и информатизации, а Комитет европейской интеграции присоединен в «персональной унии» к МИДу. Оба ведомства возглавил Стефан Меллер [до недавнего времени посол Польши в Москве]». («Жечпосполита», 2 ноября)

• «Волнения, связанные с формированием правительства, отрицательно влияют на иностранных инвесторов. Особенно негативно восприняли они субботнее интервью министра финансов Тересы Любинской, которая критически отзывалась о зарубежных фирмах, занимающихся в Польше торговлей (...) Со времени выборов курс золотого по отношению к евро упал на 11 грошей, а по отношению к доллару — на 15 грошей. В результате этих изменений за последние несколько недель внешний долг Польши, а также долг польских домашних хозяйств и фирм достиг уровня 6,2 млрд. злотых». (*«Жечпосполита»*, 8 ноября)

• Ежи Лукашевский, бывший посол Польши в Париже: «Похоже, что заметная часть польского политического класса (...) все еще не понимает исторического значения процесса интеграции (...) Она рассматривает действующий в Евросоюзе принцип солидарности как право требовать этой солидарности, но не обязанность ее проявлять». (*«Политика»*, 12 ноября)

• «Памяти правительства профессора Марека Бельки, правившего 1 год, 5 месяцев и 18 дней (...) Оно безуспешно пыталось убедить большинство поляков, что статистические данные не врут и в экономике наблюдается заметное оживление (...) Сдерживало падение злотого и рывок «Самообороны» к власти, но под конец споткнулось об шахтерские привилегии (...) Было единственным правительством в истории Третьей Речи Посполитой, которое не поддерживал никто, кроме президента (...) В экономике были достигнуты вполне приличные результаты — невиданный за последние годы рост производства и пробуждение доверия к деньгам (...) Оно не обмануло ничьих надежд, так как поляки с самого начала не дали ему кредита доверия». (*Витольд Орловский, «Газета wyborча»*, 21 окт.)

• «Экономический рост — 3,4%, инфляция — 2,6%, застой в инвестициях, сохранение или даже небольшой рост уровня безработицы — так Институт экономических наук ПАН в своем последнем отчете «Польская экономика: прогнозы и мнения» оценил наследство, оставленное нам уходящим правительством». (*«Впрост»*, 13 ноября)

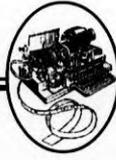
• «Экономика чувствует себя неплохо, общество, как показывает социальный диагноз, — тоже вполне прилично. Зато после четырех лет правления левых «Союз демократических левых сил» (СДЛС) практически исчез с политической сцены». (*«Жечпосполита»*, 18 ноября)

• Начальник Главного статистического управления (ГСУ) Тадеуш Точинский: «В Польше наблюдается спокойный, уравновешенный экономический рост. По прошествии трех кварталов хорошо видно, что двигателем роста продолжает оставаться экспорт, хотя улучшается и потребительский спрос (...) Занятость на предприятиях тоже систематически растет, причем ее рост становится все более быстрым (до 2,2% в год). В то же время не происходит значительного роста инвестиций». (*«Газета wyborча»*, 26 окт.)

• Ги Сорман: «Добиться высокого [экономического] роста очень легко. Достаточно ликвидировать свободу и отменить демократию. Если бы поляки были рабами, если бы они работали как китайцы и за такие же деньги, то на некоторое время вы могли бы обеспечить 12-процентный экономический рост. Но рост — не самоцель. Это лишь орудие повышения уровня жизни, построения счастья и расширения свободы выбора (...) Экономическая свобода — не единственный важный для людей вид свободы». (*«Политика»*, 29 окт.)

• «Перед сменой строя [в 1989 г.] ВВП на душу населения (по паритету покупательной силы) составлял в Польше 6 тыс. долларов. Сегодня он достигает 12,2 тысяч (...) Эти данные не учитывают доходов теневого сектора и денег, заработанных за границей (...) Еще в 1993 г. 74% поляков утверждали, что им не хватает средств на текущие нужды. Сегодня в этом признается лишь каждый третий (...) Начиная с 1989 г. мы купили 5 млн. новых автомобилей, 20 млн. холодильников, 25 млн. телевизоров. В тот год автоматическая стиральная машина была в шести десятых домашних хозяйств; сегодня — в девяти десятых (...) Поляки — обладатели самого большого количества недвижимости среди граждан новых стран-членов ЕС. Процент поляков, у которых есть собственные квартиры (62% — 8 млн. квартир), приближается к средней по ЕС (64%), однако в Польше ипотечным кредитом не обременены 90% квартир, в то время как в странах ЕС — только 50%. Кроме того, у поляков больше земли, чем у других жителей Евросоюза. В частных руках находится 14 млн. гектаров сельскохозяйственных угодий, 1,5 млн. га лесов, 60 тыс. га озер и 10 млн. участков». (*Александр Пинский и Малгожата Здеховская, «Впрост»*, 13 ноября)

• По случаю Дня независимости президент Александр Квасневский наградил Лешека Бальцеровича и композитора Кшиштофа Пендерецкого высшей польской наградой — орденом Белого Орла (...) Большим крестом ордена Возрождения Польши награждены канцлер Капитула военного орде-

на *Virtuti Militari* бригадный генерал в отставке Станислав Наленч-Коморницкий и переводчик русской литературы, главный редактор «Новой Польши», публицист газеты «Жечпосполита», а в прошлом сотрудник парижской «Культуры» Ежи Помяновский». («Жечпосполита», 12-13 ноября)

• «59% поляков доверяют ЕС. Это на 3% больше, чем два года назад. Особенно выросло доверие к Евросоюзу среди крестьян — с 25 до 45%. 53% опрошенных положительно оценивают деятельность Европейской комиссии (...) Поляки оценивают деятельность европейских учреждений гораздо выше, чем польских». («Жечпосполита», 8 ноября)

• «Сбережения поляков растут. Это происходит прежде всего благодаря доходам от вкладов, а не затягиванию пояса. Все большее значение приобретают инвестиционные фонды, а самые большие потери несут банки. На протяжении первого полугодия сумма сбережений поляков увеличилась на 9 млрд. злотых и составила 314,2 миллиарда. Это самый высокий полугодовой рост за последние несколько лет. Согласно этим данным, у среднестатистического поляка должно быть отложено на черный день 8 тыс. злотых. К сожалению, на самом деле это не так: у 70% поляков в запасе нет ни гроша». («Жечпосполита», 31 окт.)

• «В Польше осталось 1084 государственных предприятия. За последние 15 лет было приватизировано 5690 предприятий. В 2005 г. (...) до конца октября в бюджет поступило 2,7 млрд. злотых. Это менее 62% от запланированной суммы [доходов от продажи государственных предприятий]». («Политика», 12 ноября)

• «Фирмы, производящие котлы для альтернативного топлива, не успевают выполнять заказы (...) Поляки, перепуганные ростом цен на газ, солянку и уголь, отчаянно ищут более дешевые источники тепла. В домашних котельных уже начали топить соломой, зерном ржи и овса, а также опилками». («Жечпосполита», 17 окт.)

• «Пересмотр газовых договоров с Россией будет одним из приоритетов нового правительства», — заявил в пятницу премьер-министр Казимеж Марцинкевич. «Газпром» отреагировал в понедельник, потребовав повысить цены на поставляемый в Польшу газ (...) Премьер удивлен. «Трудно понять такой шаг «Газпрома», — говорит он». («Газета wyborcza», 4 ноября)

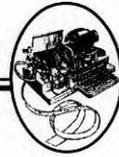
• «По оценкам Института туризма, в этом году доходы Польши от туризма составят более 6 млрд. долларов. Это на полтора десятка процентов больше, чем в прошлом году». («Жечпосполита», 18 окт.)

• По данным ГСУ, более 1,3 млн. поляков работают нелегально. Для большинства из них это не способ подработать, а основное занятие. Средний месячный заработок нелегального работника составляет 392 злотых (...) За последние шесть лет число граждан, работающих нелегально, уменьшилось на 114 тыс. человек (...) В 1998 г. для 46% нелегалов работа в теневом секторе была единственным занятием. Теперь лица, рассматривающие ее в качестве основного занятия, составляют 63% всех нелегальных работников». («Газета wyborcza», 26 окт.)

• Согласно опубликованному Европейской комиссией отчету о положении на европейском рынке труда, в Польше зафиксирован самый низкий в ЕС показатель занятости населения — только 51,7% всех граждан от 15 до 64 лет. Без работы остаются 40% лиц в возрасте от 15 до 24 лет (средний показатель по ЕС составляет 18,7%). В Польше также самый низкий в ЕС уровень занятости пожилых людей в возрасте от 55 до 64 лет — 26,2% (средний показатель по ЕС — 41%). Показатель занятости женщин лишь немногим выше 50% — хуже дела обстоят только на Мальте. Кроме того, мы — единственная страна Евросоюза, в которой в прошлом году увеличилась разница в заработках между различными секторами экономики и должностями». («Газета wyborcza», 20 окт.)

• «Желающие воспользоваться банком времени пишут на заявлениях свой адрес и телефон, а также описывают свои нужды и способности (...) У участников есть свои счета — как в настоящем банке. Каждый отработанный час вписывается в графу доходов. У того, кто воспользовался чьей-то помощью, снимается со счета время, которое она заняла (...) Правда, в Польше действует всего пять таких банков (в Варшаве, Вроцлаве, Зеленой-Гуре, Ополе и Познани), но при приходах и общественных организациях создаются новые (...) Банки времени — прекрасный выход для матерей, сидящих с детьми, или для молодых пенсионеров, которые не хотят или не умеют сидеть сложа руки. Это неоценимая находка для людей, размышляющих о смене профессии: в банке времени они могут проверить свои способности». (Лавел Врбец, «Политика», 12 ноября)

• «По разным оценкам, в Польше около 35-45 тыс. человек живут без крыши над головой, а еще ста тысячам грозит бездомность (...) В Польше действует 820 центров помощи бездомным. Количество мест в ночлежках оценивается в 15 тысяч». («Жечпосполита», 25 окт.)

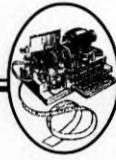
- В опубликованном организацией «Transparency International» рейтинге стран, свободных от коррупции, Польша заняла 70-е место. Индекс восприятия коррупции (чем он выше, тем более безопасно чувствуют себя люди) упал в Польше с 5,57 баллов в 1996 г. до 3,40 в 2005-м. («Жечпосполита», 19 окт.)
- **«Бывший министр юстиции Марек Садовский ответит перед судом за произошедшее по его вине ДТП. Со времени происшествия прошло почти 10 лет, на протяжении которых Садовского защищала судейская и прокурорская неприкосновенность».** («Тыгодник повсехный», 6 ноября)
- «В начале 90-х поляки испытывали к судам доверие, достигавшее 80% (...) Сегодня судам доверяют 29% опрошенных (...) Граждане Польши доверяют судьям в два раза меньше, чем продавцам в магазине (...) В Польше свыше тысячи человек сидят в предварительном заключении больше двух лет, в то время как, согласно Уголовному кодексу, человека можно арестовать только на три месяца, а в исключительных случаях — продлить предварительное заключение до 12 месяцев (...) На 100 тысяч жителей у нас приходится 17 судей, между тем как в США и Швеции — четверо, а в Великобритании — двое». (Ян Пинский, «Впрост», 30 окт.)
- **«Вся деревня стала горой за родителей-инвалидов, у которых суд отобрал двух дочерей. Дети попали к приемным родителям. Жители деревни скинулись на адвоката (...) «Мы живем скромно, но это не повод, чтобы отбирать у нас детей. Нашей семье причинили страшное зло», — говорят со слезами на глазах Ирена и Здислав Мазгай из деревни Новоселье близ Санок в Подкарпатском воеводстве».** («Жечпосполита», 25 окт.)
- «Практика последних лет успела приучить нас к тому, что законодательный запрет на разжигание расовой или национальной ненависти остается в Польше мертвой буквой. Все подобного рода дела прекращаются ввиду «ничтожного общественного вреда» или же по ним выносятся двусмысленные приговоры». (Петр Братковский, «Жечпосполита», 29-30 окт.)
- **«Высший административный суд (ВАС) постановил, что лица, принужденные уехать из Польши на постоянное место жительства после марта 1968 г. [в связи с антисемитской кампанией], не лишились польского гражданства. На основании оспоренных ВАС приговоров из Польши эмигрировало около 2 млн. человек — не только в Израиль».** («Тыгодник повсехный», 30 окт.)
- «В селе Гута-Пеняцкая близ Бродов на Львовщине прошла траурная церемония в память о тысяче поляков, убитых там 28 февраля 1944 года

(...) Село разрушила украинская дивизия СС «Галичина» вместе с [отрядами] Украинской повстанческой армии и украинцами из соседних деревень (...) Впервые, спустя несколько десятков лет, прежние жители Гуты посетили то место, где когда-то стояло село. Они приняли участие в поминальной мессе перед каменным крестом с двумя досками, на которых высечены фамилии известных (далеко не всех) убитых, а затем в освящении места казни. После этого они ходили по полям, пытаясь найти те места, где стояли их дома и похоронены их близкие». (Петр Коццинский, «Жечпосполита», 22-23 окт.)

- **«В пятницу в люблинском Европейском колледже польских и украинских университетов прошла торжественная церемония, посвященная началу учебного года. В колледже учатся 145 аспирантов, 109 из которых — украинцы (...) «Это Гедройц объяснил полякам, что их страна расположена не между Германией и Россией, а между Германией, Украиной, Беларусией и Литвой», — сказал украинский историк и публицист проф. Богдан Осадчук. — (...) В будущем году здесь должен быть создан польско-украинский университет».** («Жечпосполита», 22-23 окт.)

- «В Белоруссии уже можно купить первый номер ежеквартального журнала «Магазин польский на уходзтве» («Польский журнал в эмиграции»). Редактируют его журналисты, связанные с не признаваемым белорусскими властями председателем Союза поляков Белоруссии (СПБ) Анжеликой Борис. Первый номер был отпечатан в Польше при поддержке созданного по инициативе «Права и справедливости» Комитета солидарности с Белоруссией. Журнал должен составить конкуренцию пропрезидентскому «Магазину польскому»». («Жечпосполита», 2 ноября)

- **«Капитул премии им. Ежи Гедройца газеты «Жечпосполита» за деятельность на благо польских государственных интересов постановил присудить премию 2005 года выдающейся российской поэтессе и журналистке, борцу за свободу и права человека, большому другу Польши и поляков Наталье Горбаневской — за многолетнюю самоотверженную деятельность на благо укрепления дружбы, доверия и взаимопонимания между народами и государствами Восточной Европы, а особенно между поляками и русскими».** «В 1968-1969 гг. Наталья Горбаневская была первым редактором издававшегося в СССР самиздатского бюллетеня «Хроника текущих событий», и уже одно это обеспечило ей прочное место в истории

борьбы с тоталитарной системой». «Теперь я еще и член редколлегии журнала «Новая Польша», — говорит Горбаневская. (*«Жечпосполита», 12-13 ноября*)

• «Умер Александр Николаевич Яковлев (...) Для поляков он навсегда останется (...) человеком, благодаря которому после долгих десятилетий извращения истории Москва наконец публично признала, что ответственность за катынское убийство несут Сталин, НКВД и советские коммунисты. В 65-ю годовщину катынского преступления он был награжден за это командорским крестом ордена Заслуги Республики Польша». (*«Жечпосполита», 19 окт.*)

• «С 10 по 21 октября представители Института национальной памяти (ИНП) изучали в Москве 67 томов несекретных документов российского следствия по делу о катынском преступлении (...) Российская сторона не согласилась сделать ксерокопии этих документов. «Не предоставили нам и текст постановления о прекращении российского следствия по катынскому делу», — сообщил вчера в Москве Павел Кароляк из ИНП». (*«Газета wyborча», 25 окт.*)

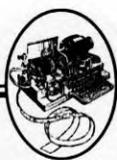
• Томаш Наленч: «В интервью правительственной «Российской газете» заместитель секретаря Совета безопасности Российской Федерации Николай Спасский обвинил Польшу в «смерти десятков тысяч красноармейцев, в 1920-1921 годах погибших в польских концентрационных лагерях» (...) Совместные выводы польских и российских архивистов и историков, опубликованные (в т.ч. и в России) в сборнике «Красноармейцы в польском плену в 1919-1922 гг.» [см. «НП», 2005, №10], свидетельствуют о том, что никакого истребления пленных поляками не было. Почему же высокопоставленный представитель российских властей повторяет ложь, бросающую тень на польско-российские отношения?» (*«Впрост», 23 окт.*)

• Евгений Киселев, обозреватель радиостанции «Эхо Москвы», один из основателей НТВ и главный редактор «Московских новостей»: «Этот новый праздник вызывает у меня чувство стыда (...) Установленный Кремлем новый праздник имеет явный антизападный и антипольский подтекст (...) Это попытка напомнить россиянам, что их историческими врагами всегда были люди с Запада, в том числе поляки. Недавно мы прощались с Александром Яковлевым, который приложил немало усилий, чтобы рассказать правду о пакте Риббентропа—Молотова, разделе Польши, катынском преступлении. Теперь все это снова засекречено. В связи с этим я тем более хочу, что-

бы читатели газеты «Жечпосполита» знали: в России есть миллионы людей, которые, как и я, считают, что такого рода действия позорят нашу страну; есть тысячи россиян, которые благодарны Польше за «Солидарность», которые помнят Валенсу и Кароля Войтылу и понимают, что произошедшие в России положительные изменения были возможны благодаря тому, что десятью годами раньше именно поляки дали импульс переменам — в том числе и российским». (*«Жечпосполита», 5-6 ноября*)

• «Это была величайшая трагедия в истории варшавской Праги [некогда предместья, а ныне правобережной части города] (...) Вчера в Праге отмечалась 211-я годовщина знаменитой резни (...) Наступавшие на Варшаву русские войска под командованием Александра Суворова штурмом взяли Прагу и 4 ноября 1794 г. вырезали более 20 тысяч человек. Жителей вытаскивали из домов и убивали на улицах. Дома поджигали (...) Спустя неделю охваченные ужасом защитники Варшавы капитулировали. Архиепископ Славой Лешек Глудзь отслужил в [пражском] кафедральном соборе вечернюю мессу за погибших в те дни пражан. После богослужения из собора двинулась процессия к кресту, посвященному памяти жертв резни, который стоит неподалеку от [православной] церкви св. Марии Магдалины. Надпись на кресте гласит: «Они погибли, потому что были поляками». (*«Газета wyborча», 5-6 ноября*)

• «Кем был Сократ Старынкевич? Этого не знают даже многие из тех, кто приходит в нашу редакцию, расположенную на площади, которая вот уже 112 лет носит его имя. Речь идет о «благороднейшем русском» (как спустя многие годы назвал его выдающийся историк проф. Станислав Хербст), в 1875-1892 гг. исполнявшем обязанности президента Варшавы. Недавно вышел [в польском переводе] его «Дневник», написанный в 1887-1897 гг., который был предоставлен директору Исторического музея Варшавы Анджею Солтану правнучкой президента Элизабет Старынкевич-Миллет [см. отрывки из дневника в «НП», 2004, №10]. В этих записках Старынкевич предстает перед нами человеком кристально честным и чутким, наделенным огромным чувством ответственности за судьбу препорученного его заботам города, а также, говоря шире, за уважение и справедливое отношение к полякам (...) Этого царского генерал-майора в отставке возмущало стремление к официальной русификации (...) Когда в 1902 г. Старынкевич умер, его провожали на варшавское православное кладбище тысячи

благодарных поляков. Его ухоженная могила находится в тамошней Аллее заслуженных (с 1924 г.), восстановленный прекрасный бюст стоит на территории [построенной по его инициативе] фильтровальной станции (1996), а площадь [его имени] никогда не переименовывалась». (*Мацей Росаляк, «Жечпосполита», 3 ноября*)

• «Одним из последних [новоизбранного президента Леха Качинского] поздравил президент России (...) Письмо от Владимира Путина передал Качинскому поверенный в делах российского посольства. «Я рад этому визиту. Содержание письма дает хороший прогноз на будущее», — сказал Качинский». (*«Жечпосполита», 27 окт.*)

• Согласно популярному в Варшаве анекдоту, телеграмма президента Путина новоизбранному президенту Качинскому звучит так: «ПОЗДРАВЛЯЮ СТОП НЕФТЬ СТОП ГАЗ СТОП» (Игра слов: в телеграммах польское «стоп» соответствует русскому «тчк» — *Пер.*). (*Первая программа Польского радио, 6 ноября*)

• «Начиная с 10 ноября Россия ввела запрет на импорт из Польши мяса и некоторых мясных изделий». (*«Жечпосполита», 10-11 ноября*)

• «Через четыре дня после закрытия границ для польского мяса Россия ввела запрет на импорт наших продуктов растительного происхождения». (*«Жечпосполита», 12-13 ноября*)

• «Если бы не мясо, нефть, газ и новый российский национальный праздник, связанный с поляками, мы могли бы сладко спать и видеть сны о Западе. И только о нем. Восток появляется в нашем сознании урывками, время от времени и главным образом в связи с Польшей. Сам по себе он руководителей наших СМИ не интересует (...) Их не интересуют сами украинцы, белорусы и россияне, которые в результате не могут интересоваться и нас, потребителей информации: мы слишком мало о них знаем (...) Занимаясь только жестами Кремля по отношению к Польше и отказывая в заинтересованности остальным россиянам, мы укрепляем в них ощущение изоляции, особенно болезненное для тех, кто идентифицируется скорее с западной, нежели евроазиатской цивилизацией. Мы не упоминаем о них ни в ЕС, ни в Совете Европы, ни в ООН». (*Кристина Курчаб-Редлих, «Жечпосполита», 18 ноября*)

• «В ходе закрытого процесса Варшавский окружной военный суд приговорил подпоручика Войцеха С., признанного виновным в шпионаже в пользу России, к трем годам лишения свободы и разжалованию (...) Войцех С. служил в Военной информационной службе». (*«Жечпосполита», 5-6 ноября*)

• «Под лозунгом борьбы с терроризмом [США] напали на Афганистан, демонизируя талибов. Перед агрессией против Югославии общественному мнению внушали, что в Косове происходит геноцид (...) Сколько невинных людей погибло от американских и британских бомб, сброшенных на Югославию, Ирак, Афганистан? (...) Американские и британские летчики без зазрения совести разрушали экономическую инфраструктуру подвергшихся нападению государств, особенно Югославии, сознательно убивали безоружное мирное население». (*Тадеуш Самитовский, «Пшеглэнд православный», октябрь*)

• В полевом госпитале польской спасательной миссии в пакистанском городе Балакот помощь была оказана почти 700 лицам, получившим ранения во время землетрясения. В состав миссии входили 18 человек из гданьской и новосонской специальных групп — в т.ч. пожарные, спасатели, проводники собак, врачи. Они привезли с собой пять поисковых собак и специализированное оборудование, включая электронные детекторы. Миссия вернулась в Польшу 19 октября. (*«Ты-годник повсехний», 30 окт.*)

• Согласно опросу Института «Пентор», «1 ноября [в день Всех святых] на могилы родных и близких собирается пойти 91% поляков (...) Половина из нас и так приходит на кладбище по крайней мере раз в месяц. Мы приходим туда, чтобы воздать дань памяти и уважения усопшим (так говорят более половины опрошенных), а также чтобы задуматься о нашей бренности и смерти (так считает каждый четвертый опрошенный). Для каждого десятиго поляка это время молитвы». (*«Жечпосполита», 29-30 окт.*)

• «В Польше уже появились кладбища для животных [под Варшавой, Быдгощем, Вроцлавом и в Лодзи], однако их все еще слишком мало (...) Это трогательные места — земля там усеяна маленькими могилками, богатыми или очень скромными, но всегда украшенными красивыми надписями, прославляющими достоинства умерших зверюшек, а также выражающими тоску и боль их хозяев. А на могилках подарки: искусственные мышки, резиновые кости, цветы и, конечно же, надгробные лампадки». (*Марьяля Вейс, «Кот», журнал для любителей кошек, ноябрь-декабрь*)

• Проф. Зофья Келан-Яворская, лауреат премии Фонда поддержки польской науки 2005 года, называемой польской Нобелевской премией: «Палеонтология учит нас скромности, показывая, что человек — не господин творения, а продукт эволюции». (*«Жечпосполита», 8 ноября*)

Дариуш Стасик

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПАУТИНА

Польские фирмы становятся инвестиционными магнатами в регионе бывшего советского блока. Словаки, чехи и венгры покупают польские продукты питания, одежду и даже мебель.

Польские автобусы ездят по улицам Риги, жители Праги одеваются в магазинах «Reserved», болгары пьют соки «Agros Nova». То, что не удалось СЭВу, делает сегодня рынок. После нашего вступления в Евросоюз польские фирмы открывают центральноевропейский регион и оплетают его все более прочной паутиной экономических связей. Они быстро увеличивают объемы продаж польских товаров в бывшие соцстраны — как принятые в ЕС (Чехия, Венгрия), так и стремящиеся в него (Румыния, Болгария). Поляки все более охотно открывают там свои салоны (так сделали фирмы LPP, «Кан», «Клер», CCC, «Sunset Suit») или поглощают местных конкурентов (как «Masrex», «Cersanit» и «Орлен»).

По данным Главного статистического управления (ГСУ), за первые семь месяцев текущего года мы продали в Чехию товаров на 1,7 млрд. евро, а в Венгрию — более чем на миллиард. Это не много, особенно если сравнить эти цифры с объемом экспорта в Германию, остающуюся нашим крупнейшим торговым партнером: в тот же период за Одер было экспортировано товаров на сумму 11,2 млрд. евро. Однако экспорт в страны бывшего восточного блока растет значительно быстрее. Экспорт в Россию увеличился вдвое, в Венгрию — почти на 29%, а в Чехию — на четверть. Быстро растет и товарооборот с другими посткоммунистическими государствами. Если пять лет назад объем нашего экспорта в Румынию составлял около 130 млн. долларов, то в этом году он превысит миллиард.

Экспорт в страны Центральной Европы будет и дальше расти быстрыми темпами — этому способствует благоприятная конъюнктура. Модернизирующие и реформирующие свою экономику посткоммунистические государства еще долго будут нуждаться в импортных товарах. «Эти рынки быстро растут. Они менее насыщены товарами, и их гораздо легче завоевать, чем западноевропейские», — объясняет Кшиштоф Марчевский из Института конъюнктуры и цен внешней торговли. К тому же по мере развития экономики в своих странах восточные европейцы быстро обогащаются и начинают всюю потреблять.

Как и в странах Западной Европы, хитом в центральноевропейском регионе стали наши продукты питания. «Продажа соков, особенно морковно-фруктовых, быстрее всего растет в Литве, Латвии, Словакии и Чехии», — говорит Иоанна Банцеровская, пресс-секретарь фирмы «Agros Nova», одного из крупнейших польских производителей напитков и джемов. За первые восемь месяцев этого года экспорт «Агросы» на центральноевропейские рынки увеличился вдвое, а его доля в экспорте возросла с 38 до почти 43%.

Ставку на рынки бывшего восточного блока фирма сделала в конце 2003 года. Поскольку эти рынки находятся по соседству с Польшей, можно сэкономить на транспортных расходах. Кроме того, там меньше конкурентов с Запада. И, самое главное, благодаря вступлению в Евросоюз исчезли таможенные барьеры. В результате сегодня Польша продает в новые страны-члены ЕС в два раза больше продовольственных продуктов, чем покупает у них. А ведь до вступления в ЕС в торговле продуктами питания у нас был дефицит.

Польше мешал процветавший в регионе протекционизм. Несмотря на то что страны нашего региона входили в зону свободной торговли СЕФТА, сотрудничество складывалось не лучшим образом. Достаточно вспомнить, что несколько лет назад, после того как Польша ввела пошлину на импорт венгерской кукурузы и томатной пасты, дело чуть не дошло до польско-венгерской торговой войны. Теперь торговые барьеры исчезли, а продажа продуктов питания в страны Центральной Европы идет полным ходом. В Словакии польские продукты продаются настолько хорошо, что местные крестьяне в отчаянии высыпают на дорогу импортируемые из Польши более дешевые овощи и фрукты. Все больше сельскохозяйственных продуктов покупают и Венгрия. По данным министерства экономики и труда, за первые семь месяцев текущего года экспорт продуктов питания в Венгрию увеличился на 95%. Еще в этом году у Польши есть шанс стать вторым крупнейшим — после Германии — поставщиком продуктов на берега Дуная.

Дешевые и качественные польские продукты еще долго будут гостить на столах наших соседей по региону, так как у них продолжают оставаться проблемы с сельским хозяйством. Если в Польше после вступления в Евросоюз его рентабельность возросла, то в таких странах, как Венгрия, — упала. В результате там уменьшаются посевные площади, поголовье скота и птицы. В Словакии и Литве положение фермеров тоже улучшается слишком медленно.

Однако мы можем предложить гораздо больше, нежели только продукты питания. Своими текстильными изделиями, мебелью, изделиями из металла и пластмассы мы покорили сердца чехов, а телерадиоаппаратурой и бытовой техникой — румын. В Венгрию мы продаем автобусы и автомобили. Возвращается на венгерский рынок и наша легкая промышленность. За первые семь месяцев этого года мы продали на берега Дуная одежды на общую сумму 36 млн. евро, т.е. на 75% больше, чем за тот же период прошлого года. Кроме того, мы стали одним из ведущих поставщиков мебели на этот рынок — мы продали ее на сумму 80 млн. евро. Наши фирмы побеждают в правительственных конкурсах на меблировку венгерских учреждений, в то время как еще пять лет тому назад в Венгрии вообще не было нашей мебели.

Огромным шансом для польских предпринимателей стала сегодня Румыния. Эта страна, долгие годы остававшаяся неинтересной для инвесторов, переживает период интенсивных преобразований перед вступлением в ЕС. Польские фирмы могут предложить ей помощь в строительстве автострад и газопроводов, поставке сельскохозяйственных машин, двигателей и корабельного или автомобильного оборудования.

«Это уже не сермяжное предложение времен социализма. Нам помогли иностранные инвестиции последних пятнадцати лет», — говорит Марек Зубер из «Маклерского дома в Интернете». Ведь международные концерны, построившие в Польше заводы по производству стиральных машин, автомобилей или телевизоров, делали это, в частности, с мыслью о других рынках нашего региона, жаждущих потребительских благ. Для многих зарубежных фирм Польша стала производственной базой в Центральной и Восточной Европе. Это подтверждают и данные министерства экономики: фирмы с иностранным капиталом производят уже 60% нашего экспорта.

Однако сегодня иностранными инвесторами в регионе все чаще становятся польские фирмы. Благодаря объему нашего рынка у них больше производственных возможностей, чем у предприятий из других посткоммунистических стран. Кроме того, они все смелее поглощают своих конкурентов. Например, «Masrex» стал владельцем чешской фирмы «Walmart» — лидера по продаже соков в Чехии и Словакии, а также венгерской компании «Олимпос». Производитель санитарной керамики «Cersanit» купил литовскую фирму «Dvarcionu Keramik». Крупнейшую такого рода сделку заключил в этом году польский нефтяной концерн «Орлен», купив более чем за 400 млн. евро чешский «Unipetrol».

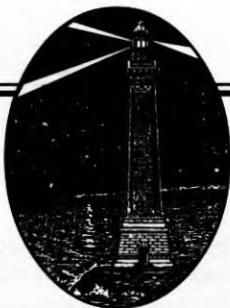
Растет и число польских фирм, которые расширяют в соседних государствах свои сети продаж. Это касается в первую очередь текстильных, обувных и мебельных предприятий. Мебельные магазины «Клер» и «Вокс» привлекают покупателей в Праге и Брно. «Кан», владелец брэнда «Tatum», открыл уже два салона в Венгрии и один в Праге, а LPP (брэнды «Reserved» и «Сторр») — несколько десятков магазинов в Чехии, Венгрии, России, Украине и Прибалтике. Теперь в игру вступает познанский «Semaх», владелец свыше 20 «аутлетов» — магазинов, в которых продаются остатки коллекций и излишки производства по цене до 70% ниже обычной. В конце сентября фирма открыла в Вильнюсе свой первый заграничный магазин «Vabbi Factory Outlet». В первый же день новый салон посетили 5 тыс. покупателей. «Очередь тянулась больше чем на 100 метров», — говорит один из акционеров «Semaх'а» Мариуш Шейб. Окрыленная успехом, фирма уже готовится к открытию следующих «аутлетов» в Чехии и Словакии.

Экспансия польских фирм в регионе — это лишь начало его экономической интеграции. Авторитетный британский исследовательский центр «The Economist Intelligence Unit» предвещает возникновение в Центральной Европе сильных корпораций, которые будут играть роль посредников между Западной Европой и огромным, быстро растущим рынком стран СНГ. Наши предприниматели наверняка примут в этом процессе заметное участие. Что это: СЭВ-2? Быть может, но породил его рынок, а не партийные директивы.

Newsweek

Paulina Zielona

**Магдалена Козмана
Лукаш Корыцкий**

МОЖНО ЛИ ЧЕМУ-НИБУДЬ НАУЧИТЬСЯ У ПОЛЯКОВ?

В Азии и бывших странах восточного блока эксперты из Польши учат реформировать пенсионную систему. Государствам, готовящимся к вступлению в Евросоюз, они рассказывают об оптимальных методах подготовки. Времена, когда сама Польша использовала зарубежный опыт, постепенно уходят в прошлое.

— Наш опыт в использовании фондов ЕС особенно интересен, например, Украине, а также Сербии и Хорватии, которые стоят на пороге Евросоюза. А страны Средней Азии пользуются нашим опытом более раннего периода, например, в проведении приватизации, — говорит Павел Самецкий, директор департамента внешних связей Польского национального банка.

Еще несколько лет тому назад Польша была страной, принимавшей иностранную помощь. Теперь мы сами предоставляем такую помощь, часто передавая наш опыт в области экономики. К этому нас обязывает и членство в ЕС. Страны-члены Евросоюза обязаны предназначать часть своих доходов на помощь странам более бедным или осуществляющим экономические преобразования.

Два года тому назад министерство иностранных дел Польши приняло далеко идущую программу помощи другим странам. В текущем году на техническую и консультационную помощь МИД выделил 18 млн. злотых, а в будущем году эта сумма должна увеличиться в восемь раз. На средства, выделенные МИДом, на Украине осуществляется, к примеру, проект популяризации кооперативных сберегательно-кредитных касс, создания групп продюсеров и поддержки сектора малых и средних предприятий. Польские консультанты, оплачиваемые из фондов МИДа, работают и в Ираке.

Наемные специалисты

Работа польских экспертов оплачивается также из средств Европейской комиссии, которая ежегодно выделяет на консультации, обучение и помощь зарубежным организациям около 1,5 млрд. евро. Наши организации — партнеры в реализации многочисленных международных проектов, осуществляемых в рамках ЕС.

В настоящее время чаще всего мы передаем свой экономический опыт балканским странам, ибо именно туда Евросоюз направляет обширные программы помощи. Фирма «Советник Consultants» из Гдыни работает теперь по поручению немецкого банка KfW для «Kosovo Trust Agency». Фирма осуществляет консультативную помощь в процессе преобразования предприятий водоснабжения и канализации в кооперативные.

— В течение последних пятнадцати лет у польских фирм было много возможностей накопить соответствующий опыт. Кое-кто полуслушно утверждает, что пять лет работы в системе консалтинга в Польше — это больше, чем 20 лет работы в спокойных условиях стран Западной Европы, — уверяет Ярослав Зыснарский, президент фирмы «Советник Consultants».

Польских экспертов ценят не только в Европейской комиссии, но и во Всемирном банке, и в ООН. Ежи Осятынский работает сейчас по поручению ООН в Азии, консультирует по проблемам экономического развития.

Поляки часто участвуют в проектах, которые осуществляются в бывших советских республиках.

— Многие польские эксперты, кроме накопленного опыта в процессе трансформации в Польше, обладают таким немаловажным достоинством, как знание русского языка, что позволяет им свободно общаться в Киргизии, Молдавии или Грузии, — подчеркивает Яцек Цукровский из регионального Центра ПРООН в Братиславе.

От Албании до Вьетнама

Марек Домбровский, эксперт, работающий в Центре социально-экономических исследований (ЦСЭИ), — один из тех польских специалистов, кого наиболее часто приглашают за рубеж. У ЦСЭИ имеются собственные отделения от Албании до Вьетнама. Недавно здесь составляли экономические прогнозы для Боснии и Герцеговины. На консалтинговые проекты, касающиеся, в частности, рыночной трансформации, было выделено в прошлом году 1,35 млн. злотых.

— Организаторы международных консалтинговых проектов из ЕС стремятся обеспечить участие наших специалистов в их осуществлении, — говорит Иоанна Биненда, сотрудник ЦСЭИ.

Свои программы обучения ведет Польский национальный банк (ПНБ). Проводится обучение представителей банков тех стран, где в настоящее время идут процессы преобразований. В текущем году ПНБ выделил на эти цели 400 тыс. злотых.

— С начала 2000 г. у нас в Польше прошли подготовку 30 групп сотрудников центральных банков, — говорит Пшемислав Кук из ПНБ. Недавно банк подписал двусторонние соглашения об обмене опытом с центральными банками Вьетнама, Киргизстана и Монголии.

С 2002 г. ПНБ совместно с Американским агентством по международному развитию (USAID) занимается также подготовкой банковского надзора других стран. Программа, которая носит название TIBS, осуществляется главным образом в государствах Центральной, Восточной и Южной Европы, а также в Юго-Восточной Азии.

Специалисты по вопросам пенсионной системы

Интерес к некоторым польским реформам проявили также развитые страны.

— С полной уверенностью можно сказать, что в области реформы пенсионной системы мы не «потребитель», а «источник» опыта. Можно смело утверждать, что с этой точки зрения мы относимся к мировым лидерам, — говорит профессор Марек Гура, один из авторов проекта польской реформы пенсионной системы. — Нас приглашают с лекциями практически по всему миру, от Японии до США.

По мнению профессора Гуры, Польшу — подобно тому, как некогда страны Южной Америки, — приводят теперь в качестве примера удачной реформы пенсионной системы, и наши соотечественники стали теперь экспертами в этой области. В качестве примера может служить хотя бы экономист Всемирного банка Михал Рутковский, кото-

рый помогает проводить реорганизацию пенсионной системы не только в странах Центральной Европы, но и в Северной Африке.

Подобным же образом выглядит ситуация с системой прямых доплат крестьянам. Польша — единственная страна в Евросоюзе, внедрившая информационную систему IACS (система интегрированного управления и контроля ЕС), в которую

включены полтора миллиона хозяйств. Система, созданная фирмой «Хьюлетт-Паккард», получила в 2005 г. премию «Computerworld», присуждаемую в США за новаторские информационные решения.

Польский опыт по внедрению единой аграрной политики использует и Румыния. Польское Управление реструктуризации и модернизации сельского хозяйства консультирует румынские власти по двум проектам, финансируемым из фондов ЕС. Бюро экономической политики и регионального развития из Кельце собирается вести консультации по этой проблематике и в Турции.

В свою очередь КНР и Вьетнам опираются на наш опыт в создании системы финансирования охраны окружающей среды. Глава Национального фонда охраны окружающей среды и водного хозяйства находится в настоящее время в Казахстане, где знакомит с нашими решениями местных специалистов.

— Состояние окружающей среды в Польше улучшилось весьма значительно, используемая в Польше система штрафов за загрязнение и система предоставления займов на инвестиции в охрану окружающей среды рекомендованы другим государствам Всемирным банком и Европейской комиссией, — объясняет Иоланта Чудак-Кереш, пресс-секретарь фонда.

Лукаш Корыцкий С НАС БЕРУТ ПРИМЕР

Всего несколько лет назад в Польшу съезжалась масса западных специалистов, которые учили нас, как правильно преобразовать экономику и подготовить ее к вступлению в Евросоюз. Теперь положение изменилось. Польша становится поставщиком, а не потребителем опыта.

Есть области, в которых мы можем служить примером. Страны, добивающиеся членства в ЕС, берут пример с наших реформ, позволяющих пользоваться фондами Евросоюза. Проведенная в Польше реформа пенсионной системы многими воспринимается весьма положительно. Как некогда в пример ставили с этой точки зрения страны Южной Америки, так теперь во всем мире говорят о Польше. С завистью смотрят на нас даже богатые западноевропейские страны, которые вот-вот окажутся перед лицом кризиса системы социального страхования.

Таких направлений, в которых мы можем поделиться положительным опытом с другими странами, становится все больше, и наверняка число их будет возрастать. Пока что потребителями нашего опыта в экономической области остаются прежде всего страны бывшего восточного блока, дальневосточные и африканские страны, но все чаще наших экспертов приглашают и в развитые страны. Это хорошо, ибо чем больше польских экспертов будет передавать свои знания за рубежом, тем более высокую оценку получит наша страна от международных финансовых институтов. И благодаря этому Польша пойдет в правильном направлении, чтобы заслужить право войти в группу государств с развитой экономикой.

Марек Новаковский

Перевод Натальи Горбаневской

ЭТО СВОБОДНАЯ СТРАНА!

(Рассказы из книги)

ДВАЖДЫ СИБИРЬ

Снегу навалило. И дальше валит. Даже в центре города, где снег быстро превращается в грузное черное месиво, белизна не уступает. Она покрывает толстым слоем улицы, площади. Только на мостовых можно победить ее благодаря безустанной работе снегоочистителей. Правда, и они не поспевали.

Снег шел густой и упорный. В дальних предместьях города возникали пространства, покрытые толстым слоем девственного снега, без человеческих следов. Только птичьими и собачьими пробежками были исчерканы эти белые полости. Некоторые улицы были окружены высокими сугробами: дворники широкими лопатами собрали снег.

Сегодня вдобавок начало выжить: сорвался порывистый ветер, поднимавший тучи белой пыли. Возле корпуса снег осклиз от ходьбы, и надо ступать очень медленно, на широко расставленных ногах. Так и передвигаются люди, низко опускают головы, защищаясь от ветра поднятыми воротниками пальто и курток.

Пожилой мужчина возвращался из магазина с покупками в сумке. Он уже подходил к двери, когда ветер разгулялся и резким порывом столкнул его с протоптанной дорожки в сугроб. Мужчина с трудом сохранил равновесие, но провалился в снег по пояс. Кое-как вылез и, отряхнув башмаки, поскользнулся — и снова оказался в сугробе.

— Сибирь, сучий потрох! — ругнулся он громко.

Час спустя в другой части города молодой мужчина, шедший энергичным, размашистым шагом, переходя площадь, поскользнулся на отполированном до блеска оледенелом снегу.

Наверно, подошвы его модных полуботинок были слишком гладкие — поскользнулся на каблуках и больно упал на сиденье. Аж застонал, туша у него была та еще.

Неловко поднялся, злой, покрасневшийся.

— Сибирь, бя! — выкрикнул он с гневной страстью.

Согласитесь, что это весьма интересно. Два раза то же стихийное восклицание бессознательно вырвалось у пожилого человека и у молодого, лет этак на тридцать младше.

Суровый зимний пейзаж сибирского Севера. Никакой Гренландии, Аляски — одна Сибирь.

Пожилой мужчина мог помнить те края по личному опыту. В Советском Союзе поляков вывозили в Сибирь, а до того — в России. Два века краеведческого опыта. У юноши же не могло быть личных ассоциаций. Быть может, он слышал о Сибири дома: отец, кто-то другой из близких могли совершить туда принудительное странствие. Или просто начитался воспоминаний ссыльных.

Вот так, размышляя об этом дважды повторенном восклицании «Сибирь!», я чуть-чуть было и сам не попался, не поскользнулся на снегу — спас меня металлический столбик, ограждавший тротуар от мостовой, за него я ухватился обеими руками. Не успел воскликнуть: «Сибирь!»

Ignacy Czwartkos

ЭРУДИТ

Они ходили втроем. Помоечники, бездельники, бродяги. Этой своей плетушейся, измаянной походочкой. Тепло одеты, хоть зимой, хоть летом, в слоях шмотья как луковица, с мешками на спине. Заросшие, кудлатые, покрытые многомесячной корой грязи, вьешьейся в руки, лицо, во всё; лица у них на солнце переливались багрянцем, медью, бронзой, желтым и лиловым. Целая палитра. Они обходили город, как лесные звери свою заповедную территорию. На постой становились в подворотнях, под стенкой, на помойке. Из мусорных ящиков они черпали всякое добро, макулатуру, бутылки, металлолом — и продавали в скупку.

Минималисты потребностей и требований. Редуцированные существа. Можно было увидеть, как они на корточках сидят на улице, питаются обрезками колбасы, сыра, хлеба, извлеченными из челюстей мусоросборников. Вырытое из мусора меню они разнообразили объедками с тарелок в дешевых забегаловках, порой заходили в столовые для бедных и там иногда получали тарелку горячей еды. Утолив голод, сытые, радостно улыбаясь, они искали бычки. Рылись в урнах, вели поиски между плит тротуара. Жадно докуривали, и это была полнота счастья.

В зимнюю пору они грелись у батарей на вокзале, забирались на лестничные клетки домов, исчезали где-то в подземных частях города, знали тайные входы в горячее нутро столицы, размещались в котельных или возле водопроводных труб. Когда их гнали, как докучливых насекомых, они удалялись без возражений и искали пристанища в другом месте. Скорее неразговорчивые, они издавали нечленораздельные звуки, несколько напоминающие покрякивание неведомых птиц, давно утратив потребность выговаривать слова полностью. Бывали они и весьма счастливы, это чаще всего случалось после того, как они напивались самым дешевым вином, так называемыми коктейлями и прочей отравой подозрительного происхождения. Улыбка украшала их лица, они покрякивали оживленней, жестикулировали и неловко подскакивали. Но никогда не скандалили, никого не задирали

и радостям своим предавались в сторонке. Не заступали другим их столбовую дорогу и выбирали себе места постоя где-нибудь сбоку, в подворотнях старых доходных домов, по краешкам рыночных площадей или в бурьяне на берегу реки. Было их трое неразлучных дружков. Тот лысый, с рыже-сивой бородой патриарха и маленькими, но крайне живыми глазками, хоть такой же, как они, ободранный, с распухшими, как воздушные шары, ногами, отличался среди них ярко выраженной особливостью. Два его товарища, насытивши голод объедками с помойки или же клецками, картошкой и овощами из пластмассовой коробки, которыми угостила их добродушная кухарка из забегаловки, с великой жадностью поглотив еду и чувствуя сытость, распиравшую брюхо, впадали в глубокий сон где-нибудь на стеночке, окружающей какой-нибудь сквер, или в подворотне, принимали горизонтальное положение и переваривали съеденное, посапывая и похрапывая сквозь сон. А лысый бородатый патриарх усаживался отдельно, чуть в стороне от дружков, сразу вытаскивал из бездонного мешка пачку цветастых еженедельников и сосредоточенно предавался решению крестословиц, шарад, ребусов. Полностью поглощенный умственным развлечением, он огрызком карандаша заполнял соответствующие квадратики, подымал голову, морщил лоб и усиленно размышлял. И так часами. Те двое уже проснулись, покрикивают на него, жаждут пуститься дальше, а он их и не слышит, погруженный в свое захватывающее занятие. Они подходят, тянут его. Он неохотно встает. Трогаются им вслед. Все трое шлепающей походкой, навьюченные набитыми мешками, куда-то спешают. Однажды, испытывая неудержимое любопытство, я заглянул ему через плечо: он держал разложенным на коленях старый, изорванный журнал с крестословицей, занимающей полстраницы, — она была уже почти решена. Он еще ломал голову над несколькими пустыми квадратами. Ровным, старательным почерком чертил буквы.

Они сложились в поддающееся прочтению слово — Бунин.

— Бунин, — повторил я бессознательно.

Он поднял голову. Поглядел на меня и добродушно улыбнулся.

— Хороший писатель, — произнес он хриплым голосом. —

Первым в России получил Нобеля.

Я посмотрел на него изумленно. Он не переставал улыбаться. Я угостил его сигаретой. Он затаился с наслаждением. Ладони у него были узкие, пальцы длинные. Жутко грязные, с черными когтистыми ногтями.

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

Трое местных пьянчужек. Стояли между ларьками на площади Шембека. Знакомы были много лет. Стоят и ждут. Чего? Понятное дело — везенья. Что-то от торговцев получают за помощь в разгрузке товара. Порой походят за макулатурой и цветными металлами. Или за чем-нибудь их пошлют. Кто-нибудь что-нибудь всегда подарит. Жалостливое сердце состраданием забьется. Братская душа отзовется в человеке, который рюмку мимо рта не пронесет. И уже можно в магазине пивка, вишневки или еще какой бормотухи купить.

Сегодня все складывалось плохо с самого утра. Торговцы не нуждались в помощи. Жалостливых сердец не находилось. Они стояли с сухой глоткой. Внутри их жутко трясло. Так жутко, что моментами казалось, будто эти тучи, черные и тяжелые, нависшие низко над зем-

лей, сейчас рухнут им на черепаху. Они пробовали отогнать мрачные мысли. Один начал анекдот рассказывать. Про мужика, бабу и еще одного мужика. Но так и не дорассказал, запутался, забыл. Второй принялся бредить о счастье. Что якобы один старик на этом базаре нашел двести злотых одной бумажкой. Ну и что из этого! Они уже давно ничего не находили. Ни одного злотого.

— Вырубись, хер сломанный! — проворчал первый второму, и его еще сильнее затрясло, а тучи сползали все ниже.

Третий, Хайло, с рубильником лиловым и крючковатым, с голыми деснами в хайле без единого зуба, начал так:

— А знаете, парни, что там дальше... — он протянул руку вперед, — лежит Ольшинка-Гроховская?

Разум что ли и память ему отбило! Они же все оттуда, парни из Грохова. Кто ж это не знает, что там Ольшинка-Гроховская.

Хайло не унимался:

— Но чего щас скажу, наверняка не знаете... — он задумался, лоб покрылся бороздами. — Тут великую битву поляки москалям устроили, сто и сколько-то там десятков лет назад, в ноябрьское восстание.

Они подняли головы и поглядели на него с изумлением. Хайло еще больше наморщил лоб, на этот раз голову повернул и руку вытянул назад.

— Там Иганская, верно? — Они поддакнули. С детских лет они бегали по бульжникам Иганской, Чапельской, оттуда на Вятрачную, Гроховскую и к озерку на Каменке.

— Иганская, — Хайло широко улыбнулся, обнажив голые десны, — тоже от восстания. Была такая битва под Иганями.

Они заморгали, никак не улавливая, куда Хайло ведет. А он говорит:

— Еще дальше — Жимирского, верно?

— Ну и что из этого? — разозлился первый.

— Ты что, сбрендил? — добавил второй.

— И вовсе не сбрендил, — возразил Хайло спокойно. — Еще Дверницкого...

— Дверницкого, — повторил второй. — Та самая Манька за магазином живет на Дверницкого. Кажись, в доме пять.

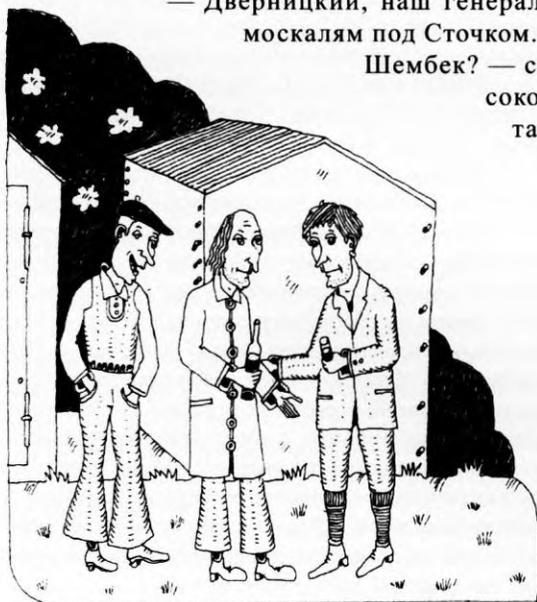
— Десять, — поправил первый.

— Дверницкий, наш генерал, — говорил Хайло как в трансе, — надавал москалям под Сточком. Еще Кицкого — Кицкий тоже генерал... Ну а

Шембек? — спросил он и посмотрел на них вы-

сокомерно. — Скажите, парни, кто такой был Шембек?

Они не знали.

Дариуш Новацкий

К 70-ЛЕТИЮ МАРЕКА НОВАКОВСКОГО

Написанного Марек Новаковским, кажется, так много, что в коротком тексте толком ни о чем и не расскажешь. Трудно даже установить, сколько книг напечатал писатель, отмечающий в нынешнем году свое 70-летие (Марек Новаковский родился в 1935 г. в Варшаве и с этим городом непрерывно связан до сих пор). Только одних названий книг-«премьер» больше пятидесяти — начиная с дебютантского сборника рассказов «Этот старый вор» (1958) вплоть до самого последнего тома прозы «Стигматика», изданного в середине 2005 года.

Трудность в подсчетах вытекает из того, что Новаковский — мастер малых повествовательных форм: повести — или, как теперь говорят, «мини-романы» — он пишет крайне редко, а за традиционные, «настоящие» романы вообще никогда не брался. Поэтому неудивительно, что во многих книгах Новаковского в новом составе повторяется ранее использованный материал. К этому прибавляются издания избранных рассказов. Наконец, многие его книги, а в 80-е годы — практически все, из-за цензуры выходили сначала за рубежом или в подпольных издательствах и только после проходили их официальные премьеры на родине. Так или иначе даже неполная библиография произведений Марка Новаковского производит сильное впечатление. Это один из самых работающих польских прозаиков последних пятидесяти лет.

То, что полка со всеми книгами Марка Новаковского протянулась бы в длину на несколько метров, конечно, не слишком важно. В конце концов, плодовитость еще ничего не решает. Куда важнее то, что писатель ни разу не изменил своему призванию, остался верным писательской миссии, которую осуществляет с полной убежденностью почти полвека.

Марек Новаковский впервые стал печататься в литературной периодике в 1957 году. Годом позже вышла его первая книга, вышеупомянутый сборник рассказов «Этот старый вор». Второй сборник прозы, «Бенек Цветочник» (1961), с тематической и формальной точки зрения продолжавший дебютантскую книжку, не только упрочил писательское положение Новаковского, но и на многие годы вперед создал его образ в глазах публики. К писателю надолго прикле-

ился ярлык певца социального дна, автора, заинтересованного особым вариантом маргинальности, специалиста по «черной прозе».

Предметом описания в своих ранних книгах Новаковский сделал замкнутую среду варшавских предместий — мир мелких преступников, алкоголиков, проституток и других отбросов общества. В этой среде, как заверял тогда Новаковский, сохранились возвращенные традициями нравы и нормы поведения: лояльность, солидарность, гордость, бандитская честь. Молодого писателя этот маргинальный мир и его этика явно зачаровывали. Привлекательны они были и для интеллигентского читателя.

В следующих сборниках прозы («Сильный жар», 1964; «Запись», 1965; «Гонка», 1967) Марек Новаковский расширил свою «окраину»: рядом с прежними героями (людьми социального дна, преступниками, дегенератами) у него начали появляться рядовые граждане — мелкие чиновники, ларечники, рабочие. То, что раньше выглядело как увлечение пригородной экзотикой, постепенно превращалось в жестокий социальный диагноз. Исчезло противопоставление дегенерированных («больных») маргиналов «нормальному» («здоровому») большинству. Оказалось, что простые люди со страниц прозы Новаковского не находят себя в мире мелкобуржуазных чаяний, чувствуют, что окружены банальностью и рутинной. Стремясь изменить свою жизнь, они рвут социальные связи.

«Окраина» начала у Новаковского тревожно расширяться, а проза его — усложняться. А не надо забывать, что автор «Бенек Цветочника» сразу предложил читателю простые, новеллистические картинки, основанные на четком, иногда наивном анекдотическом сюжете. Теперь от сборника к сборнику писатель стал углублять психологический анализ своих героев, разнообразить и обогащать сюжетные конфликты, все смелее вводить автобиографические и даже автоматические мотивы (например, в поразительном, художественно впечатляющем сборнике «Червяки», 1968). Автор уже не занимался простыми записями из области пригородной этнографии — к началу 70-х он выступил как вполне зрелый писатель, литературно интересный, новаторский, иногда утонченный.

В 70-е годы, как и в предыдущее десятилетие, почти каждый год выходило по новому сборнику прозы Марека Новаковского. Некоторые из них были особенно доброжелательно приняты критикой и читателями, а со временем вошли в канон современной польской прозы. Достаточно назвать два произведения 70-х, вызывающие восхищение и сегодня: «Свадьба еще раз!» (1974) и «Князь ночи» (1978). В первом из них, используя мотив свадьбы, один из ключевых в польской литературе, писатель показал нравственную деградацию современного ему общества, вывел растленную «пьяную Польшу» мелких мошенников и комбинаторов, презирающих закон и обычай, соединенных неформальными связями. А в «Князе ночи», рассказе, необычайно впечатляющем художественно, представление субкультуры и склада ума люмпенов писатель обогатил размышлениями о вечном конфликте между правдой действительности и вымыслом.

Во второй половине 70-х писатель был связан с сформировавшейся тогда политической оппозицией. Он подписывал письма протеста и обращения к государственным властям, был одним из создателей независимого издательского дела. Самый видный из независимых польских литературных журналов того времени, «Запись», получил название от сборника его рассказов «Запись» [слово «запись» означает также цензурную запись о запрете на те или иные сведения, имена и т.п.]. Неподцензурным издательствам Новаковский вверил свои произведения, которые — из-за содержавшегося в них заряда язвительной критики — никоим образом не могли бы выйти в государственных издательствах, даже в смягченном виде.

После введения в декабре 1981 г. военного положения Марек Новаковский первым из польских писателей стал печататься в подпольных изданиях под своим именем. На протяжении многих лет он подвергался гонениям, а в 1984 г. несколько месяцев отсидел в тюрьме.

Литературным свидетельством этих горячих лет стали сборники «Рапорт о военном положении» (1982, вторая часть — 1983), «Заметки о повседневности» (1984), «Два дня с Ангелом» (1984), «Волки подходят со всех сторон» (1985), «Гриша, я тебя скажу» (1986, [заглавие по-русски с ошибкой]). Три первые книги написаны в форме обычного репортажа и по сей день считаются важным литературным документом, где писатель, как никто другой, передал ужас и печаль военного положения в Польше. Следующие книги из этой серии, хотя литературно более изысканные, — это произведения явно тенденциозные, даже агитационные, рассчитанные на то, чтобы скомпрометировать слуг тоталитарной системы.

Во второй половине 80-х в творчестве Марека Новаковского начинается новый этап. Недавний агитатор обращается к таким темам, как одиночество художника, опыт брэнности жизни, ощущение собственной беспомощности. Несколько позднее, особенно в сборниках «Homo Polonicus» (1992) и «Греческий бог» (1993), писатель снова предпринимает попытку описать «больную Польшу», на этот раз «новую Польшу», страну, в которой идут глубокие преобразования. И опять перед нами мрачная, гнетущая картина современности. Писатель показывает распад социальных связей, хищничество восстановленного в Польше капитализма, бессилие государства и закона. Новаковский пишет портрет «нового поляка», испорченного человека цивилизации денег, безжалостного и деморализованного, но внимание писателя обращено и к проигравшим и отброшенным, к тем, кто не может найти себя в либеральной действительности, управляемой законами свободного рынка. В новых рассказах все чаще появляются уголовные фабулы (например «Выстрелы в гостинице «Георг»», 1997). Писателя, однако, интересует не фабульное обогащение сюжета, а радикальная критика социального порядка, наступившего в 90-е годы и непрерывно продолжающегося по сей день. Он равно клеймит как новые времена, так и эпоху «Народной Польши». Писатель, можно сказать, назначил себя стражем недоброй памяти о годах существования социалистической Польши. В 2002 г. он выпустил «Мой словарь ПНР», где, используя личный опыт, каталогизировал глупости и подлости тех времен.

Своеобразным противовесом радикальным, разоблачительным выступлениям писателя стали полные лиризма и тепла повести об уходящих в прошлое людях и пейзажах Варшавы (три сборника из цикла «Отблески», 1995-1998). В последние годы Новаковский несколько раз поражал сменой тона, например, опубликовал прекрасный, волнующий рассказ «Амбир» (2001) — о мальчике, которого отец из благих побуждений обманывает, желая привить ему восхищение довоенным миром, символом которого служит гостиница «Амбир». От писателя следует ожидать новых литературных неожиданностей — они идут на пользу его прозе. А то на протяжении десятилетий — можно считать, с момента дебюта и доныне — Марек Новаковскому приходится преодолевать поспешно и, пожалуй, несправедливо навешенные на него ярлыки: певец социального дна (60-е годы), агитатор (80-е), радикальный критик «новой Польши» (90-е и ранние 2000-е). Сила стереотипа жестока. Вероятно, поэтому новые книги Новаковского публика принимает не так хорошо, как они того заслуживают. И в этом, разумеется, заключается потеря польского читателя.

Збигнев Херберт

Перевод Натальи Горбаневской

ЛАБИРИНТ У МОРЯ

Два эссе из посмертно изданного сборника

Душенька

Я не вижу, чтобы Фрейд где-то поднимался над собственной психологией, и не знаю, каким образом он хочет избавить больных от того страдания, которое мучит его самого как врача.

Карл Густав Юнг

Уж не помню точно, по какому случаю я наткнулся на этот текст. По всей вероятности, это было в период, когда я писал эссе об Акрополе, а поскольку работа шла через силу, то я, как обычно в таких обстоятельствах, уходил в чтение, углублялся в труды, заметки, статьи, рассеянные по археологическим научным журналам, и делал из них выписки, заранее сомневаясь, что они на что-нибудь пригодятся. Сам себя самым очевидным образом обманывал. Я как будто хотел оправдаться, что, мол, не бездельничаю, не впадаю в духовную прострацию, поэтому занимался эрзацем работы, бесплодным и скучным, в надежде, что из этого бесплодия и скуки вдруг блеснет чистый луч вдохновения. А тем временем каждый ящик систематического каталога в библиотеках, куда я ходил, зиял сотнями заголовков на разных языках и как будто говорил: «Зачем трудишься, все уже написано, в этой области нечего добавить. Единственная роль, которая тебе может достаться, — роль компилятора».

И как раз в это время беспокойства и колебаний мне в руки попало письмо Сигизмунда Фрейда Ромену Роллану, написанное к 70-летию писателя и, как вытекает из характера письма, предназначенного для книги, которую друзья издавали в честь великого писателя.

Оставляя в стороне эпистолярную форму вступления и заключения, этот фрагмент из Фрейда можно рассматривать как эссе, тем более интересное, что создатель психоанализа применяет этот метод к самому себе, точнее к одному эпизоду из собственного опыта. Этот эпизод, отдаленный от пишущего на тридцать с лишним лет и на вид в высшей степени банальный, упорно появляется — как признаётся Фрейд — в поле его сознания, притом без отчетливой основы или причины.

В 1904 году, рассказывает Фрейд, он и его младший брат, как каждый год в конце августа — начале сентября, собрались отдохнуть у Средиземного моря. На этот раз каникулы у них получались покороче, и они отказались от традиционной поездки в Италию, зато поехали в Триест, откуда собирались на остров Корфу, чтобы провести там несколько дней. Случайно встретившийся в Триесте знакомый резко их от этого отговаривал. На островах, доказывал он, в это время года очень жарко — куда приятней отправиться в Афины. Особенно удобна поездка морем, так как она оставит путешественникам три дня на осмотр города.

Это, казалось бы, разумное и привлекательное предложение вызвало у обоих братьев — удивительное дело — довольно мрачное настроение. Они блуждали по Триесту, никак ни на что не решаясь, и без особого восторга

обсуждали план поездки в Афины, усматривая в нем одни лишь препятствия. Но когда наступило время и открылись двери «Ллойда» — они подошли к окошку и купили билеты, словно забыв на минуту о недавних возражениях.

«Пополудни в день нашего прибытия, когда я поднялся на Акрополь и охватил взглядом пейзаж, мне вдруг пришла эта удивительная мысль: «Значит, все это на самом деле существует — как мы учили в школе»». Это замечание не слишком оригинально, но оно верно передает чувства всех, кому было дано впервые стоять перед Колизеем, статуей Венеры Милосской или портретом Моны Лизы. И как раз в глубину этого переживания или ощущения Фрейд запускает аналитический зонд, чтобы показать, что оно не так просто и заурядно, как могло бы казаться.

По мнению создателя психоанализа, тут наступает особый случай сосуществования в одной и той же психике двух противоречивых подходов и вытекающих из них двух диаметрально противоположных реакций на действительность. Разумеется, это не какое-то там раздвоение личности, но внутри нее возникает тревожная щель, и прямое отношение между воспринимающим субъектом и объектом замутняется. Присмотримся к этому явлению поближе.

Характерная реакция, вытекающая из первого подхода, — удивление, что зримый глазами Акрополь существует на самом деле, как будто раньше были сомнения в его реальном существовании; знаменательная же реакция второго подхода — «удивление этому удивлению», ибо реальность Акрополя никогда не была предметом сомнений.

Чтобы иллюстрировать первый подход, Фрейд говорит, что с некоторым преувеличением его можно было бы сравнить с реакцией человека, который, прохаживаясь по берегу озера Лох-Несс в Шотландии, вдруг видит тело знаменитого чудища, распростертое на берегу, и вынужден признать: так оно на самом деле существует, это морское чудовище, в существование которого мы никогда не верили. А второй подход, добавим от себя, близок наивному реализму, он безоговорочно принимает чувственный мир, полностью открыт к не затуманенному никаким размышлением восторгу или ужасу.

Самым естественным истолкованием этих двух «конкурентных» чувств стало бы суждение, согласно которому есть принципиальная разница между тем, что мы испытываем непосредственно, и тем, что знаем из книг или от людей, и что как раз это взаимное наложение знания и зрения приводит к вышеназванному противоречию в чувствах и замутненному восприятию действительности. Но Фрейд отвергает такое истолкование как слишком банальное и ничего не объясняющее.

Он старается отыскать причины, по которым в Триесте он отталкивал столь привлекательную перспективу поездки в Афины, а на Акрополе его радость, вытекающая из прямого общения с шедевром архитектуры была заслонена глубокой тенью скептицизма. «Согласно свидетельству моих чувств, я сейчас стою на Акрополе, только не могу в это поверить» — или то же самое ощущение, выраженное категоричней: «То, что я сейчас вижу, нереально».

Скептицизм — вот надлежащее слово. Не только слово, но, по мнению Фрейда, что-то куда больше, ибо это глубоко укорененный в человеке психический механизм. Действие этого психического механизма мы хорошо знаем из повседневного опыта. Стоит нам встретить несчастье, как мы отталкиваем его криком «нет, не может быть», стараемся как бы ликвидировать эту часть действительности, отбросить ее за пределы нашего сознания. И автор приводит прекрасный литературный пример — фрагмент поэмы «Au de mi Alhama», в котором ясно проявилась эта защитная реакция. Король Боабдиль получает известие о падении Альгамы. Он хорошо знает, что это означает конец его царствования. Но, не желая этого знать, он относится к Иовой весте так, словно она его не достигла, словно, отбрасывая ее, может изменить ход событий:

*Cartas le fueron venidas,
de que Alhama era granada.
Las cartas echó en el fuego
y al mensagero mataba.*

Можно легко понять поведение и настроение короля. Он пытается попросту преодолеть свое бессилие, почувствовать, что его власть по-прежнему ничем не ограничена, поэтому он бросает письмо о поражении в огонь и приказывает убить вестников. Не имея возможности переменить судьбу, он уничтожает орудия информации.

Эту оборонительную реакцию нетрудно объяснить, и можно привести множество менее радикальных примеров, найденных в жизни, или литературных и более близких к общему опыту. Внимание Фрейда привлекает другая сторона действия того же, как он утверждает, психического механизма, темная, алогичная, противоречащая инстинкту самосохранения. И он старается показать, что человек реагирует так же, как на несчастье — то есть отбрасывая действительность, — и тогда, когда встречает внезапное счастье, крупную премию, выигрыш в лотерее, получает руку девушки, которую тайно любил. Эту реакцию хорошо передает разговорный оборот, существующий почти во всех европейских языках: «Это слишком хорошо, чтобы было правдой». В то время как защита от дурного поворота судьбы — нечто вполне понятное, почему, спрашивает Фрейд, мы реагируем рефлексом скептицизма и неверия на то, что несет с собой радость, на улыбку судьбы. Эту парадоксальную ситуацию он называет «проигрышем из-за успеха» и говорит, что люди заболевают не только в результате несбывшихся чаяний, но и тогда, когда их особенно интенсивные чаяния удовлетворены.

Самопсихоанализ был бы невозможен, если бы старый, 80-летний во время написания этого письма-эссе Сигизмунд Фрейд не вернулся памятью к временам своего детства и молодости. Он вспоминает нищету родного дома, душную, полную запретов атмосферу, молодость с ограниченными возможностями и горизонтами.

Нет, он никогда не сомневался в существовании Акрополя, но у него не было надежды когда-нибудь увидеть его своими глазами. И вот в тот день, когда это произошло, ему хотелось сказать брату: «Помнишь ли наши молодые годы? Каждый день мы ходили одной и той же дорогой в гимназию, в воскресенье — в Пратер или ехали в хорошо знакомый нам уголок где-нибудь в пригороде. А теперь мы в Афинах, на вершине Акрополя! Какой долгий путь мы прошли!» «И если моно сравнивать малые вещи с великими, — продолжает Фрейд, — разве Наполеон в день коронации в Нотр-Даме не обратился к брату, говоря: «Что сказал бы наш отец, если б был здесь?»»

Это — изъятие радостной гордости, но продолжается она едва лишь мгновение и почти тотчас оказывается замутнена сознанием нарушения табу, срывания запретного плода, глубоким чувством вины. Чувством вины? Да, отвечает Фрейд.

Перед кем? Отец Фрейда был довольно бедным купцом, не слишком образованным, и Акрополь мало что для него значил. Сыновья же его переросли. Они так сильно возвысились над его заурядным существованием, «свергли его с престола», и как раз в этом покушении на отцовский идеал следует искать это чувство вины, которое отнимает радость, долженствующую быть уделом тех, кто общается с шедевром искусства.

Здесь приходят в голову слова великого критика Фрейда: «Разве комплекс отца, без остатка пронизывающий взгляды фрейдовской школы, доказывает, что она совершила какое-либо достойное внимание избавление человека от фатализма «семейного романа»? Этот комплекс со всей его фанатической жесткостью и преувеличенной раздражительностью — дурно понятая религиозная функция...»

В этом письме-работе, написанном под конец жизни, пожалуй, больше, чем в других трудах Фрейда, проявляется глубокий пессимизм автора. Это не только познавательный пессимизм — он касается самой природы человека, его принципиальной неспособности достичь счастья.

Я старался как можно более верно пересказать ход мыслей создателя психологии подсознательно-го, заключенный в его небольшой эпистолярной попытке объяснить некоторое частное психическое явление. А поскольку этот текст прекрасно и убедительно написан, я начал задумываться, не случилось ли со мной в жизни что-либо подобное. Так же, как, читая учебники психиатрии, мы из сочувствования находим в себе разные описанные там болезни.

Сначала я задавал себе вопрос, как обстоит дело с моим чувством вины перед лицом шедевров. Ответить нелегко: признание пробуждает чудищ субъективизма, повелевает думать о детстве, жизненных невзгодах или о дорогих отсутствующих, наших умерших близких, которым не дано было делить с нами радость от созерцания красоты.

Однако если я не впал в описанный Фрейдом скептицизм, если моя вера в реальное существование виденного не помутилась, то это происходило по нескольким существенным причинам. Раз я выбран — так я думал, — и выбран без особых заслуг, выбран игрой слепой судьбы, то я должен придать этому выбору смысл, отнять у него случайность и произвольность. Что это значит? Это значит оправдать выбор и сделать его своим. Представить себе, что я делегат или депутат от всех, кому не повезло. И, как положено делегату или депутату, забыть о себе, напрячь все свое восприятие и понимание, чтобы Акрополь, соборы, Мона Лиза повторились во мне — в меру, разумеется, моего ограниченного ума и сердца. И чтобы то, что я воспринял, сумел передать другим.

Тот факт, что перед шедеврами я чувствовал себя всегда неуверенно, я считал естественным. Шедевры обладают правом подрывать нашу зазнайскую уверенность и ставят под сомнение нашу важность. Они отнимали часть моей действительности, предписывали молчать, прекращать мышиную возню вокруг неважных и глупых дел. Они также не позволяли, как говорит Томас Мор, «слишком много хлопотать вокруг чего-то орудующего, которое зовется «я»».

Если стоит называть все это сделкой, это была самая выгодная сделка из всех возможных. Взамен на смирение и успокоение они давали мне «мёд и свет», какого я сам в себе не сумел бы сотворить.

Один из смертных грехов современной культуры — то, что она малодушно избегает фронтального столкновения с высшими ценностями. А также дерзкая убежденность в том, что мы можем обойтись без образцов (как эстетических, так и нравственных), ибо наше положение в мире исключительно и ни с чем не сравнимо. Именно поэтому мы отвергаем помощь традиции, бредем в наше одиночество, роём в темных закутках покинутой душеньки.

Существует ошибочный взгляд, будто традиция — это нечто подобное унаследованному имуществу и что ее наследуют механически, без усилия, поэтому те, кто выступает против наследования и незаслуженных привилегий, выступают против традиции. А между тем каждый контакт с прошлым по сути дела требует усилия, труда, при этом он нелегко и неблагодарен, ибо наше малое «я» верещит и защищается от него.

Я всегда желал, чтобы меня не оставляла вера в то, что великие произведения духа объективней, чем мы. И они будут нас судить. Кто-то правильно сказал, что не только мы читаем Гомера, смотрим фрески Джотто, слушаем Моцарта, но Гомер, Джотто и Моцарт приглядываются, прислушиваются к нам и констатируют нашу суетность и глупость. Бедные утописты, дебютанты в истории, поджигатели музеев, ликвидаторы прошлого подобны тем безумцам, которые уничтожают произведения искусства, так как не могут им простить покоя, достоинства и холодного сияния.

Дело Самоса

Кусок земли, оторванный от азиатского континента, — остров Самос на волнах Эгейского моря, красиво зовущегося здесь морем Икара. Пространство, отделяющее восточный мыс острова от материка, так ничтожно, что в погожий день опытный пловец переплывет его без особого труда.

Остров имеет удлинённую форму. В северо-восточной части море глубоко врезается в сушу, образуя залив. Здесь расположен главный порт и столица, носящее то же название, что и остров.

Поверхность гористая. Страбон, подчеркивая эту гористость, объясняет, что *samos* значит взгорье. Самые высокие горы находятся в западной части Самоса. Открытый к востоку, остров защищен с запада горным хребтом Керкетефс, достигающим высоты 1400 м и резко спадающим к морю.

Площадь Самоса — неполных 500 квадратных километров, так что это крупница в масштабе великих империй. Но значение этого острова превосходит его природные размеры.

Колонизированный греками примерно за тысячу лет до Рождества Христова, Самос стал центром ионийской культуры задолго до эпохи величия Афин. Большие храмовые здания, среди них огромный Герайон, возникают в VIII веке до Р.Х. В VII веке этот храм был обновлен, а затем, около 560 г. до Р.Х., перестроен архитекторами Ройкосом и Феодором. Это был крупнейший храм тогдашней Греции, внушительных размеров: 102 м в длину и 52 в ширину. Во времена Геродота столица острова, амфитеатром расположенная над морем, считалась одним из самых прекрасных городов мира.

Когда Афины еще располагали небольшим числом кораблей, могущественный самосский флот безраздельно господствовал на Эгейском море, добираясь до Сицилии, Эпира и своих многочисленных приморских колоний. Владетели Самоса поддерживали дружественные отношения с Египтом, а восточные сатрапы относились к ним как к равным.

Самос — родина замечательных строителей, инженеров и архитекторов. Здесь работала знаменитая школа скульпторов и керамистов, и именно здесь было доведено до совершенства искусство плавить железо и бронзу. Несравненной была слава самосских архитекторов. По сей день можно восхищаться пробитым в скале водопроводом времен Поликрата. Когда Дарий решил построить мост через Дунай, он доверил надзор над работами самосским архитекторам.

При «ренессансном» дворе Поликрата, тирана Самоса, сына купца и врага аристократов, мецената художников, находились такие замечательные поэты, как Анакреон и Ивик. История сохранила также имена многих славных самосских живописцев: Калифона, Феодора, Тимофея, Агафарха. Агафарх работал и в Афинах и, по преданию, ввел живопись в театр (он был также автором несохранившегося трактата о сценических декорациях).

На Самосе родились философы Пифагор, Мелисс, историки Пагайос и Дурид.

Список самосских знаменитостей можно было бы значительно расширить. Следовало бы начать с Геры, которая по преданию родилась здесь, на берегах реки Имбрас.

Отступим от обычая описывать древние камни. Причина проста: я не знаю острова по собственным наблюдениям, если не считать открытки времен до I Мировой войны. На ней видна дорическая колонна без капители, одинокая, как фабричная труба, посреди сухого пейзажа на фоне выжженного неба.

Займемся здесь одним историческим эпизодом, известным как восстание или бунт Самоса. Он охватывает короткий отрезок времени от 440 до 439 г. до Р.Х., и многие историки отводят ему маргинальное место в греческой истории. Нам же это событие кажется знаменательным и породившим больше результатов, чем это описывают специалисты.

Из противоречивых источников и рассказов попробуем реконструировать эту историю, не тая сочувствия побежденным.

Итак, два великолепных ионийских города: Самос и Милет — находились в постоянном споре. Яблоком раздора была родина Биаса, одного из семи мудрецов, — Приена, расположенная на побережье Малой Азии, вблизи устья Меандра. Споры греческих городов напоминали семейные ссоры, в которых трудно найти существенные причины и «кто начал первым». Обе рассорившиеся стороны входили в Делосский союз, позднее ставший называться Афинским морским союзом. Формально все члены союза, а их было свыше двухсот, обладали равными правами, и каждый из них имел один голос на собрании совета союза. На самом же деле в результате фактического превосходства решающий голос имели Афины.

В споре Самоса с Милетом разум повелевал, чтобы Афины ограничились ролью посредника и не становились ни на чью сторону. Трудно объяснить, почему Перикл, все ж таки опытный политик, позволил втянуть себя в опасную интригу, — если не принять передаваемой Плутархом сплетни, что это произошло по наущению Аспасии, которая была родом из Милета. Так или иначе, но Афины выступили против Самоса, признав спорный город Приену за Милетом. Самосцы почувствовали себя уязвленными и не согласились с этим решением. Произвол Афин ставил под сомнение их положение

свободного государства. Ходили слухи, что самосское правительство не поддастся и будет бороться за свои права — даже выйдет из Афинского союза, что составило бы опасный прецедент, ибо такой шаг мог бы повлечь за собой цепочку бунтов других греческих городов против афинян. Поэтому Перикл решил действовать быстро и радикально, то есть произвести интервенцию.

Летом 440 г. до Р.Х. экспедиционный корпус на сорока триерах вышел из Пирея, чтобы усмирить бунтовщиков.

Первый акт самосской драмы разыгрался молниеносно. Взятый врасплох, остров попал в руки афинян, которые распустили правительство, создали новое, давшее гарантии верности, оставили на острове гарнизон, а также взяли в заложники 50 самых видных граждан и столько же детей и отправили их на остров Лемнос.

Дело казалось окончательно решенным. Апологет Перикла говорит, что афиняне установили на Самосе демократическое правление и уплыли обратно в Афины. Это звучит гладко, как отчет о школьной экскурсии.

Однако некоторые самосцы бежали от нашествия в Малую Азию и там искали помощи при дворе Писсутна, тогдашнего сатрапа Сардов. Собрав силы численностью около 700 человек, они высадились ночью на острове, свергли навязанное правительство, привезли заложников с Лемноса, а афинский гарнизон выдали в руки персов.

Из мелкого эпизода, какими изобилует история Греция, дело стало серьезным, особенно ввиду того, что к бунтовщикам присоединилась Византия — колония, расположенная, правда, на северных окраинах греческого мира, но важная в торговом и стратегическом отношении. Перикл решил действовать безжалостно, пока не образовалась антиафинская коалиция.

440 год — вторая экспедиция против Самоса. Операция была задумана в крупных масштабах не только потому, что в ней принимало участие больше кораблей, чем в первой, но еще и потому — и это политический момент, — что в военных действиях на стороне Афин приняли участие союзники. Характерно замечание Фукидида, который говорит, что Перикл отправил на Хиос и Лемнос свои корабли, чтобы призвать эти государства участвовать в войне. Призыв, следовательно, должен был быть довольно категорическим.

Параллельно военным действиям Перикл со свойственной ему ловкостью вел дипломатические действия, имевшие целью изолировать Самос на, если можно так выразиться, международной арене — так, чтобы весь конфликт замкнулся во внутригреческих границах. Выделить персидским сатрапам за их нейтралитет некоторые суммы из казны союза (афинский вождь отчитывался в таких расходах перед афинским народным собранием простой формулировкой «использовано на нужное дело») — это еще в границах приемлемого. Отдать же персам греческие земли на Карийском побережье — это уже выходило за всякие границы.

Вторая самосская война протекала с переменным успехом. Перикл отправился в поход на Самос во главе 60 судов и одержал победу над неприятельским флотом около острова Трагия. Противник, однако, не был побежден и не потерял духа сопротивления, хотя афинские войска высадились на Самос и начали долгую осаду города и блокаду со стороны моря. Флоту интервентов пришли на помощь 40 кораблей из Афин и 25 — с Хиоса и Лемноса.

Узнав, что финикийские суда идут на помощь острову (это оказалось неправдой: на протяжении всего конфликта Самос был совершенно изолирован), Перикл снял 60 кораблей с блокады города и поплыл вдоль побережья Карики, чтобы перерезать путь финикийцам.

Тогда осажденные немедленно начали контратаку. В неожиданной вылазке, которая застала афинян совершенно врасплох, они уничтожили сторожевые суда и победили в сухопутной битве, взяв множество пленных. Море снова было открыто, и можно было снабжаться продовольствием и материалами, нужными для ведения войны. Небо над Самосом окрасилось тогда в цвет надежды. Это продолжалось целых 14 дней.

На девятом месяце осады истощенный войной остров сдался. Это произошло весной 439 г. до Р.Х.

Условия капитуляции были исключительно тяжелыми. Самосцы были обязаны срыть стены города, сдать флот, предоставить заложников, оплатить военные расходы, исчисленные на головокруглительную сумму около восьми с половиной миллионов драхм. На острове был оставлен афинский гарнизон, и Самос утратил статус государства-союзника.

Одним из афинских стратегов, принимавших участие в походе, был человек, обязанный своею славою не военным подвигам, а достижениям, противоречившим духу войны. В Греции не было понятия о профессиональных военачальниках. Это и объясняет, почему Софокл достиг сомнительной чести быть стратегом в этой братоубийственной войне, притом не за что другое, как за успех, который принесла ему поставленная в театре «Антигона». Точно неизвестно, каким полководцем был поэт. Античные сплетники сообщали, что больше всего во всей этой войне его волновало присутствие большого числа юношей.

С другой стороны фронта оказался философ Мелисс, сын Ифагена. Мелисс командовал воинами замечательно. Его тактические способности, берущие врасплох операции, молниеносные вылазки вызвали к нему полное уважение даже в лагере противника. Мелисс, как уже сказано, по профессии был философом и, что еще удивительней, сторонником учения Парменида, согласно которому бытие — одно, вечно, ничем не ограничено, бесконечно и неподвижно. В согласии с тем, как учил его учитель, Мелисс считал, что любая перемена, любое становление, любое движение — не что иное, как иллюзия. Тем не менее он был прирожденным военачальником, и то, как он вел войну, отнюдь не было иллюзорным.

Да, война не была диалогом поэта с философом. В ней полно настоящей смерти, настоящих ран, настоящей отваги и трусости. Древние битвы мы представляем себе на оперный манер, не вполне серьезными, — этому немало способствовали исторические кинокартины. Вот по полю бегут мужчины в комической одежде, держа в руках анахронические орудия убийства. Та кровь в наших глазах окрашена в цвет стершейся фрески.

Мы не знаем даже приблизительно числа погибших, и, быть может, если бы мы его знали, наше воображение, вскормленное на огромных числах, наше восприятие, притупившееся после стольких смертоносных войн белых людей, не отозвались бы.

Во время самосской войны не обошлось без варварской жестокости, в которой обе стороны, победители и побежденные, корят друг друга. Самосцы, как сообщает Плутарх, выжигали на лбу у афинских пленных знак совы, афиняне же в качестве реванша клеймили схваченных защитников острова знаком самены, знаменитого военного корабля с задранном кверху носом в форме свиного рыла и изогнутым остовом.

Историк Дурид (правда, не современник событий) сообщает, что капитанов самосских судов после проигранной войны перевезли в Милет. Там их ждала казнь. На рыночной площади города их привязали к крестам на десять дней. Когда они теряли всякие силы, их били палками по голове, а тела разбросали по земле непогребенными. Дурид был родом с Самоса. Апологет Перикла говорит, что Дурид преувеличивал несчастья своей родины, чтобы тем самым оделить афинян худой славою.

В Афины Перикл возвращался в венке победителя. Выражение, разумеется, метафорическое, почерпнутое из римских обычаев. Во всяком случае энтузиазм толпы был небывалым и громкоголосым, как всегда, когда победа двусмысленна. История сообщает выразительный эпизод, героиней которого была Эльпиника, тогда почти 70-летняя старушка, сестра Кимона, вдова Каллиаса. Она была, должно быть, необыкновенной женщиной, а о ее жизни рассказывали невероятные и клеветнические истории — видимо, потому что она была сверх меры отважна и умна. Вопреки нравам афинских женщин ее интересы выходили далеко за пределы дома. Она осмеливалась — и это, наверное, вызвало священный ужас — брать слово в общественных делах, которые были исключительным уделом мужчин. О ней, в частности, говорили, что она сыграла роль посредника в кратком «перемирии» между Кимоном и Периклом в 461 г. до Р.Х.

И вот посреди всеобщего восхищения, когда женщины увенчали Перикла венками и украшали лентами, «словно какого-то победителя в состязаниях», подошла к нему Эльпиника и сказала:

«Да, Перикл, твои подвиги достойны восторга и венков: ты погубил много добрых граждан наших не в войне с финикийцами и мидянами, как брат мой Кимон, а при завоевании союзного и родственного нам города» [приводится, как и след. цитата, а также дальше цитата из Телеклида, по «Сравнительным жизнеописаниям» Плутарха», пер. С.И.Соболевского в обработке С.С.Аверинцева].

Как сообщает Плутарх, Перикл отвернулся стихом Архилоха, стихом, который был и не совсем на тему, и не слишком изящен: «Не стала бы старуха мирром мазаться».

Не все люди в Афинах видели события так ясно, как Кассандра-Эльпинника. К стенам города приближался бурный вал Пелопонесской войны. Афинам оставалось всего лишь несколько лет мечтаний о могуществе. Только на первый взгляд все шло хорошо в этом лучшем из миров. Самос, как на несколько лет раньше Эвбея, был побежден и унижен, превосходство Афин еще раз подтверждено, но ненависть к победителям росла, особенно на востоке империи, после позорной передачи греческих карийских земель персам.

И, пожалуй, права Мари Делькур, автор замечательной монографии о Перикле, говоря, что именно с этой, казалось бы, малой войны начался упадок морского союза и сумерки политики Перикла.

Целью Афинского союза, созданного после битвы под Саламином, было, как мы знаем, освобождение ионийских городов и защита их от возможного нашествия персов. Но когда опасность нашествия варваров прошла, казна союза была перенесена с Делоса в Афины и стала инструментом афинской политики. Институт оказался прочнее, нежели цели, которые призвали его к жизни. Такие случаи известны не только из древней истории.

Одним из основных пороков этого союза было то, что хотя вступали в него добровольно, но выйти из него нельзя было без риска войны. Союзные города-государства должны были признать фактическое превосходство Афин, что лучше всего можно проследить в сфере экономического давления.

Большинство полисов платили в общую казну от одного до трех талантов в год — то есть сумму сносную, особенно если принять во внимание инфляцию. Но эту квоту могли произвольно повысить, и дань, наложенная на Самос после неудавшегося восстания, составила 80 талантов в год, к чему прибавились военные расходы: бунтовщики вынуждены были заплатить Афинам тысячу талантов — что ложилось разрушительным грузом даже на самый богатый полис. По той же причине (бунт против Афин) Эгина платила 30 талантов в год. Через некоторое время дань была снижена до 13, а потом даже до 8 талантов. Было в этой практике нечто, что можно бы назвать наградой за лояльность.

Произвольно устанавливаемый размер финансовых выплат был не только инструментом афинской политики, но проявлялся и там, где в игру не входили политические факторы. Трудно объяснить, почему Фазос платил 30 талантов, а куда более богатая Византия — только 15. Этот налоговый произвол несомненно не прибавлял афинянам популярности

Драматург Телеклид в одной из своих комедий говорит, что афиняне предоставили Периклу:

Всю дань с городов; он город любой мог связать иль оставить свободным,

И крепкой стеною его оградить и стены снова разрушить.

В руках его всё: и союзы, и власть, и сила, и мир, и богатства.

Одна из тех вещей, которые люди и народы прощают труднее всего, если вообще прощают, — это унижение. Простое военное поражение на поле боя — это еще приемлемо, ибо его всегда можно отнести на счет численного превосходства противника, неожиданности или неумения своих полководцев. Но раненая гордость не исцеляется легко.

В афинский репертуар методов унижения побежденных — наряду с учреждением военных колоний в стране ненадежных союзников — принадлежал снос стен захваченного города. Так случилось с Самосом и Эгиной. Город без стен был как бы выставлен на посмешище, отдан в опеку нежеланному покровителю и лишен какой бы то ни было защиты от любого агрессора. Эта политика была столь же нелепой, сколь и близорукой. Лучше понимал этот вопрос родственник Перикла Алкивиад, когда в 417 г. до Р.Х. вел переговоры о перемирии с Аргосом, обещая выстроить длинную стену, соединяющую город с морем по образцу афинской стены. И никто, пожалуй, не питал иллюзий что, мол, Алкивиад относится к Аргосу или позже к Патмосу с бескорыстной любовью.

Итак, Афины победили в войне с Самосом, но победа была морально и политически сомнительной. Официальные восторги были огромны. Перикл, как пишет Ион, чувствовал себя невероятно гордым, говоря, что «Агамемнон десять лет осаждал город варваров, а он за девять месяцев взял ведущий и самый могущественный ионийский город!». Ради справедливости добавим, что это разнуданное хвастовство не слишком-то согласуется с тем, что мы знаем о Перикле, и его следует приписать какому-нибудь уличному льстецу.

Афины были не только колыбелью демократии, но и родиной риториков и софистов. Если невозможно управиться с делом, способным возбудить моральный укор или прямо обвинение, следует изобрести термин, благодаря которому зло будет завуалировано. В таком поведении можно усмотреть

элементы магии, веру, что в основе мира лежат не только вещи и события, но что и слово обладает конструктивной и творческой силой. Якоб Буркхардт в своей «Истории греческой культуры» говорит с восхищением — но и с иронией — об умении афинян говорить о самом худшем с предусмотрительной деликатностью, об их способности выискивать эвфемизмы. Так, тюрьму называли жилищем, дань — доплатой, оккупацию — охраной.

Традиционным голосом общества была аттическая комедия, художественное воплощение принципа, согласно которому гражданин демократического государства имеет право критиковать политиков и институты. Поразительно, что прямым результатом самосской войны было введение цензуры — первое в истории Афин, — запретившей комическим поэтам изображать на сцене лиц под их настоящими именами. Это деталь, заставляющая о многом задуматься. Она свидетельствует о глубоком внутреннем кризисе.

Резко воздвигнутая преграда свободе слова доказывает, что настроения афинян были, должно быть, далеки от официальных восторгов и оптимизма. В высшей степени вероятно, что в Афинах раздавались слова критики, а Эльпиника, прекрасный пример гражданской совести, не была исключением.

Историки защищают Перикла, говоря что не он был автором указа о цензуре. Вроде бы это решение было принято голосованием народного собрания во время его отсутствия в Афинах. Наконец, говорят защитники, сам запрет не удержался, и через некоторое время (через два театральные сезона) эта практика, недостойная отчизны демократии, была оставлена.

Отчизны демократии? Да, в море варварства это все-таки была отчизна демократии, хотя она и навязывала иногда свою волю другим, уставя взор в свой идеал, в свою миссию, в свой единственно верный путь, по которому стремилась вести раздираемый склоками мирок греческих партикуляристов.

Нашей задачей не было попотчевать читателя сомнительным утешением, что в истории, мол, нет чистых дел, что под лозунгом свободы часто скрывается насилие и произвол, — некоторым это служит удобным оправданием нынешних и будущих злоупотреблений словами и силой. Если уж сам Перикл был «империалистом»...

Какую же пользу можно извлечь из напоминания об этой давней афере; в чем мораль этого повествования о захвате острова Самос? Думаю, вот в чем: возвращаясь с войны, агрессоры приносят в складках мундиров, на подошвах сапог — бациллу, от которой заразится их собственное общество, их собственные свободы.

ТРИ ЗИМЫ ИЛИ ШЕСТЬ ЛЕТ

Беседа с Мариушем Вильком

— *Вот уже 15 лет вы живете на крайнем севере Европы, вдалеке от дел, которые вас когда-то так занимали. Почему вы выбрали именно это место? Подозреваю, что большинство европейцев восприняло бы это как ссылку.*

— Прежде всего там пусто. Пусто, тихо, и нет ни треска газонокосилок, ни трескотни политиков, выясняющих, кто из них сотрудничал с госбезопасностью.

— *Но ведь есть же там какие-то люди, и, наверное, они говорят друг с другом?*

— Когда выпьют, говорят. А когда не пьют — молчат. Но я люблю их слушать, люблю слушать их рассказы.

— *Сколько времени прошло, прежде чем они приняли вас за своего и разрешили молчать вместе с ними и слушать их рассказы? Ведь вы были для них чужаком.*

— Я живу в Заонежье уже три года. Когда я туда приехал, все действительно было именно так: иностранец, чего ему тут надо? может, у него бизнес, может, у него есть деньги? Но вскоре они разобрались, что я такой же, как они. Вот тогда и появился контакт, тогда они открылись. Вообще мне кажется, что главное в здешней жизни — сочувствие. Не в таком обыденном понимании — что ты бедный, слабый...

— *...а сопереживание?*

— Да, сопереживание их судьбе, тяжелым жизненным условиям — ведь за водой там ходят к проруби, а хлеб самостоятельно пекут в печи.

— *Иными словами, время там остановилось. И что же, шум цивилизации, от которого вы убежали, туда не доходит?*

— У меня нет ощущения, что я от чего-то убежал. Если уж я от кого-то и прячусь, то только от СМИ. Мое решение жить на Севере было продиктовано не желанием убежать, а необходимостью поиска. Я ишу нечто непохожее на ту часть Европы, к которой я привык.

— *И за эти 15 лет вы нашли то, что искали?*

— Да, нашел. Я нашел себя. Понял, что важно не «Я, Я, Я», а то, что вокруг тебя. Человек может найти себя во всем, что его окружает, а не в своем Я. В кошках, в северных оленях, в друзьях, в деревьях, в лесу, в дороге...

— *А зачем вы все это описываете? Разве вам недостаточно просто быть во всем, что вас окружает?*

— Я пишу, чтобы оставить след. Как старый Вьяйнемейнен из «Калевальи». В конце он пошел на лыжах и оставил след. В его случае этот след — «Калевала», в моем — мои книги.

— *Волчья тропа?*

— Да.

— *Трудно ли было «войти» в язык? Вы принадлежите к тому поколению, которое еще учило русский в обязательном порядке, но не испытывало к этому навязанному языку особой любви...*

— Когда я учился на полонистике, у нас были обязательные занятия по русскому, и мой преподаватель, в сущности из жалости, поставил мне тройку, а я же пообещал ему, что никогда не буду пользоваться этим языком, чтобы его не опозорить. Однако теперь, спустя 15 лет, я не только постоянно

говарю, но и думаю по-русски. Поэтому когда я пишу (а пишу я по-польски), я должен «войти» из этого повседневного языка и «войти» в сферу языка почти сакрального, обрядового. Для меня польский — это именно обрядовый, медитативный, созерцательный язык. Поскольку в повседневной жизни я его не слышу, мне не приходится сталкиваться со всеми этими вульгаризмами и словами-сорняками, со всем тем, что можно услышать в барах или на улице, с засоренностью англицизмами и интернет-сленгом. Когда я пишу, я возвращаюсь к языковым стереотипам, к истокам, к староцерковнославянскому, который я учил на полонистике, к праславянскому. Я ишу слова, кото-

рые уже умерли в польском, но еще живут в русском. Например, слово «туча»: в современном польском его нет, а в словаре Дорошевского — есть. И таких слов много. Я стараюсь спасти их, вновь призвать к жизни. Меня вдохновил на это Милош, который (кажется, в своем предисловии к переводу Псалтири) подчеркнул, что такие слова стоит оживлять, чтобы они не исчезли навсегда, даже если они кажутся архаичными. Ведь если слово имеет смысл в контексте, то хорошо бы его припомнить. И в том, что я пишу, я пошел именно в этом направлении. А русский... В том, что я думаю по-русски, я уличил себя довольно давно. Как-то я пошел в лес по грибы и стал проверять, сколько нашел белых. И поймал себя на том, что считаю по-русски — про себя, тихо, в уме: один, два, три...

— *Говорят, что это критерий знания иностранного языка — когда машинально на нем считаешь...*

— Когда я впервые ехал в Россию, я взял почитать книгу маркиза де Кюстина. Там, в самом начале, он встречает русского, который говорит, что надо прожить в России хотя бы два года, чтобы что-нибудь о ней толком сказать или написать. Кюстин вернулся через два или три месяца и написал довольно большую книгу. Другое дело, что я не слишком высоко ее ценю. Но для меня эти слова стали подсказкой, чтобы два года ничего о России не говорить и не писать, а попытаться ее познать. И так уж оно сложилось, что приблизительно через два года я начал считать эти белые. Тогда до меня дошло: чтобы понять русских, надо думать, как они, т.е. на их языке. Тогда есть некий шанс что-то уловить. А если ты накладываешь на все свою языковую матрицу, из которой вытекают одни стереотипы, то ты их никогда не поймешь.

— *Свою новую книгу, которая скоро выйдет в издательстве «Noir sur Blanc», вы назвали «Дом на берегу Онеги». Что это за дом?*

— Два года я ездил с Соловков и все чего-то искал — чтобы это была и тема для книги, и тема для жизни, и красивое место. И в конце концов нашел — на берегу Онежского озера. Там стоит огромный деревянный дом в 37 окон. Русских печей в нем шесть: две на первом этаже, три на втором и еще одна в мансарде. Дом действительно огромный: высокие комнаты, потолок не давит на голову. Две комнаты на первом этаже, три на втором, ну и мансарда.

— *Там вы и пишете?*

— Нет, пишу я вот у этого окна на первом этаже, с левой стороны, потому что когда дуют ветры, внизу теплее. От дверей дома до озера — каких-нибудь два или два с половиной метра. Там его называют Онего или ласково — Онегушко. Литература XIX века свидетельствует о том, что к этому озеру (второму по величине в Европе) относились как к морю, хотя вода в

нем и пресная. О нем так и говорили: *море**. Озеро огромно, из-за этого там дуют сильные ветры, а поскольку дому уже сто лет, ветер проникает сквозь щели. Первая зима была самая трудная. Это была рекордная зима: три месяца подряд 40 градусов — с ноября до самого конца февраля. Но даже мороз был не так страшен, как ветер. Иногда в доме так дуло, что тяжело было писать, потому что руки коченели и трудно было попасть пальцем по клавиатуре.

— *Каким был этот дом, когда вы увидели его впервые?*

— Он был уже мертвый, двери и окна были забиты досками. Хозяин состарился, и дети взяли его к себе в город. Дом стоял пустой несколько лет. Когда мы приехали туда три года назад, соседи посоветовали мне скосить траву, чтобы вообще к нему подойти: если не скошу, меня могут искушать гадюки. Я так и сделал. А в самом доме был хлам. Поскольку прежний хозяин жил там только летом, последние 50 лет там никто не зимовал. Он жил на втором этаже, а на первом было что-то вроде склада — бочки из-под бензина и нефти, битый кирпич, какие-то железяки. Мы тоже думали жить на втором этаже, но, как только задули ветры, мы поняли, что ничего из этого не выйдет, и начали наводить порядок внизу. Мы встали рамы и стекла, а затем взялись за печи. Русская печка — это огромная махина. У них есть такой обычай, что когда кто-нибудь простужается, сначала он как следует топит печь, потом слегка ее остужает, заворачивается в несколько мокрых простыней и залезает в эту печь, чтобы там пропотеть. В этой же печи пекут и хлеб, на ней можно спать и сидеть — ну просто все что угодно. Эти две нижние печи были полностью разрушены, так как хозяин считался богачом и, когда он остался в городе, местные искали у него золото. Я-то думаю, что они самогона искали — он хороший самогон гнал, — но легенда говорит, что золото. Впрочем, все равно, что они там искали, — печи были разрушены, и надо было их восстанавливать. Они были из кирпича, скрепленного глиной. Кирпичи остались, но каждый лежал по отдельности. Три бригады местных печников не смогли ничего сделать — они там уже ничего не делают, только пьют. Так что пришлось самому засучить рукава и взяться за работу. Кто-то сказал мне, что этот раствор делается из глины, и старики советовали, что лучше добавить — сырые яйца или стеклянную вату. Разные были варианты.

— *И что же вы в конце концов выбрали?*

— Сажу, остающуюся после сгорания древесного угля. Она хорошо схватывает, и все эти три года печи работали безукоризненно. Там есть такая пого-

* В тексте по-русски. — *Пер.*

ворка, что перезимовать одну зиму — все равно что прожить два года. Если так считать, то я прожил там уже шесть лет.

— *А как там выглядит лето?*

— Зимой стоит полная тишина, только ветер дует, а летом — шум. Прежде всего крики птиц, которых там уйма, и кваканье лягушек. Лето там короткое. Собственно говоря, лето — это июль, потому что в июне еще случаются заморозки, бывает, выпадает снег, а в августе снова начинаются заморозки. Иногда в августе у нас на огороде уже мерзнет салат. Но даже в такое короткое лето идет активная вегетация — ведь стоят белые ночи. В это время человек чувствует постоянное возбуждение и вообще не хочет спать. Зимой день длится два-три часа, а потом наступает долгая темная ночь, и все спят. Зато летом — такая наполненность энергией или, говоря на молодежном сленге, такой улёт! Но хороший, позитивный. И невообразимые краски: лиловые, розовые, синие, все оттенки серого, сияющие и переливающиеся, как перламутр. В конце августа — начале сентября приходит бабье лето, и тогда начинается оргия красок. Но они не такие резкие и пестрые, как на юге, а более мягкие: все оттенки желтого, золото, старое золото, червонное золото — там ведь растут главным образом береза, осина, ольха, которые не краснеют, как дубы, а остаются золотыми. Некоторые люди боятся Севера и избегают его, но есть и такие, кто в него влюбляется, и тогда им уже ничего не нравится, кроме Севера. Север — это тишина, тени, полутени, приглушенные спокойные цвета и пространство. Чтобы понять этот пейзаж, надо войти в него, а это нелегко: на первый взгляд он совсем не восхищает. Но если уж раз его полюбишь, то буйство красок Юга станет для тебя отталкивающим. Я сейчас уезжал оттуда в разгар белых ночей. Так вот, когда я садился в поезд в Петро-заводске и ехал в Варшаву, у меня было такое ощущение, что я погружаюсь в темноту. Там было много света, но, по мере того как поезд ехал на юг, становилось все темней.

— *Вы нашли там свое место на земле?*

— Да. Но теперь это уже эпизод, это осталось в прошлом. Я еду еще дальше на север, к саамам. Об этом мне сейчас трудно говорить, так как это еще не описано.

— *А почему вы выбрали именно их?*

— Потому что это самый странный народ, живущий в Европе. С одной стороны, о них много написано, но с другой — они остаются загадкой. Их неоднократно изучали — и археологи, и этнографы, и антропологи, и лингвисты. Поскольку сам я лингвист, мой интерес к ним возник на почве языка. Я связался с профессором Кертом — это такой корифей саамского языка, ему уже за девяносто, он издавал их первые словари, писал буквари для детей. Так вот, я его спросил: откуда они взялись? А он говорит: «Неизвестно». Есть две теории. Согласно одной, они пришли с востока, из-за Урала; согласно другой — из Европы, то есть, как считает профессор, с территории северной Германии. После того как ледник отступил на север, первыми на этой земле появились олени, а за ними пришли кочевники. Существует целая масса разнообразных гипотез, которые можно обсуждать до бесконечности. Как это выглядит в их языке? Профессор утверждает, что две трети его словарного состава относятся к угрофинской группе, а одна треть совершенно несравнима ни с каким другим языком — неизвестно, что это такое. Он считает — и я тоже чувствую правильность этого предположения, — что это следы того первого племени кочевников, после которого остались гробницы на оленьем острове. Ученые называют их протосаамами, т.е. людьми, которые пришли до саамов. У меня есть такой замысел поехать туда, разузнать о них и — не знаю, насколько это получится в книге, — представить их как европейцев, первых европейцев, которые кочевали, а потом исчезли. Их нет. Для меня это некая метафора нынешних европейцев. Еще немного, и сюда придут другие... Книга будет называться «Саамская тропка».

— *А не жалко вам покидать дом на берегу озера?*

— Когда ты живешь в таком деревянном доме, он тоже живет. А когда ты уезжаешь, он умирает — как человек. Вы могли бы с таким же успехом спросить, не жалко ли мне жизни. Это естественный ход событий. Я очень ценю японскую эстетику: там художник — музыкант, писатель или живописец — должен задержать то, что он чувствует, чтобы оставить след. Но самое действительно остановить невозможно — так уж она устроена. За всю мою жизнь у меня было множество кошек, которые умирали, а потом рождались новые. То же самое и с людьми, и с домами. Со всем.

Беседа вела Иоанна Шведовская

RZECZPOSPOLITA

Артур Мадалинский

НА ВОЛЧЬЕЙ ТРОПЕ

Последняя книга Мариуша Вилька представляет собой продолжение «Волчьего блокнота», вызвавшего в свое время немалые эмоции. Основная тема «Волока» — это, конечно, Россия, где Вильк, некогда деятель «Солидарности» и один из авторов знаменитой «Конспиры» [в русском переводе — «Нелегалы»], живет уже полтора десятка лет, стараясь проникнуть в ее тайны. Однако «Волок» — это не только повествование о далеком Севере. В первую очередь речь идет о ярко выраженном автотематическом тексте.

Тропа* писателя «обходит стороной скопления людей» и «терпеть не может огней большого мира», что позволяет ему, с одной стороны, отстраняться от запутанной сети связей и зависимостей, а с другой — более интенсивно проникнуть вглубь себя. В сущности, читателя новых записок Вилька больше всего поражает обособленность этой прозы, ее бескомпромиссная и совершенно сознательная автаркичность. На фоне многочисленных у нас в последнее время романов, клеймящих диктат корпоративной системы и СМИ, которые подавляют свободу, «Волок» — явление совершенно самостоятельное.

Об этой обособленности говорит уже одно перечисление духовных покровителей автора: Густав Герлинг-Грудзинский, Варлам Шаламов, Александр Солженицын и Ежи Гедройц — не те имена, на которые чаще всего ссылаются современные писатели. Ну что ж, — скажет кто-нибудь, — тем лучше это свидетельствует о прозаике, который без оглядки на литературную моду пишет совершенно самобытную книгу. Тот, кто склонен к формальным экспериментам, вероятно констатирует, что это довольно архаичное писательство. Так или иначе, Вильк написал вещь, которая не только интересна своей темой, но и отличается продуманной композицией.

В книгу «Волок» вошли корреспонденции, печатавшиеся сначала на страницах парижской «Культуры», а затем в приложении к газете «Жеч-

посполита» «Плюс-минус». Тот факт, что первоначально это были тексты, предназначенные для публикации в печати, определяет их форму, так сказать, *in statu nascendi*. Отдельные фрагменты не слишком велики, как правило, тематически однородны и композиционно продуманы. Автор разделил их на три части, объединенные формой дневника, причем главный принцип сводится здесь к постоянным переходам от истории к современной жизни Русского Севера, от анализа старорусских первоисточников к вопросам о духовном состоянии нынешних русских.

«Соловецкие записки (1998-1999)», первая и в то же время самая дискурсивная часть книги Вилька, — это прежде всего размышления об истории. Однако мы найдем здесь и описание праздника Крещения Господня, и отступления, посвященные появлению на Руси викингов, и решительную полемику с тезисами Стефана Братковского, изложенными в книге «Господин Великий Новгород». Все это переплетается с повествованием о повседневной жизни на Соловецких островах и фрагментами о природе самого процесса письма, который стал второй важной темой «Волока».

Центральное звено книги, «Карельская тропа (1999-2000)», — это классический дневник путешественника. Рассказ о плавании по Беломорскому каналу (из Белого моря в Ладожское озеро) полон ярких описаний природы, обычаев северных народов и приключений путешественников. Однако рядом развивается совсем другая сюжетная линия: преодоление все новых шлюзов канала и посещение все новых поселений становится предлогом для раздумий о механизме функционирования того, что Вильк (вслед за Феликсом Дзержинским) иронически называет «школой труда, какой был Соловецкий лагерь». Здесь Вильк идет по стопам упомянутых выше литераторов. Пожалуй, особенно близки ему Герлинг-Грудзинский и автор «Колымских рассказов».

Оба этих писателя становятся важными персонажами последней части «Волока», которая называется «Северный дневник (2001-2002)». В ней

* Здесь и далее курсивом — по-русски в тексте. — Пер.

Вильк описывает одну из своих встреч с живыми героями прозы Шаламова, а также удавшуюся лишь наполовину попытку просмотреть лагерное дело автора «Иного мира». Нашлось в ней место и для восторженной рецензии на роман Павла Хюлле (которая свидетельствует о том, что живущий в тысячах километров от Польши автор не совсем отрезан от привислинской литературной жизни), и для ностальгических воспоминаний о первых днях писателя на русской земле.

Что делает эти в сущности репортерские заметки литературой? В первую очередь язык. Фраза Вилька отличается редкой чистотой тона, а явная архаизация (писатель часто прибегает к выражениям забытым, не употребляемым в современном польском языке) и интенсивное присутствие в книге непереводаемых русизмов при одновременной склонности к сильным и пластичным сравнениям делают его стиль узнаваемым с нескольких предложений. Пользуясь сравнением, обнаруженным мною в одной из главок «Карельской тропы» под названием «Водопад Садун», скажу только, что последняя книга Вилька — это наверняка повествование, «основанное на индивидуальном и неповторимом дыхании слов». Писательский стиль автора сдержан, но в то же время размашист — особенно в тех фрагментах, где описывается специфическая русская обрядность и безграничные просторы Севера. Ибо язык у Вилька — это в первую очередь носитель традиции и культуры.

Однако решающую роль в том, что «Волок» — художественная проза в полном смысле слова, играет его метафоричность. Ведь *тропа* — это не только оставленные на земле следы. Это и символ человеческого существования, знак одинокой кропотливой работы над очертаниями жизни. А «Волок» — это не только кусок суши, по которому лодку перетаскивают из одного водоема в другой, но и метафора пути, синоним встающих перед нами новых задач. Подобным образом дело обстоит и со странствием: в метафизическом плане плавание по каналу означает путешествие вглубь собственной души. Все эти аллегории находят выход в процессе письма, которое Мариуш Вильк считает одним из основных экзистенциальных видов деятельности и которое представляет собой элемент «Волока», не уступающий по значимости русским проблемам.

Вильк понимает писание как реальность, простирающуюся между двумя полюсами — одиночеством и жизненным опытом. «У дневника много общего с *тропой*», — пишет автор в начале «Северного дневника», а *тропа* неразрывно связана с уединением. Поэтому и писание, по мнению Вилька, требует обособленности, «хождения в одиночку» — только это позволяет извлечь из себя и из мира художественную правду. «Когда я пишу, я замыкаюсь в себе все глубже и глубже, — признается писатель во фрагменте дневника, написанном в день своего 45-летия. — Внешний мир перестает меня занимать, а люди — интриговать».

Этот уход в свое естество должен быть радикальным и включать в себя даже отказ от родного языка. Ежедневное пребывание в сфере влияния чужой речи позволяет придать собственному языку звучание «более твердое, конкретное», которое появляется, когда человек пользуется им только в особых случаях. Однако, чтобы что-то написать, считает автор записок, нужно сначала что-то пережить. Человеческий опыт — условие *sine qua non* какой бы то ни было писательской работы. Это, мягко говоря, спорный тезис, хотя в устах автора «Волчьего блокнота» он не слишком удивляет, ибо его проза с самого начала была проблематичной, некорректной, противоречила расхожим мнениям и ожиданиям критики.

«Волок» превосходно иллюстрирует дихотомию, лежащую в основе не только последних заметок Вилька, но и всего его творчества: несмотря на цитировавшуюся выше апологию одиночества, проза этого автора прямо-таки кишит людьми, встреченными им на русской земле. Беседы с ними — такая же значительная составляющая «Волока», как и бескрайние пейзажи Карелии, история *зеков* и лагерей или ритуальное питье *браги*. Может, именно благодаря этой многослойности последняя книга соловецкого отшельника, позволяющая взглянуть со стороны на прозу, создающуюся в Польше, и представляющая собой ее контрапункт, заслуживает внимательного прочтения.

Мариуш Вильк. **Волока**. Краков, «Выдавництво литератке», 2005. На польск. яз.

TYGODNIK POKSZECHNY

Кароль Малишевский

СМЫСЛ, БУМАГА И ПЕРО

Мрачная книжка, полная элегий и эпитафий... Так может поначалу показаться читателю, который возьмет в руки «Дождик и другие стихи» Яцека Лукаевича, но я хотел бы обратить внимание на иное — то, что выше уныния, печали, ностальгии, — на стремление утешить, обнадежить читающего брата. Стихотворение оказывается чем-то вроде причастия, а значит — посредником между людьми, такими же уставшими от жизни: от имени автора оно протягивает руку, чтобы приласкать и приголубить. Это трогательная черта некоторых стихов книги: они посылают луч света из тьмы, укрепляют — несмотря на чувство боли и безнадежности.

Укрепляют не только добрым словом, но и образами природы. Герой жадно впитывает богатство растительно-животного мира и умеет поделиться своим экстазом. У этого экстаза есть терапевтическое измерение. Он лечит и успокаивает. Можно словно раствориться во всех этих частицах бытия, найти минутное успокоение. Очевидно, мы имеем дело с одним из последних поэтов, которые естественным образом видят, чувствуют и описывают чабрец, калужницы, коровяк или зверобой. Как видно, можно быть «поэтом окраины», даже когда живешь в городской агломерации.

Интересны переходы от сенсуализма и детализированной поэтической фактографии — к обобщению. Как, например, в «Дороге», открывающей книгу. Здесь говорится о песча-

Яцек Лукаевич

ной дороге в знойный день, но тип образности наводит на мысль, что, по сути, речь идет о дороге жизни, которая «кончается тупиком». И в какой-то момент описание с уровня конкретики переходит в сферу высшей метафоризации. Наряду с большой рекой, калужницами и облаками перед нами — серны, которые становятся сернами нашей судьбы: их след на снегу недолговечен, мимолетен. Эта мысль звучит и в других стихах. Мы читаем: «день склоняется над горой», — и думаем о жизни, которая клонится к закату, тем более что в следующей строфе сказано: «плохо сложенные годы рассыпаются / как плохо сложенная поленница / на темном снегу».

По мере того как читаешь очередные стихи, усиливается впечатление, что перед тобой лирический документ, подводящий итоги жизни. Заставляет задуматься образ «бессонной ночи, распахнутой настезь», в которую окунулся тот, кто когда-то «ощущал радость творчества и верил в смысл, бумагу и перо». В другом стихотворении использована двусмысленность оборота «*spędzone życie*», то есть «прожитая жизнь», но одновременно и жизнь «загнанная», та, что «приперта к стенке», стеснена, искажена так, что ее уже не узнать.

Этим стихотворением обозначен второй важный сюжет книги: размышления о том, как немного от жизни остается в памяти. В качестве тренировки памяти возникли стихи,

обращенные к отечественной традиции, воскрешающие мертвых, извлекающие из подсознания то, что копилось там десятилетиями. В альбоме памяти выстраиваются рядышком: отец, тетя Реня, дядя. Но у поэта есть и другая семья — поэты, жившие до него. К ним он тоже обращается, ведет с ними разговор, идет по их следам, создавая эпитафии-подражания. У поэта есть традиция формы, куда он может углубиться.

В какой-то момент так и происходит. Словно наперекор меланхолии и мыслям о смерти появляется динамичная ритмическая фраза, а вместе с ней — нечто вроде новой жизненной и поэтической энергии. Кто знает, быть может, они самые красивые во всей книге — эти «семисложные стихи», которые «ко второй части жизни / струятся влагой живой» и которые «вдруг привела в движение / собственная их сила».

Поэт черпает утешение в ритме. Полагаю, что и читатель вместе с ним. Ему предложено забыться в ритмическом танце, который взматывает слова, как ветер взматывает сухие листья. И новый ритм помогает одуматься, куда-то улетучиваются ужас бытия и предчувствие конца. Это ничего, что «эле-

гий не напасешься», что «земля на гроб — из-под лопат». Ритмическая плотность заключает союз с «густым телом» любви, густотой плоти. В результате возникает необычная любовная песнь, ее пульс наполняет книгу и обретает кульминацию в стихотворении «Альба третья», посвященном жене — Тересе. Надо действительно много пережить с другим человеком, чтобы овладеть искусством той откровенности, что запечатлена в этом произведении. Цвета и цветы, столь важный элемент «живописных» стихов Лукасевича, в «Альбе третьей» усиливают тональность любовного признания.

В любимой женщине воплощено все добро мира, его чувственное очарование, краски и запахи, смешанные с чем-то мистическим, трансцендентным. Стихотворение звучит, как литания женщине — символу жизни и ее смыслу. Вот торжество поэзии: найти то, что отменяет смерть. Герой лишь внешне поддался слабости и зловещим предчувствиям, создав мир угасающий, исполненный горечи и разочарования. Возможно, он сделал это, чтобы еще больше подчеркнуть роль любви, восторга, упоения — ибо «годы летят, не сломав ничего».

odra

Яцек Лукасевич. Дождик и другие стихи. Вроцлав, Нижнесилезское издательство, 2005.

Яцек Лукасевич родился в 1934 г. во Львове; критик, эссеист и историк литературы, профессор Вроцлавского университета. Издал много замечательных книг, посвященных современной польской литературе, в том числе «Старьевщики и герои» (1963), «Заглоба в аду» (1964), «Око поэмы» (1991), «Подвижные цели» (2003), исследования о творчестве Станислава Гроховяка, Збигнева Херберта, Мечислава Яструна. Первый сборник его стихотворений «Мое и твое» вышел в 1959 году. С тех пор он выпустил девять поэтических книг.

Яцек Лукаевич

Перевод Андрея Базилевского

СТИХОТВОРЕНИЯ

Благословенны те, от кого я ушел

Да будут благословенны те, от кого я ушел и кто ушел от меня.
Их лица — во мраке моем, присыпаны пеплом моим.
В любую минуту они еще могут воскреснуть, я ощущаю в себе отблеск их бытия.
(Ты чувствуешь отблеск своих костей, облепленных тобою?)

Иногда и я появляюсь среди толчеи, в мыслях других людей.
Они могли бы быть аргументами в моих мыслях, но я закрываю их, отодвигаю, уничтожаю.
Радуюсь, когда мое имя появляется в их списках,
в зыбких сводках чужих снов, порывов, воспоминаний.
Не знаю, к чему эти списки: хорошо это или плохо, правильно ли, спасительно?
В ворохе чужих ощущений порой мелькнет мой образ и имя,
и тут же отодвинется, сгинет — разве что войдет в молитву.

*

Священник во время мессы, прежде чем вкусить, превращал вино и хлеб в Leib und Blut.
Грешники, мы клали правую ладонь на левую и левой подносили Тело ко рту.
Начинались его скитания по пищеварительному тракту:
сквозь наплывы образов, мельтешенье голов, толчею вздорных мыслей, неясных мечтаний,
постепенное преображение, незаметные отблески, забытые прозрения в закоулках снов.

* * *

Я к Ты
подкрадывается,

Ты о Я
догадывается,

Я — кот,
Ты — мышь.

На мышьиной коже
стишки строчишь.

Килим

Стены из пихты, пихтовый свод,
пихтовый запах книг в тепле.
Закопанский снег, ночью пихты шумят.
Под гуцульским килимом тетя Реня
(постриженная, как в двадцатые годы)
что-то рассказывает.

Помню вкус овечьего сыра,
чай и полковницу Загурскую —
теософию, в чьем доме Пилсудский
строго взирал со стены
на наши прекрасные пятидесятые годы.

Кто-то все время

Кто-то все время уходит, элегий не напасешься.
Расцветки платьев, ткани — всю жизнь; от первых
пеленок с младенческим запахом: мочи, присыпки, масла,
через детство, муслиновую, батистовую юность, через
бархатную зрелость; через бистор, шевиот, болонью
до повторений в старости, когда тело всю память облекает
в красоту, шелест, удовольствие от новых платьев... Всю жизнь
меняется одежда, близко к телу. Ближе всего белье:
трусы, лифчики, когда-то подвязки, чулки, колготки.
Они еще пахнут ею, той, что была — минуту, час назад, вчера, на
прошлой неделе. Той, что была год, двадцать лет назад, в другое
время; с другим, чужим запахом пота, духов, одеколona —
так он ее чувствовал, видел, вспоминал, так он ее любил.

Paulina Zielona

Мельно

Девушки потягивают пиво. Пахнет мочой.
Мачта в песке. На мачте капитанская фуражка.
Сливаются ритмы волн и дискотеки.
Шторм позади.
Незримые живчики милуются в крупнице кварца.
Грибы поднимают пахучие темные головы
среди еловой хвои и гниющих ветвей бука.
Кто-то терпеливо затягивает побережье сетью соленой мглы;
в ней тонем и я, и ты.

Готический храм. Священник торопливо служит мессу.
Бог Отец принимает ее, не сходя с витража.
Столетиями кто-то клал кирпич на кирпич,
связывал камни в фундамент, возводил крепкие своды.
Души рыбаков плачут звуками бриза и осыпаются
в дюны,
и шумит над ними приморский лес.
По ночам, когда умолкает нестройный хор усилителей,
предутренняя тишина берет под крыло и нас, и вас.

В лесу галоп тяжелого коня. Мимо дважды
проносится всадник в жокейской кепке.
Ветер уносит стук копыт,
вплетает его в гул моря.
Боль, блаженство и даже смерть имеют разные степени.
И вовсе не рифма в это ненастное лето правит мною.

Июль 2000

(Прогулка с кладбища на Буйвида до Грюнвальдской площади)

Земля на гроб — из-под лопат
могильщиков (их трое).
А кто ты — пан или пропал —
день завтрашний откроет.

И будет свет, а может, тень,
тьмы непроглядной око.
Деревьев шум иль просто пень
в лесу — фальшивый цоколь.

Уже их лица не блестят —
все в масках старой злости.
Под башмаком сучки хрустят,
а может, чьи-то кости.

Волос ее светла струя,
а груди — шляпки гномьи.
Она ошиблась? Или я
опять ее не понял?

А воробьи среди кустов
чирикают, зверея.
Она пропала в чаще снов
польни и кипрея.

Теперь уж это только сны:
все были молодыми.
Блестят лопаты (ровно три),
на веках легкий иней.

Кто я теперь? И кто она?
И кто — на небе птицы?
Она уже погребена,
а в памяти все длится.

Пустой бульон да жесткий стейк —
вот и поминки. Грустно.
Повсюду двадцать первый век,
ему я не по вкусу.

И только память, слез капель,
любви густое тело.
Возьми смычок и точно цель —
чтобы струна запела.

Охота на львов
(фриз в Британском музее)

Здиславу Латинскому

Льву под ребро стрела попала —
скрутило судорогой льва,
и словно муки этой мало,
зрачки ему застлала мгла.

За первым львом — второй, но камень
фиксирует его прыжок.
Удар копья — и лев боками
трепещет — вот и весь прыжок.

Львов не боятся больше кони,
когда в пустыне тащат воз.
Захватывает дух: в агонии
уже десятки, сотни львов...

Сочтут их, так или иначе:
не сбросишь трупы со счетов.
Реестр внушительен — тем паче
теперь, когда так мало львов.

Лондон, Славянская школа, 25.03.1993

Тадеуш Зелинский

Перевод Натальи Горбаневской

АВТОБИОГРАФИЯ

О великом филологе-классике Тадеуше (Фаддее Францевиче) Зелинском (1859-1944), профессоре немецких и русских университетов, а также Варшавского университета, о его связях с культурной жизнью дореволюционной России писала в «Новой Польше» Ханна Геремек (2003, №11). В последние годы в России вышло большое число трудов Ф.Ф.Зелинского, главным образом в петербургском издательстве «Алетейя». Те, кто читал его работы по Древней Греции и Древнему Риму, возможно, заинтересуются неизвестными материалами к его биографии, которые в этом году будут опубликованы в Польше Центром исследований античной традиции при Варшавском университете и издательством ДиГ. В публикацию входят автобиография и дневник, который он вел до самой смерти.

Автобиографию Зелинский писал в 1924 г. в Шлондорфе (Бавария), в доме сына Феликса. После 1945 г. рукопись была передана в Японию, где жила дочь Зелинского Корнелия. О существовании этого текста ученые, занимающиеся личностью Зелинского, по-видимому, не знали. Только в начале 1990-х его переслали Ханне Геремек Аяко Мори и Хуруми Мурагуци — дочь и внучка Корнелии Зелинской-Каконоги.

Публикуем два отрывка из автобиографии: первый (I и II) посвящен детству, второй (XX и XXI) относится к событиям после октябрьской революции.

П.М.

I

Я родом из польской дворянской семьи, судьбу которой можно в целом проследить по семейным документам, самые ранние из которых относятся к XVI веку. В XVIII веке довольно богатая, в первой половине XIX-го она так обеднела, что моему деду Адаму пришлось зарабатывать на хлеб трудом арендатора в Киевской губернии. Тем не менее им хватало средств обеспечить своим сыновьям Францишеку, Алексею и Юлиану высшее образование: старшему — юридическое, среднему — техническое, а младшему (рано умершему) — медицинское. Францишек Зелинский обладал чувствительной душой, в особенности увлекался поэзией, а при этом был хорош в отношениях с людьми. Это особенно обнаружилось, когда после окончания Киевского университета он был приглашен исполнять обязанности домашнего учителя в имение Скрипчинцы, принадлежавшее богатому дворянину Стефану Грудзинскому. В этой семье была куча детей, особенно дочерей. Образованный, симпатичный молодой человек, после того как выполнение его обязанностей было завершено, остался в семье желанным гостем, а когда позднее получил скромную, но доходную должность в Управлении государственного контроля в Санкт-Петербурге, ничто не препятствовало его браку со старшей, тогда еще очень молодой дочерью семейства Грудзинских Людвикой (Луизой), сердце которой он завоевал главным образом полной чувства декламацией стихов нашего национального поэта Адама Мицкевича.

Семья моей матери была богаче семьи отца, да и родословной обладала более видной: к этой семье, например, принадлежала известная Янина (Иоанна) Грудзинская, княжна из Ловича, супруга наследника престола, великого князя Константина. Однако над этой семьей тяготело проклятие — чахотка. Правда, родители матери оба дожили до преклонных годов, но жертвой болезни пали все дети. Сначала пустилась в

Тадеуш Зелинский с родителями

пляс со смертью старшая — не ожидая того, ибо, выходя замуж, она была не только красавицей, но и цветущей и здоровой девушкой. Ей еще не хватало смелости оставить удобный, просторный дом, последовать за мужем и гнездиться в петербургской тесноте. Первого ребенка она родила в Скрипчинцах. Это была девочка, которая в согласии с традицией материнской линии получила имя Мария. Эта традиция состояла в том, что старших дочерей по нисходящей линии всегда называли по очереди то Луиза, то Мария. Зримым символом этой традиции была золотая шкатулка: наследуемая в этой очередности, она содержала благословение каждой Луизы ее дочери Марии и каждой Марии — ее дочери Луизе. Новорожденная, ангельски прекрасная Маня присоединилась к этой цепочке новым и, увы, последним звеном: едва дожив до года, она умерла от какой-то детской болезни. Теперь моей матери пребывание в деревне прямо рекомендовали — и отцу тоже, тем более что в то время ценному чиновнику нетрудно было получить длительный отпуск.

Кончилось дело тем, что 2 (14) сентября 1859 г. в Скрипчинцах появился на свет второй ребенок этой четы. Разочарование, особенно теток, было немалым: ребенок был столь же безобразен, сколь красива была его сестра. Зато это был мальчик. Крещенный по приезду отца, он в честь Мицкевича получил имя главного героя «Пана Тадеуша» и вдобавок имя деда с материнской стороны.

Итак: Тадеуш Стефан Зелинский — это и есть я.

Тадеуш Зелинский с женой Элизой
и сыном Феликсом, около 1890

II

Мать тогда еще была совсем здорова (я сам не испытывал никакой наследственной болезненности и не передал ее по наследству) и решила последовать за отцом в Петербург. Там она родила своего третьего и последнего ребенка — моего брата, примерно на два года младше меня, Владислава (Ладислауса). И тут уже дала о себе знать эта зловещая болезнь. Длительное пребывание в Ницце мать не излечило, и с подписанным смертным приговором она вернулась в родное имение, где ее ждали уже двое детей — мужа задержали в Петербурге служебные дела.

С этим пребыванием связаны мои самые ранние воспоминания. Помню большой сад перед домом, райскую яблоню посредине и многочисленные грядки тюльпанов немного позади; несколько глубже, слева, — фруктовый сад, отделенный опасными для нас, детей, ступеньками, поросшими крапивой, большой зал с бесконечными рядами стульев, комнату больной матери и ее самое, угасающую, в постели, исхудалую и бледную, коридор, который вел в эту комнату, с большим распятием на стене и черепом под образом Спасителя, наполнявшим меня таким страхом, что мне едва удавалось его преодолеть, когда я шел в комнату к больной.

Своеобразное соединение милых, печальных и незаурядных впечатлений. Это пребывание навсегда оставило у меня страшную тоску по Югу с его теплыми, освещенными луной летними ночами, с изобилием фруктов, таинственным запахом ореховых листьев, и по милому, наивному звучанию украинского языка, который раздавался вокруг меня в речи и пении простолудинов.

Мне трудно сказать, действительно ли болезнь моей матери тянулась так долго, как подсказывает мне память. Я тогда еще не знал, что значит умирать, но серьезные, печальные лица в доме, непонятное всеобщее сочувствие «сиротам» привели к тому, что и мне надолго сообщилось настроение серьезности и печали. В конце концов наступил день, когда нам предстояло «проститься» с умирающей. Я ощущал ее слабую руку у меня на голове, слышал, как она шепчет: «Будь хорошим, будь честным!» Потом ее положили на катафалк, потом состоялись временные похороны в ожидании приезда отца из Петербурга.

Потом похороны — лошади, покрытые черными попонами, привели меня в такой ужас, что он долго не проходил. Перед положением во гроб сестры хотят еще раз увидеть покойницу, гроб открывают, поднимают и меня, чтобы я последний раз увидел мать. Снова ужас: и это — моя мать? Долгое возвращение в сумерках, на небе бледная полная луна, на ее диске я впервые отчетливо видел лицо: это, наверное, Бог, Бог, который забрал мою мать, — бледный, холодный, безжалостный. А я, погруженный в отчаяние, должен был все терпеливо снести. Да только с тех пор я часто просыпался по ночам с криком. Все время возвращался один и тот же сон: ночь, на кладбище выкапывают мать, я открываю гроб, а она взглядывает на меня так страшно, как тогда. Часто снился мне и другой дурной сон: какие-то мужчины вламываются в наш дом и арестовывают моего отца. Это был 1863 год — год польского восстания. Я ничего из этого не понимал, но всеобщий страх передавался помимо воли и нам, детям.

XX

Наступил большевизм, а вместе с ним великая разруха.

С 1914 г. я получал пенсию — пенсия была отменена. За долгие годы своей службы я накопил около 60 тыс. рублей золотом, которые были помещены в ценные бумаги и хранились в государственном банке, — ценные бумаги были аннулированы. Тем самым у меня отняли обеспечение на старость, я осужден был трудиться и трудом зарабатывать на жизнь. Но и этому пришел свой черед. Сначала рухнули курсы Раева. Высшие женские курсы продержались дольше, но и им наконец пришлось исчезнуть: в конце концов, девушки могли учиться в университете. Теперь речь шла о сохранении Историко-филологического института. На это, однако, Латышев не годился — хуже того, он не отдавал себе в этом отчета. В результате он натолкнулся на ужасное унижение, с последствиями которого, как человек чувствительный, не справился. Правда, он сам вскормил неплохую змею в виде инспектора Карсавина, который довольно неприятным образом устроил против него заговор. Решением всего Ученого совета, расширенного за счет доцентов, Латышев был снят с поста. Я — как «ученый секретарь» — должен был пойти к нему во главе делегации, которой предстояло объявить ему решение. Он улыбнулся, когда увидел меня входящего — может быть, вспомнил похожую сцену двенадцать лет назад, когда я уговорил коллег, чтобы упростили его не уходить со своего поста. Я сделал бы так и на этот раз несмотря ни на что, если бы не было очевидно, что останься он — и институт немедленно закроют. Поэтому я вел себя совершенно пассивно. Он быстро освободил квартиру — я никогда больше его не видел. Его преемником стал Браун, которому еще удалось несколько лет сохранять институт после реорганизации в Педагогический. Теперь и этого института уже нет.

Мое собственное положение филолога-классика стало и там, и в университете весьма ненадежным: мою кафедру в любой момент могли распустить. Доходы от литературной работы тоже кончились: газеты и журналы, в которые я писал, друг за другом рушились, а книготорговля замерла. Правда, появился новый источник доходов, которым я воспользовался, чтобы осуществить одно срочное и необходимое предприятие.

Сталось это по инициативе Горького, который задумал труд с большим размахом. Как и большинство начинаний большевиков в эти первые и следующие годы, в результате он оказался бесплодным. Это была «Всемирная литература». Целью было доставить русскому народу произведения всемирной литературы в образцовых переводах, то есть то же, что примерно за десять лет до этого предпринял Сабашников, только там хотели скромными средствами достичь многого, а тут с помощью огромных средств не достигли ничего. Гонорары были высокие, и безработная масса работников литературы гуртом ринулась в это новое предприятие. Немецким отделом заведовал Браун, новый директор нового Педагогического института, — он пригласил меня сотрудничать. Мне выделили Грильпарцера (три тома, все драмы) и Иммермана (два тома, избранное). Началась лихорадочная работа; часть текстов я переводил сам, часть отдал переводить, сам написал биографические очерки, вступления к отдельным произведениям и примечания. Справился с обоими авторами. Таким образом, тогда, когда в Германии меня объявили врагом немецкой культуры, я «привел» в Россию двух почти неизвестных там поэтов — оба действительно заслуживали распространения. Напечатаны они не были, так же, впрочем, как и большинство того, что было переведено, а при том беспорядке, который творился в учреждениях, затерялось много рукописей, так что я мало надеюсь увидеть хоть что-то в печати.

XXI

Когда связи, соединявшие меня с Россией, одна за другой без моей помощи ослабевали, стали возникать, тоже почти без моей помощи, новые связи с моим старым отечеством. Конец соединился с началом. В 1920 году предстояло начаться *второму польскому периоду* моей жизни. Благодаря этому после катастрофы 1917 года я не оказался, как многие мои коллеги, перед альтернативой: влачить, как разбитому кораблю, жалкое существование в России или, как потерпевшему кораблекрушение, прозябать в эмиграции (о третьей возможности, о вступлении в правящую партию, я не говорю, ибо, не согласуясь с моим чувством чести, она не входила в расчет), а нашел благодарное поле деятельности, на котором хочу быть активным, пока решение свыше не подведет окончательный итог этой деятельности.

Как я уже говорил, со смерти моего двоюродного брата в 1886 г. у меня не было контактов с Польшей. В университете долгое время я был единственным [профессором-поляком], да и потом, когда прибавились лингвист Бодуэн де Куртене и правовед Петражицкий, меня с ними связывало лишь мимолетное знакомство. И контакты с директором гимназии Цыбульским, честной душой, носили характер скорее официальный. Мои соотечественники, жившие вне Петербурга, не переставали относиться ко мне как к своему, в польский филологический журнал «Эос», выходивший во Львове, я время от времени посылал небольшую статью на латыни — и это всё.

Война побратала русских и поляков и тем самым изменила положение. Некоторые русские относились к этому побратимству всерьез — меня пригласили прочитать доклад на каком-то вечере, посвященном Мицкевичу. Доклад понравился — это навело меня на мысль прочитать курс лекций о Мицкевиче на Высших женских курсах; цикл продолжался два года и хорошо посещался. После взятия Варшавы [немецкими войсками] в Петербург, главным образом в 1916 г., хлынула волна польских беженцев, и только тогда я, глубоко растроганный, узнал, какой доброй славой пользуюсь в своем старом отечестве. Ожила потребность в [польской] культуре; открылась польская гимназия — мне пришлось стать председателем школьного совета; было создано Литературно-историческое общество — меня выбрали председателем; начали работу двухлетние курсы полонистики университетского уровня — я стал их директором. Но на управленческую работу я в конце концов не годился — только на преподавание; и хотя при моем плохом польском языке мне это далось нелегко, но весной 1917 г. пришлось прочитать цикл лекций о греческой религии, который несмотря на языковые трудности и тему, касавшуюся незапамятных времен, собрал большую аудиторию. Так старое отечество силой своей любви призвало блудного сына.

Большевизм положил конец всем этим скромным начинаниям. Зато в Варшаве открылся польский университет, и одним из первых официальных его решений было избрание меня профессором. Разумеется, Варшаву от Петербурга отделял фронт. Один мой давних времен ученик взялся передать мне письмо университетского Сената с вопросом, готов ли я принять это избрание и на каких условиях. Это, правда, заняло целых три месяца, а мой ответ путешествовал в обратную сторону еще дольше. Ответ был таков: принимаю без всяких условий.

Потом я часто сам себя спрашивал, каков был бы этот ответ, если бы приглашение пришло не в 1918 г., а в вершинный период моей деятельности, до большевистского бунта, а главное, до академического предательства Латышева. Насколько я себя знаю, могу ответить, что он был бы тот же самый, только внутренняя борьба оказалась бы куда более болезненной. То, что я позднее сказал в своей варшавской лекции, торжественно открывавшей мой курс: «Если Варшава зовет, то ни один поляк не может остаться глухим к этому призыву», — полностью отвечало моему внутреннему убеждению. В этой автобиографии я говорил о своем «немецком» периоде, о своем «русском» периоде, но не нужно понимать это так, будто я когда-либо выдавал себя за немца или русского — этого не позволяла моя честь. В то же время эти периоды меня многому научили. Я говорил, писал и творил по-немецки — пожалуй, мало кто из немцев пользовался этим языком с таким совершенством; всякий был вынужден это признать, даже тот, кто ничего не знал ни о моих друзьях, ни о моей жене: без любви такого совершенства не достичь. И чему это помогло? Достаточно было, чтобы какой-то пришлец, человек, которому нечем было похвалиться, заявил, что я презираю немецкую культуру, — и ему уже поверили, и уже от меня открестились. Позднее в России было нечто похожее: неужели

Латышев действительно не сознавал, насколько мой русский «Софокл» лучше того, что он писал? И все-таки я оставался для него — и для большинства академиков — гражданином второго сорта. Только в Польше ветер с самого начала дул в мои паруса; мне прощали мой полный недостаток польский язык, как и то, что пока я почти ничего не написал по-польски. Силы, которые там действовали против меня, здесь мне помогали. Достаточно того, что я был поляком. Здесь и только здесь я мог быть гражданином первого сорта.

Хватит уж об этом; мое вероисповедание в этой материи я представил в статье «Национализм, интернационализм, супранационализм», который включен в четвертый том моего собрания сочинений*.

Разумеется, не обошлось без внутренней борьбы. Тут у меня все-таки были ученики и разные другие личные связи. Тем благодарнее я был своей семье, что по крайней мере у них встретил полное понимание. Об этом я хотел бы сказать несколько слов.

Обстоятельства складывались очень тяжело: как мне добраться до Варшавы с женой и ребенком? Все мы тогда (1918-1919) сидели, как в мешке, и голодали наперегонки. А поскольку этот гнет был для меня возмутителен, то я решил, что хитрость, не переходящая известных границ (т.е. не требующая ни лжи, ни нарушения слова) в таких условиях позволена. И я начал добиваться научной командировки** за границу на год. Нужные для этого деньги я заработал во «Всемирной литературе». Конечно, мне пришлось с этой целью поехать в Москву, куда переехало правительство. Удалось добиться результата с помощью Луначарского. Тем не менее труды оказались бы напрасными, если бы я не смог обменять на иностранную валюту не имевшие ценности советские деньги. И в этом помог Луначарский. Но это были только предварительные условия. Как мне с женой — дочь должна была остаться дома — пересечь линию фронта? Для красных Луначарский мог устроить мне соответствующие рекомендации. «Остальное, — услышал я, — вопрос вашей удачи». Приключение было не маленькое: поездом до Полоцка, дальше разными средствами передвижения, с настоящим риском для жизни, до самой границы, мои переговоры с командирами красноармейских частей, первые польские патрули... и вдруг карта повернулась. «Куда?» — «В Варшаву, если вы, господа, позволите». Веселый смех: «Да что там мы, позволит ли господин поручик?» Здесь только прием стал воистину сердечным, даже не посмотрели наших бумаг, угостили чаем и сладостями, снабдили солидными пропусками и отправили в дорогу. Поездом из Минска в Варшаву.

Там нас ждали открытые сердца — не сумею описать в подробностях. Мы тут же получили польское гражданство, а я — ангажемент на роль варшавского профессора. Но что касается командировки, я должен был сдерживать слово и, значит, новую службу начать с отпуска. Проявили понимание: в течение года советское правительство рухнет, и я буду освобожден от данного слова. Мы получили польские паспорта и необходимые визы — и так началось сказочное путешествие, которое привело нас в Париж, Испанию, обратно во Францию (где в Бордо и Тулузе я прочел курсы лекций об античной религии), в Алжир и Тунис — зима без снега и мороза, в Италию — Неаполь и Рим, в Инсбрук, Мюнхен, Лейпциг, Берлин, Яуэр в Черной Силезии и в мае обратно в Варшаву. В глубине души я был горд, что мог показать жене такие чудеса, когда ее приятельницы боролись с нищетой и были вынуждены работать прислугами, но в этом мёде оказалась и ложечка дегтя. В Париже меня настигла весть о смерти Крузиуса. Мы были отрезаны от наших близких в Петербурге — зато утешительным было известие о полном приключений, но успешном бегстве Феликса в Финляндию, а оттуда в Мюнхен.

Летом 1920 г. я начал работу в Варшаве, но большевики не были свергнуты, и мне пришлось осенью вернуться в Петербург: я же получил свою командировку на этом условии, и даже если бы мне было неважно не сдерживать слово — что не свойственно мне по природе, — то ведь там оставалась заложницей моя дочь. Тогда стало ясно, каким доверием ко мне обладали мои соотечественники. Обстоятельства были исключительно неподходящими. Красная Армия рвалась вперед и уже стояла

* Первая публикация: «Наш век», 1918, 7 июля. Упомянутая публикация в собрании сочинений не состоялась. Текст включен в сборник публицистики Зелинского 1917-1922 гг. «Культура и революция», перевод на польский, составление и вступительная статья Ханны Геремек (Варшава, 1999).

** Здесь и далее курсивом — по-русски в тексте. — *Пер.*

под Варшавой — не выглядело ли это так, что я сбегаю, чтобы не разделить судьбу соотечественников? Но никому не пришло в голову так оценить мое поведение. Мне без промедления всё устроили, даже забронировали места в поезде, потому что хотя в Варшаве, что следует положительно отметить, паники не чувствовалось, поезда были все-таки переполнены. Это еще не всё: когда через полтора года я окончательно вернулся, это время мне засчитали как отпуск и выплатили положенную сумму.

В Петербурге я застал, с одной стороны, своих верных учеников, с другой — вероломных властвующих коллег. Мне ведь совершенно ясно обещали выплачивать жалование во время *командировки*, и я поручил передавать деньги моей дочери — тем не менее жалование перестали выдавать почти сразу после моего отъезда: я, мол, не вернусь. И, как если бы этого было мало, Карсавин, новый директор

института (Браун уехал), сделал все, чтобы отнять у моей дочери еще и квартиру. Тем трогательней была верность моих учеников — они приветствовали меня на улице переделкой пасхального: «*О, профессор вернулся! — Воистину вернулся!*» Я тут же открыл занятия кружка. А поскольку я вообще был первым человеком, вернувшимся из-за границы, то должен был повсюду рассказывать, как там: здесь все по-прежнему жили, как в мешке.

Однако не забудем: «Я вернулся не для того, чтобы остаться, — я вернулся, чтобы проститься». Это заняло некоторое время. Надо было ждать заключения мира, потом началась длительная процедура смены гражданства, дело затягивалось. В конце концов я опять должен был прибегнуть к невинной хитрости и позволить себя делегировать представителем университета на юбилей Падуанского университета (май 1922). До Падуи я, разумеется, не доехал, потому что денег мне не дали, но отправил прекрасное поздравление на латыни, и это была совсем неплохая мысль.

Итак, с апреля 1922 г. я окончательно профессор Варшавского университета. Благодаря любезности коллег, главным образом моего ближайшего коллеги профессора Пшихоцкого, мы получили на территории университета милую, окруженную зеленью квартиру, по поводу которой, ввиду царящих в Варшаве жилищных трудностей, все нам завидуют. Что касается мебели, то пришлось, конечно, удовлетвориться

Портрет Т. Зелинского, написанный его дочерью Вероникой, 1940

самым необходимым. Находящаяся по соседству библиотека для семинарских занятий в некоторой степени заменяет мне мою личную, оставшуюся в Петербурге.

Еще во время моего отсутствия один энергичный издатель, не спрашивая моего согласия, поручил перевести несколько моих мелких вещей на польский, они были хорошо приняты, и по возвращении я мог продолжать этот перевод с размахом. Я намерен все мое научное и научно-популярное достояние сделать доступным соотечественникам. Несмотря на серьезные трудности с печатаньем, дело постепенно движется вперед. По вышеизложенным, а может быть, и по другим причинам контакты с заграницей из Варшавы тоже были легче. Только Германия для меня закрыта. И главный труд моих последних десяти лет, который я передал Польской Академии на латинском языке — «*Tragodumenon. Libri tres*», — из-за финансовых трудностей пока напечатан только наполовину. Зато открылись другие возможности. Наш университет послал меня на два международных съезда — историков в Брюсселе в марте 1923 г. и религиозно-исторический в Париже в сентябре 1923-го. Это дало мне возможность прочитать доклады — по два на каждом съезде, в том числе по одному на пленарных заседаниях, которые были приняты крайне доброжелательно. Небольшие работы я могу публиковать во французских, голландских, английских журналах, но есть у меня и подписанные договоры с парижскими издательствами на крупные труды по религиоведению. Приглашения читать курсы лекций я уже получил, о чем упоминал выше, в 1920 г. из Бордо и Тулузы; потом прибавился Дерпт в августе и Оксфорд в октябре 1923 г., хотя лекции в Оксфорде не состоялись из-за нехватки времени. Юбилей Неапольского университета в мае 1924 г., на котором я представлял наш университет, тоже дал мне возможность установить контакты, особенно с итальянскими учеными.

Таким образом, этот второй польский период моей жизни стал в некотором роде периодом экуменическим. И хотя удар, нанесенный мне в ноябре 1923 г., поразил меня глубоко — только с тех пор, как я стал вдовцом, я чувствую себя действительно старым, — все-таки я надеюсь прожить еще достаточно долго, чтобы свой труд, может быть, не столько довести до конца, сколько внести положительным вкладом в запасы культуры человечества. Можно ли мне действительно воображать, что я мог бы чему-то людей научить, обратить их и сделать лучше? Внешних наград мир мне не пожалел. Я член Польской Академии, член-корреспондент Российской, Баварской, Британской академий и равного им по рангу Научного общества в Геттингене, почетный член Петербургской Академии наук и Московского университета, доктор honoris causa Афинского и Гронингенского университетов, а научные общества, в которых я состою почетным членом, мне трудно было бы перечислить по памяти, — но другие еще богаче такими званиями. Я знаю также, что ученостью я не сравниваюсь с самыми лучшими. Но все-таки: если столь многие, независимо друг от друга, заверяют меня, что в моем случае наука и жизнь связаны глубже, чем у других, в этом должна быть чуточка истины. Это тот мой «великий синтез», к которому я стремился всю жизнь — сначала бессознательно, потом все более сознательно. И если еще до сих пор, по прошествии 15-20 лет, столь многие заверяют меня, что обязаны мне смыслом и содержанием своей жизни, то, пожалуй, мне можно независимо от собственного опыта говорить о «ценностях, которые не мираж». В достигнутое мною внесли вклад все периоды моей жизни — мне и в голову не пришло, что от какого-то из них мне следовало бы отказаться.

А если мне можно выразить еще одно пожелание — я думаю о себе самом, потому что тем, кого я люблю, хотел бы пожелать большего, — то пусть моему последнему часу не предшествует гнусная, умственно бесплодная старость. Нет. Умереть я хотел бы если и не в расцвете творческих сил, то по крайней мере так, как по воле судьбы умирает мой идеал в «Каменной ниве»***, с доверием и со взором, устремленным в будущее: «Всюду колосья — колосья — колосья».

Упомянутые в автобиографии лица из академических кругов

Бодуэн де Куртене Ян (Иван Александрович, 1845-1929), русский и польский языковед, член-корреспондент Петербургской Академии наук, в 1920-е профессор Варшавского университета.

Браун Федор Александрович (1862-1942, умер в эмиграции) — русский филолог-германист, академик.

Карсавин Лев Платонович (1882-1952, умер в лагере) — русский философ, историк-медиевист, в 1920-30-е гг. профессор Каунасского университета.

Крузиус Отто (1857-1918) — немецкий филолог-классик, профессор Тюбингенского, Гейдельбергского и Мюнхенского университетов.

Латышев Василий Васильевич (1855-1921), русский филолог-классик, историк античности, академик.

Петражицкий Леон (Лев Иосифович, 1867-1931) — русский и польский правовед, профессор Петербургского, затем Варшавского университетов.

Пишхоцкий Густав (1884-1947) — польский филолог-классик.

Раев Николай Павлович (1856 — после 1917) — чиновник русского министерства народного просвещения, директор Высших историко-литературных курсов.

Цыбульский Стефан (1858-1937) — польский филолог-классик.

*** Рассказ Зелинского.

Сергей Гиндин

ГОРИЗОНТЫ ФИЛОЛОГИИ ГЛАЗАМИ Ф.Ф.ЗЕЛИНСКОГО

Энциклопедии в современном мире выполняют в основном справочные функции. Соответственно и от статей в них обычно ждут четкой и полной систематизации, а вовсе не научной новизны. Поэтому, собирая и переиздавая наследие больших ученых, про их энциклопедические статьи часто забывают. Вот и статья Фаддея Францевича (Тадеуша) Зелинского «Филология», опубликованная в 1902 г. в XXXV томе знаменитого «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона, никогда не переиздавалась, ее нет даже в польском указателе трудов ученого в журнале «Meandr».

Между тем именно необходимость четкой систематизации порой подталкивает авторов к выдвиганию оригинальных подходов, оплодотворяющих дальнейшее развитие науки. Примером могут служить напечатанные в этом же «Энциклопедическом словаре» статьи Бодуэна де Куртене «Язык и языки» и «Языкознание». Такова и статья Зелинского о филологии.

Толковые и энциклопедические словари последних десятилетий как в Польше, так и в России определяют филологию либо как совокупность наук, изучающих язык и литературу, либо как комплексную науку о культуре какого-либо народа или группы родственных народов. Оба определения привычны, и каждое в отдельности кажется вполне понятным. Но попробуйте применить их к реальной жизни соответствующих областей — и окажется, к примеру, что языковеды уже полтора-два десятилетия отстаивают на принципиальной отдельности своей науки от филологии, а на изучение культуры претендуют культурная антропология и культурология, вовсе не связанные с филологией.

Вопрос о предмете и природе филологии имеет давнюю историю. В золотую пору классической филологии — в XV-XVII вв. — ее великие представители, заново открывая и готовя к изданию рукописи произведений античных авторов, поневоле становились первыми исследователями языка этих произведений и отразившейся в них действительности — исторических фактов и культур-

ных представлений. Но к концу XVIII в., когда филология была признана в Германии самостоятельной университетской специальностью, рядом с нею уже оформлялись в качестве самостоятельных дисциплин и историческая наука, и сравнительная лингвистика. Вопрос, чем же предмет филологии отличается от предметов ее младших соперниц, приобрел актуальность.

Долгое время дебаты о разграничении филологии и истории шли преимущественно в Германии. Однако в конце 1870-х основные сочинения Ф.Вольфа и А.Бека переводятся или подробнее реферируются в России. Зелинскому, учившемуся классической филологии в Лейпциге, Мюнхене и Вене, судьбой было предначертано подхватить давние поиски и перенести их на русскую почву.

Статья «Филология» Зелинского складывается из шести неозаглавленных главок, отделенных друг от друга характерным для XIX в. двоящим пунктуационным знаком «точка-тире» (.—).

Первая, самая небольшая, посвящена месту истории и филологии в общей классификации наук. Признавая невозможным разграничить историю и филологию по изучаемому материалу, автор объединяет их в единую «историко-филологическую науку». Прочие гуманитарные науки (по тогдашней терминологии, «науки о духе»), исследуя свой предмет вне времени, дают его теорию. В отличие от них, историко-филологическая наука имеет своей задачей «изучение творений человеческого духа в их последовательности, т.е. в их развитии».

Вторая глава содержит увлекательный очерк эволюции значения слов «история» и «филология», а заодно и связанных с ними, таких, как «анналы» и «хроника». Словом «история» поначалу называли запись виденного и главным образом слышанного автором во время странствий, т.е. восходящего к *устным* источникам. Филология же с первых шагов была связана с изучением *письменного* слова. Постепенно история, становясь пове-

ствованием о судьбах народов, стала включать факты, известные из письменных источников, а филология превратилась в занятие именно древними текстами, и к началу XIX в. объем двух понятий практически совпал.

Совпал, однако, именно объем, но не содержание двух понятий. В третьей главке статьи Зелинский утверждает, что «коренное различие» истории и филологии заключается в их *методах*. Причина неустранимой двойственности историко-филологической науки лежит в способе получения информации об изученных объектах. Во всех других науках исследователь имеет возможность более или менее непосредственного контакта с исследуемым явлением. В историко-филологической науке, изучающей прошлое, такой контакт по определению невозможен. Информацию исследователь получает только опосредованно: из оставленных прошлым материальных следов, называемых *«памятниками»*. Необходимость работы с памятниками и приводит к раздвоению историко-филологической науки: чем больше ученый концентрируется на отраженных в памятнике событиях и законах развития, тем больше он историк; чем больше его занимает сам памятник, тем больше он филолог. В практической работе ученому приходится быть и историком, и филологом, но чем дальше от нас во времени и чем культурно специфичней изучаемая эпоха, тем больше удельный вес именно филологической работы.

В четвертой главке перед читателем сначала развертывается головокружительная панорама возможных видов памятников. Это не только привычно ассоциируемые с филологией литературные тексты или надписи на надгробиях, статуях, стенах построек. Оказывается, памятником исторических событий может быть сегодняшний ландшафт тех мест, где они происходили («географические» памятники). И современное нам состояние языка, верований и обычаев, скажем, итальянцев является особым, «этнологическим» памятником истории Древнего Рима!

Показав возможное разнообразие памятников, Зелинский переходит к характеристике того, что, собственно, филолог может и должен делать с памятниками. Памятники редко доходят до нас в первоначальном виде: «западное побережье Малой

Азии значительно изменилось... вследствие наносов ее рек, религия греков изменилась вследствие принятия христианства, данный барельеф или данная надпись сохранены в неполном виде, литературное произведение пострадало вследствие невежества или произвола переписчиков». Суждение о прошлом по такому измененному памятнику легко может привести к ложным выводам. Поэтому первая задача филологии — «парализовать влияние столетий» и, по возможности тот вид, который он имел в интересующую нас эпоху. Ветвь филологии, решающая эту задачу, называется филологической *критикой*.

Вторая важнейшая задача филологии состоит в том, чтобы этот памятник *понять*. Наука, решающая эту задачу, называется *герменевтикой*. Зелинский оговаривает, что возможны два типа понимания и, соответственно, два вида герменевтики.

Мы можем сразу рассматривать восстановленный критикой памятник как источник информации для решения конкретной научной задачи. Тогда нас будет интересовать только часть его содержания, относящаяся к данной задаче, и мы будем сразу стремиться соединить эту информацию с аналогичной информацией из других памятников. Такое частичное, «проблемно-ориентированное» (в современных терминах) понимание Зелинский считал задачей *герменевтики синтетической*, образующей уже переход от собственно филологического к историческому.

Но есть и другой тип понимания — понимание восстановленного памятника в его целостности. Понимание «всестороннее», когда в памятнике не остается «ни одной невыясненной стороны». Такому пониманию учит *аналитическая герменевтика*, именно оно специфично для филологии, составляет ее непосредственную и неотъемлемую задачу.

По мнению Зелинского, аналитическая герменевтика должна приступать к памятнику прежде синтетической, а значит, и филологическая работа с памятником должна предшествовать его использованию в других науках.

Как помнит читатель, в статье Зелинского есть еще и пятая, и шестая главки... Но не будем пытаться «объять необъятное» — в надежде, что читателю уже захотелось самому прочесть «Филологию».

Стефан Братковский

КАК ОНО БЫЛО С ЭТИМ КРЕМЛЕМ

Великий гетман Станислав

Может, кто-нибудь побеседовал бы со знатоками темы — такими, что и меня постарше. Один из них — профессор Збигнев Вуйцик, автор замечательной «Истории России», второй — Ярема Мацишевский (давний мой политический противник), автор солидных, основополагающих трудов, среди которых «Польша и Москва. 1603-1618». Пока что приведу некоторые сведения из их книг, стоящих у меня на полке.

Оказывается, великий гетман Станислав Жулкевский*, победитель в битве под Клушином, вовсе не завоевывал Кремля — более того, не хотел даже вступать со своим войском в Москву! «В конце концов, — цитирую Мацишевского, — этого потребовали бояре» в страхе перед вторым Лжедмитрием**. Жулкевский писал королю: «Когда появилась наша передовая стража, московская стража, понявши, что из войска самозванца

люди, кинулась биться в рукопашную, потом, когда узнали, что из войска Вашего королевского величества люди, сразу принялись с нашими радостно здороваться. Подъехал потом Иван Салтыков, Волуев и другие бояре, которые со мной, и принялись разговоры говорить, приветствуя друг друга, обнимаясь со слезами».

Жулкевский шел на Москву вместе с русскими отрядами — установив среди своих суровую дисциплину (авантюристов из Польши приводили на Русь один за другим самозванцы). И он, и бояре хотели посадить на царский престол [будущего] Владислава IV, но эта идея потерпела поражение... в Варшаве — от амбиций Сигизмунда III: король сам хотел стать царем. Жулкевский, разочаровавшись, оставил Москву к сожалению ее жителей. Русские прощались с ним крайне сердечно. А тот польский гарнизон Кремля, что потом сдал его Пожарскому, еще за полгода до этого хотел оставить и Кремль, и Москву, потому что король не выплачивал им жалованье. Многие из них заплатили жизнью за то, что вытворяли не они, а вышеупомянутые авантюристы. Сами они вели себя дерзко и вызывающе.***

Не впервые тогда поляки (с польскими шотландцами) вступили в Москву и Кремль — они вошли туда в 1605 г. с первым Лжедмитрием, у которого, кстати, была политическая жилка: он обещал провести в России серьезные реформы. Но это к слову. Интереснее кажется мне то, что в 1600 г., еще при Борисе Годунове, в Москву отправилось численно огромное польское посольство великого канцлера литовского Льва Сапеги, которое — разумеется, не без тайных договоренностей с боярами — везло проект практического присоединения России к Речи Посполитой с тем же статусом, что у Великого Княжества Литовского. Бояре могли бы сесть и занимать должности в обоих государствах Речи Посполитой, а шляхта из этих государств — в России;

можно было бы заключать успешные браки (в XVI веке долгое время шляхтич с коронных земель, женившись в Великом Княжестве, не мог получить в собственность имущество жены). Войны они вели бы вместе и вместе пользовались плодами завоеваний: общими были бы союзы и враги, общий монетный двор и общий флот! После смерти нынешних властителей во главе стал бы общий властитель. Я не назвал здесь еще разных других общих дел, а также, что важнее, свобод, дарованных русским боярам. На это они больше всего и рассчитывали...

Россию разрушило жуткое царствование Ивана Грозного, многие земли

только сто лет спустя после его смерти вернулись в сельскохозяйственный оборот! Уже в вышеупомянутом 1600 году Россия жила в предчувствии катастрофы — хотя историки и договорились называть Смутным временем период, начавшийся несколько позже, с кошмарными годами повсеместного голода и трагических крестьянских войн, когда год от года становилось все хуже, а сменявшие друг друга цари, включая самозванцев, погибали от руки убийц. Вдобавок с 1605 г. буквально по всей России, даже в самой глубинке, бесчинствовали польские авантюристы, явившиеся с самозванцами. Самые умные люди в Польше (Замойский, Жулкевский) не поддерживали самозванцев; от авантюристов же в Польше прямо отмежевывались: их звали приватниками, сеймики, как в коронных землях, так и в Литве, выносили постановления не помогать им — пусть сами расплачиваются за то, что творят. Самой дурной славой пользовались т.н. лисовщики, грабители и бандиты из отрядов Александра Лисовского, но не намного лучше были и другие, в том числе донские и польские казаки. С ними справиться было трудней, чем отобрать из польских рук Кремль: если бы кремлевскому гарнизону пообещали выплатить невыплаченное жалованье, он ушел бы сам, не дожидаясь подмоги.

Вся эта история свидетельствует о том, что сегодня в Кремле никто не собирается задавать вопросы специалистам, в данном случае историкам. Признание за поляками завоевания Кремля, что не удалось ни Наполеону, ни Гитлеру, не приносит нам никакого удов-

летворения, потому что, как мы видим, поляки его не завоевывали ни тогда, когда пришли с Лжедмитрием, ни после, с Жулкевским. О посольстве Сапеги есть работа Тышковского, вышедшая в 1927 г. и нуждающаяся в переиздании. Вот это был бы, если уж надо, комплимент — польским и литовским умам.

Э. Лиснер. Выход поляков из Кремля

Лжедмитрий I

Рембрандт ван Рейн.
Лисовщик или Польский всадник, 1655.
The Frich Gallery, Нью-Йорк

А теперь Россия объявила Польше экономическую войну. Хотя наши свиньи — отнюдь не лисовщики.

RZECZPOSPOLITA

* В русской исторической традиции — Жолкевский. — *Здесь и далее прим. пер.*

** В.О.Ключевский пишет: «Присягнув Владиславу, московское боярское правительство (...) из страха перед московской чернью, сочувствовавшей второму самозванцу, ввело отряд Жолкевского в столицу».

*** Ключевский так описывает ход событий: «...составилось второе ополчение против поляков.

По боевым качествам оно не стояло выше первого (...) Под Москвой стоял казацкий отряд кн. Трубецкого, остаток первого ополчения. Казаки были для земской дворянской рати страшнее самих поляков, и на предложение кн. Трубецкого она отвечала: «Отнюдь нам вместе с казаками не стаивать». Но скоро стало видно, что без поддержки казаков ничего не сделать, и в три месяца стоянки под Москвой без них ничего важного не было сделано. В рати кн. Пожарского числилось больше сорока начальных людей все с родовитыми служилыми именами, но только два человека сделали крупные дела, да и те были не служилые люди: это — монах А.Палицын и мясной торговец К.Минин. Первый по просьбе Пожарского в решительную минуту уговорил казаков поддержать дворян, а второй выпросил у Пожарского 3-4 роты и с ними сделал удачное нападение на малочисленный отряд гетмана Хоткевича, уже подбиравшегося к Кремлю со съестными припасами для голодавших там соотчичей. Смелый натиск Минина приободрил дворян-ополченцев, которые вынудили гетмана к отступлению, уже подготовленному казаками. В октябре 1612 г. казаки же взяли приступом Китай-город. Но земское ополчение не решилось штурмовать Кремль; сидевшая там горсть поляков сдалась сама, доведенная голодом до людоедства. Казацкие же атаманы, а не московские воеводы отбили от Волоколамска короля Сигизмунда, направлявшегося к Москве, чтобы воротить ее в польские руки, и заставили его вернуться домой. Дворянское ополчение здесь еще раз показало в Смуту свою малопригодность к делу, которое было его сословным ремеслом и государственной обязанностью». Малоприятная иллюстрация «национального единства». Впрочем, тем, кто говорит, что лучше бы «День национального единства» сдвинуть на дату избрания на царство Михаила Романова, стоит прочесть описание земского собора у Ключевского: «соборные происки, козни и раздоры» — и вездесущий подкуп (даже князь Димитрий Пожарский с помощью денег надеялся быть возведенным на престол), а дело решили опять-таки казаки: «Главная опора самозванства, казачество, естественно, хотело видеть на престоле московском или сына своего тушинского царя [второго Лжедмитрия], или сына своего тушинского патриарха» («Филарет был ставленником обоих самозванцев, получил сан митрополита от первого и провозглашен патриархом в подмосковном лагере второго»). «...соборное избрание Михаила было подготовлено и поддержано на соборе и в народе целым рядом вспомогательных средств: предвыборной агитацией с участием многочисленной родни Романовых, давлением казацкой силы, негласным дознанием в народе, выкриком столичной толпы на Красной площади».

Томаш Фиалковский

ДОБРОДЕТЕЛЬ В ОКОВАХ

Второй день масленицы 1846 года. Руфин Петровский, участник восстания 1830 г., эмигрант, затем эмиссар в Каменце-Подольском, после полутора лет, проведенных на сибирской каторге, где он работал на винокуренном заводе в Екатерининском под Тарой, пускается вечером в путь. На нем «три сибирские рубахи, из которых наверху цветная, жилет из толстого домотканого сукна, двое подштанников, широкие брюки из такого же сукна, как и жилет, полушубок по колени, хорошо скроенный, наверх длинная шуба, две пары шерстяных

чулок, еще обмотанных суконными тряпками, новые сапоги, просторные, с длинными, в гармошку, голенищами...». Лысину он прячет под париком «из недубленной козьей шкуры шерстью наружу», парик подвязан платком через уши и прикрыт бархатной шапкой — такой, какую носят «зажиточные сибирские мужики по праздникам». Маскировку дополняет борода, которую он с момента вынесения приговора отпуская с мыслью о предстоящем побеге. Начинается поразительное странствие, которое приведет Петровского сначала в Архангельск, а когда окажется, что бежать из России на каком-нибудь торговом суде невозможно, — через Петербург и Ригу в Кенигсберг.

Одиссею Петровского мы знаем в подробностях благодаря его несправедливо забытым запискам, которые отличаются не только красочностью и литературными достоинствами, но и достоверностью. Не все побеги из Сибири кончались счастливо — правилом скорее

была поимка беглецов и суровые наказания. Профессор Виктория Сливовская, замечательный знаток истории Польши и России XIX века, в 13 главах своей книги рисует захватывающую панораму судеб ссыльных — судеб трагических, волнующих, сенсационных. Она рассказывает не только о попытках индивидуальных и групповых побегов (первые чаще бывали удачные) и о мартирологии — вспомним хотя бы неудавшийся «омский заговор» (1833), закончившийся жестокой казнью, во время которой засекли на

смерть священник Яна Серотинского и нескольких других осужденных. Она раскрывает действие царской полицейской и судебной машины, знакомит с реалиями жизни на каторге и «поселении», показывает отношения между поляками и коренными сибиряками. Автор изучает документы, проверяет свидетельства, известные из литературы, обнаруживая неизбежный процесс мифологизации, в силу которой некоторые события приобрели символическое значение.

Трудно назвать всех героев «Побегов из Сибири». Среди них встречаются известные имена, такие, как Петр Высоцкий, глава заговора подхорунжих [положившего начало восстанию 1830 г.], который вместе с семьей товарищами предпринял в 1835 г. неудачную попытку побега. Приговоренный к тысяче палочных ударов, т.е. двукратному прогону сквозь строй пятисот солдат, вооруженных палками, он выжил, прожил еще долгие годы рудничной каторги, а затем поселения (на по-

селении он зарабатывал себе на жизнь производством мыла) и после четвертьвекового изгнания вернулся в родную Варку.

Во всемирную литературу вошли супруги Винцент и Альбина Мигурские, увековеченные Львом Толстым в рассказе «За что?» [у Толстого Винцент назван Иосифом]. Винцент, повстанец, карбонарий, эмиссар, был отдан в солдаты и сослан в Уральск; его невеста Альбина поехала вслед за ним — венчались они в доме батальонного командира. Их самоубийственная эскапада действительно была поразительна. Сначала они симулировали самоубийство Винцента — якобы он утонул в реке Урал, на самом же деле прятался в своем доме. Семь месяцев спустя Альбина, получив разрешение вернуться на родину, выехала в путь тарантасом. Муж, «нагой, прикрытый платьем своей жены», лежал в тайнике под тарантасом, среди багажа были гробы с телами двух их умерших дочек. Путешествие продолжалось только четыре дня, после чего арестовали как Винцента, так и Альбину, а с ней посвященную в тайну служанку Магду. После суда — впрочем, женщинам суд не назначил наказания — Мигурского перевели за Байкал, в Нерчинск. Жена поехала с ним в Нерчинск, где после очередных родов умерла. Винцент дождался конца каторги, умер в Вильне, оставив записки.

«Когда мы смотрим на портрет Альбины, — пишет Виктория Сливовская, — на ее строгий взгляд, сжатые губы, легко поверить, что она была инициатором этого безумного предприятия». Исследователь принимает на

себя роль «адвоката дьявола»: вылавливает неясные точки «удивительной истории Мигурских», воспроизводит процесс мифологизации образа Альбины, из отважной женщины с сильной волей и, по-видимому, нелегким характером превратившейся в «польку-мученицу, образец для подражания».

В книге мы найдем и еще одну, можно сказать, любовную историю, на этот раз закончившуюся хэппи-эндом: я имею в виду старательно подготовленный побег Ярослава и Пелагии Домбровских, в успехе которой немалая заслуга «друзей-москалей». Уже из Стокгольма Домбровский написал открытое письмо М.Н.Каткову, редактору полонофобских «Московских ведомостей»; в письме он выражал благодарность русским, сочувствие которых обеспечило ему помощь.

«Побеги из Сибири» — книга о запутанных путях людей, действовавших в истории, об их надеждах и драмах, о неискоренимой потребности свободы. А также о соотношении между легендой и фактами, которые легли в ее основу, и о различных мистификациях. Значительную часть посмертно опубликованных записок Шимона Токажевского написала, по-видимому, его вдова; Якуб Котон, автор интересных сибирских воспоминаний, оказывается подозрительным авантюристом... Труд Виктории Сливовской так плотен и так набит подробностями, что читатель иногда в них запутывается. Однако стоит углубиться в панораму «польской Сибири»...

TACODNIK POWSZECHNY
KATOLICKIE PIEMO OBYCZAJOWO-KULTURALNE

Виктория Сливовская. *Побеги из Сибири*. Варшава, «Искры», 2005. 448 с., илл., прим., именной указатель, на польск. яз.

Николай Гладких

КАТЫНЬ — БОЛЬ НЕ ТОЛЬКО ПОЛЬШИ, НО И РОССИИ *Вечер в Москве*

30 ноября в варшавской «Газете выборчей» напечатано большое интервью с председателем Комиссии по иностранным делам Государственной Думы РФ Константином Косачевым. Интервью озаглавлено словами г-на Косачева: «А поляки все только о Катыни да о Катыни». Мы не намерены полемизировать с суждениями господина председателя, но хотим лишь отметить всего одну его ошибку. К ужасному катынскому делу чувствуют себя обязанными возвращаться не только поляки. К нему возвращаются и многие русские — в благородном убеждении, что нашему примирению и сотрудничеству весьма препятствует нежелание компетентных органов РФ полностью — а не наполовину — разоблачить это сталинское преступление 65-летней давности.

Редакция

24 ноября 2005 г. в малом зале Центрального дома литераторов в Москве прошел вечер «Катынь — боль не только Польши, но и России», организованный Фондом социально-экономических и интеллектуальных программ (СЭИП) совместно с литературным журналом Союза писателей Москвы «Кольцо А» и журналом «Знамя». Вечер вел президент Фонда СЭИП Сергей Филатов, автор статьи «Катынь — боль не только Польши, но и России», опубликованной в 34-м номере журнала «Кольцо А».

Вечер открыла песня «Катынские леса», написанная бардом Мариной Романовой.

«Был период, когда темные стороны российско-польских отношений стали проявляться», — сказал Сергей Филатов. — *К сожалению, в этом году снова возобновилась официальная ложь, ставящая нас, российских интеллигентов, в нелепое положение, когда мы встречаемся с нашими польскими друзьями и коллегами».*

Сделанное в марте этого года заявление Главной военной прокуратуры РФ о закрытии расследования катынского дела вызвало негативную реакцию не только в Польше, но и в России. На вечере обсуждались проблемы, связанные с прекращением расследования.

О сегодняшнем состоянии исторических исследований по катынскому делу рассказала доктор исторических наук Наталья Лебедева, ведущий сотрудник Института всеобщей истории РАН. Она отметила, что никакие попытки отрицать или двусмысленно истолко-

вать доказательства преступления невозможны — документы по нему хранятся в четырех разных архивах и охватывают все стадии подготовки расстрелов: кто был приговорен, в какие вагоны погружен, где и когда принят, когда приговоры были исполнены.

«Самое плохое, что катынский вопрос снова стал предметом политической игры», — сказал секретарь польского Совета охраны памяти борьбы и мученичества Анджей Пшевозник. — *Наше стремление к раскритичиванию всех протоколов расследования и к общему соглашению по вопросу как моральной, так и юридическо-уголовной оценки этого преступления не имеет отношения к мести или какому-либо унижению страны и народа. Оно вытекает из потребности правды и чувства справедливости, которые должны создавать фундамент каждого свободного и демократического государства. Это нужно сегодня Польше, России, нам всем. Это единственный путь прервать круг взаимного недоверия, обиды и страдания».*

Выступление представителя Главной военной прокуратуры полковника Сергея Шеломаева вызвало общее чувство неловкости. Полковник извиняющимся голосом озвучил текст, почти половину которого составляют оговорки и риторические конструкции, демонстрирующие, что говорящий отмежевывается от предмета своего выступления. Судите сами.

«Нам приходилось идти непроторенными путями», — пожаловался С.Шеломаев. — *За это время была проделана большая работа. Мне не дадут содрать уважаемые историки, которые помогли нам в поисках и исследовании документов. Все, кто сталкивался с катынской проблемой, знает, что есть различные трактовки и точки зрения на события. Вспомним злосчастного Мухина. Мы испытывали то или иное давление, особенно на начальном этапе расследования, когда еще не было официальной точки зрения, кто повинен в этих событиях. Несмотря на это мы довели расследование до конца. С принятием решения Главной военной прокуратуры по данному делу появилась официальная точка зрения, основанная на российском законодательстве».*

Действия отдельных должностных и руководящих лиц квалифицированы как превышение власти, злоупотребление властью. Они признаны виновными в совершении указанных преступлений. Принято решение

о прекращении уголовного дела за смертью указанных лиц. То есть данным решением мы признаем вину российского руководства в указанных деяниях.

Далее. В ходе следствия как по инициативе польской стороны, так и по нашей инициативе нами исследовались вопросы о возможном геноциде в отношении польского народа. И вы знаете, к нашему удивлению, мы столкнулись тоже с рядом трудностей. Дело в том, что в России и в СССР никто серьезно этим вопросом не занимался. Мы обращались в различные заведомые научно-исследовательские и учебные заведения и с удивлением узнали, что на русском языке не существует даже переводов решений международных трибуналов по Югославии и по Руанде, — мы занимались этим первые. С учетом исследования всех этих вопросов версия о геноциде в отношении польского народа подтверждения не нашла. Здесь, конечно, могут с нами не соглашаться, здесь точка зрения у каждого своя. Официальную точку зрения Главной военной прокуратуры я вам высказал.

Что касается засекречивания отдельных документов по данному делу. Здесь тоже могут быть разные точки зрения, не совпадающие с точкой зрения Главной военной прокуратуры. Но дело в том, что этот вопрос решался в соответствии с российским законодательством. В соответствии с законом о государственной тайне была создана комиссия, в состав которой, кстати, ни Генеральная прокуратура, ни Главная военная прокуратура не входили. И решением этой известной комиссии были засекречены те или иные документы и, соответственно, тома уголовного дела. Поэтому здесь у нас нет возможности соглашаться с этим решением или не соглашаться.

Представителям польской делегации, которые были в Москве в октябре этого года — это сотрудники Института национальной памяти, — нами предоставлено 67 томов уголовного дела, которые не вошли в перечень секретных и совершенно секретных документов. Вот то, что я хотел сказать по этому поводу.

Сергей Филатов подчеркнул, что в начале 90-х годов создавалась Комиссия по рассекречиванию документов, а в данном деле потребовалось вмешательство комиссии по засекречиванию. «Я не могу упрекать прокуратуру, поскольку они действительно отделены от работы этой комиссии, руководимой непосредственно администрацией президента».

Литературовед и публицист, доктор филологических наук Мариэтта Чудакова поделилась воспоминаниями, как в аспирантские годы, занимаясь русской литературой 30-40-х годов, раскрыла газету, в которой был напечатан отчет комиссии Бурденко. Неестественно крупный текст, его расположение на развороте и стилистика отчета со всей очевидностью кричали, что это ложь.

«Что происходит сегодня? Когда мы наконец, через много лет, облегчили совесть и сказали правду, военная прокуратура, не моргнув глазом, заявляет, что у нас снова появились секретники. Мы ведем себя, как хамы. Хотели — открыли документы, захотели — закрыли. Без обсуждения, ничего никому не объясняя. Сталину повезло с Гитлером. Англичане с американцами во время Нюрнбергского процесса не знали, что делать: всем было понятно, что это мы убили, но говорить это вслух было несвоевременно, судили то фашистов! Но ведь дальше это длить нельзя. Или мы говорим: можно? Вместо того чтобы признать: это сделала советская власть, действия которой мы тоже осуждаем, — мы признаём, что всё это делать можно: резать людей, как кур, как свиней, — и будем делать это и дальше. Но только отвечать не хотим и поэтому будем врать, что ничего не было».

«Выводы следствия, пока по нему не проведено публичное слушание, есть частное мнение тех, кто его вел, — сказал журналист и писатель Леонид Млечин. — Сами следователи не имеют права выносить вердикт. Говорят, что открытие информации компрометирует советских людей. Нет, серийный убийца или педофил компрометирует не жителей города, а только органы, которые почему-то решили его не ловить или скрывать».

Член бюро политсовета партии «Яблоко», доктор экономических наук Виктор Шейнис предложил задуматься, зачем власти понадобилось закрывать тома расследования. «Что в них может быть такого сверхразоблачительного, подобного чему мы бы еще не знали? Скорее всего, ничего. Но это делается с определенной целью — прежде всего демонстративно наказать поляков за позицию по отношению к украинской революции».

Позицию общества «Мемориал» в связи с заявлением о прекращении расследования катынского дела представил координатор Польской комиссии международного «Мемориала» Александр Гурьянов:

«Я с огромным уважением отношусь к тому, что сделали сотрудники Главной военной прокуратуры — в период с 1990 по 1994 год. И нам понятно, что присутствующий здесь Сергей Владимирович Шеломаев не имеет возможности сказать что-либо, идущее вразрез с линией его начальства. Выступление же главного военного прокурора РФ А.Н. Саенкова в марте этого года прозвучало для нас всех как знак возврата к старой советской политике лжи и фальсификации. Если он публично заявляет, что достоверно установлена гибель 1803 человек и личности всего 22 человек, то весь мир не может воспринимать это иначе, как наглое издевательство над истиной. Что вообще означает эта цифра? Была даже версия, что это случайная оговорка, прозвучав-

шая на пресс-конференции. Но те же слова и цифры фигурируют в письменном ответе на запрос «Мемориала» в Главную военную прокуратуру.

Юридический аспект. В рамках российского законодательства этот вопрос разрешить не удастся — в нем нет таких составов преступлений, по которым можно квалифицировать катынское дело.

Но согласиться с «превышением власти» даже с добавленными уточнениями не можем ни мы, ни весь мир. Коллизия, когда в существующем законодательстве нет адекватного состава, не нова. Из нее есть выход.

В 1945 г. был принят устав Международного военного трибунала. По статьям этого устава судили нацистских преступников. По этому пути и пошла следственная группа Главной военной прокуратуры, когда в 1994 г. предложила заключение с квалификацией по 6 статье устава Международного военного трибунала. Почему то заключение было отменено?

Есть и другой, паллиативный, путь — политическая декларация на самом высоком уровне. Когда Б.Н.Ельцин посетил в 1993 г. катынский квартал на кладбище и сказал «Простите!», он принес личное извинение. Публичное политическое заявление могли бы сделать Государственная Дума или действующий президент. Правда, при личном персональном составе обоих органов ожидать такой декларации не приходится.

Можно спорить, имел ли место геноцид. Но если не геноцид, то нужно сказать, что это такое. Заявление о «превышении власти» только позорит страну.

Обязательно должен быть оглашен весь список виновников преступления — и тех, кто принимал решения, и их исполнителей всех уровней и рангов. Кто принимал решения, мы знаем по историческим документам. Должно быть принято соответствующее юридическое заключение.

Самый важный наш постулат — вопрос списка жертв. Известны пофамильно списки всех расстрелянных в трех военных лагерях. Кроме них расстреляны узники тюрем Западной Украины и Западной Белоруссии. Есть список украинских жертв.

Нет белорусского списка. Нам могут сказать, что Беларусь сейчас самостоятельная страна, а мы занимаемся только своими жертвами. Это формальный подход, по существу абсолютно неправомочный. Вся операция разрабатывалась в Москве, контролировалась Москвой, и все документы шли через Москву.

Кстати, и список украинских жертв тоже был обнаружен у нас в Москве. Трудно поверить, что где-то в московских архивах не хранится и по крайней мере дубликат белорусского списка. Пока эта информация не будет опубликована, закрывать расследование никак нельзя.

Наконец, никак нельзя смириться с закрытием документов.

Обоснование этого тоже носит издевательский характер. В 118 томах имеются документы с грифом «Для служебного пользования». На этом основании «секретится» все дело. Хорошо, что 67 томов польской стороне все же предоставлены.

Необходимо, чтобы и российская общественность, и российские историки тоже получили возможность ознакомиться с этими томами — в качестве первого шага к полному раскрытию документов.

Здесь многие говорили, что мы интеллигенция и власть нас не всегда слушает. Честнее будет сказать: нынешняя власть нас не слушала никогда. Никаких подвижек в эту сторону не произойдет без наших действий.

Не пришла ли пора основать общественный Катынский комитет из представителей разных общественных организаций, который бы координировал наши действия в этом вопросе, обращался к власти и прокуратуре, выступал в СМИ?

Вспомним, что когда-то в Польше занятие катынским делом тоже было чревато уголовным преследованием. В 80-е годы польская общественность создала в подполье Катынский комитет. Мы — пока еще — можем сделать это не в подпольных условиях.

Об отношении к катынскому расследованию в сегодняшней Польше рассказал варшавский корреспондент газеты «Московские новости» Валерий Мастеров. Согласно одному из недавних опросов, лишь 9% поляков называют Россию дружественной страной — эта цифра несомненно отражает реакцию на заявление Главной военной прокуратуры о прекращении расследования.

Огромный резонанс в Польше в апреле этого года вызвало награждение крестами ордена Заслуги Республики Польша 32 общественных деятелей и ученых из бывшего СССР, среди которых 14 сотрудников общества «Мемориал». Награды были вручены за вклад в раскрытие и документирование правды о политических репрессиях против польского народа, в том числе за исследование обстоятельств катынского дела.

В числе награжденных был и академик Александр Яковлев, память которого почтили участники вечера. Сергей Филатов поздравил присутствовавшую в зале дочь Александра Яковлева Наталью Ушацкую с назначением на должность главы Международного фонда «Демократия» (Фонда А.Н.Яковлева).

Вечер завершило выступление пианистки Марии Пановой, сыгравшей этюд Шопена.

С сайта hro/org. Печатается в сокращении

Марек Карпинский

ПОХВАЛА ПРОФЕССИОНАЛИЗМУ

Любой журналист знает, что в его профессии самое главное — контакты, независимые источники информации, понимание, кто есть кто и каково его значение (не только официальное, но, что важнее, реальное). Для этого надо уметь улавливать мелкие, но особенно важные сигналы: кто какое место (перед кем и за кем) занимает во время официальных торжеств, кто через кого может иметь доступ к «высочайшему уху». Это особенно важно при исследовании институтов солидных, выстроенных иерархически, заботящихся о своем «имидже» и закрытых. Такого рода усилия прилагали кремлинологи, пытавшиеся разузнать, что происходит на закрытых заседаниях высших органов КПСС за стенами Кремля. И такого же рода усилия прилагают ватиканисты, пытающиеся проникнуть за стены Престола св. Петра и узнать, что там происходит. Дело в том, что как через Спасские ворота, так и через Бронзовые врата просто так не пройдешь — их надо обойти, используя собственные источники информации, связи и знакомства.

Все это хорошо известно Яцеку Паласинскому, который в своей последней книге «Папа уже не умрет...» раскрывает перед нами кулисы ремесла журналиста. Причем журналиста, освещавшего одно из важнейших событий нашего столетия (для поляков наверное самого важного). Мы живем в глобальной деревне, а телевизионный экран стал для нас окном в мир: от работы тех, кто его для нас открывает, зависит качество нашего мира. От их честности, трудолюбия и порядочности. Яцек Паласинский, который с 1 февраля по 2 апреля сообщал нам по ТВН о болезни и последних днях жизни Иоанна Павла II, свой рассказ начинает с негативного примера, страшного сна репортера. Итак, 11 мая 1981 года корреспондент польского ТВ в Риме отправился в горы. Там он наслаждался альпийским солнцем и воздухом и радовался чудесной возможности оторваться от дел этого мира. В эпоху до мобильных телефонов это было еще вполне достижимо. Когда через несколько дней он вернулся на свой журналистский пост, то по телетайпу ему сообщили об увольнении. Его не было на месте, когда 13 мая стрелял Али Агджа, не было и в те первые дни, когда Папа боролся за жизнь. Вся Польша пребывала в оцепенении, а телефон в Риме глухо молчал. Это кошмар, преследующий каждого журналиста: что его не будет на месте, когда случится что-то важное, и поэтому первая заповедь журналиста — быть на месте.

Но недостаточно просто быть. Естественно, существуют бюллетени о состоянии здоровья, проводятся пресс-конференции и брифинги. Но участие в них могут принимать все аккредитованные журналисты. Настоящий репортер стремится передать информацию, недоступную для других, а если этого сделать не удастся, то передавать сообщения. Ибо журналистская братия участвует в перманентном, никогда не кончающемся соревновании. Все телеканалы, информационные агентства, все радиостанции и газеты непрерывно соперничают друг с другом в скорости подачи информации. Побеждают те, у кого лучше отработаны «связи», иногда те, кто побогаче, кому бюджет позволяет покупать информацию, порой те, кому больше повезло или сработала интуиция и удалось поставить камеру в более удачном месте. Спутниковая связь позволяет передавать информацию почти в реальном времени. Мы принимаем множество информационных каналов. Соперничество за информационное первенство стало до болезненности реальным, а мы можем, не вставая с кресла, с помощью пульта проверять, кто выиграл.

Разумеется, существуют официальные сообщения. Все получают их одновременно. В качестве одного из так называемых отрицательных персонажей в книге Паласинского представлен Хоакин Наварро-Вальс, глава пресс-службы и пресс-секретарь Ватикана. Пресс-секретарь нужен не только для того, чтобы предоставлять информацию (я знаю, т.к. был пресс-секретарем), но и для того, чтобы ее скрывать. То, о чем не хочется говорить или о чем хочется промолчать, вкладывают в уста пресс-секретаря (открытые или запечатанные). Однако такой пресс-секретарь не станет, осторожно выража-

ясь, любимцем журналистов. Они очень не любят (знаю по собственному опыту журналиста), когда от них что-то скрывают, когда перед ними изворачиваются и передергивают. Паласинский готов простить ему все его информационные грехи за один простой жест, за слезы, лившиеся из его глаз, когда он сообщал о смерти Папы. Наварро по профессии не журналист (самая распространенная профессия среди пресс-секретарей) — он врач. На протяжении столетий Церковь относилась к этой профессии чрезвычайно подозрительно, считая, что врачи противопоставляют себя воле Бога, пытаясь лечить больных: Он ниспосылает болезнь и от нее исцеляет, и чужое вмешательство не требуется. Сама болезнь в глазах Церкви была карой за грехи. И только борьба Иоанна Павла II с болезнью продемонстрировала ее человеческое измерение.

Паласинский пишет не только о том, как информацию добывают, но и о том, как ее передают. В его книге содержится множество подробностей о журналистской телевизионной кухне. Как готовят программы, как их освещают, как работает спутниковая связь, каковы обязанности выпускающего редактора и какую роль играют отдельные техники. Не мое дело подменять его в этой роли, но думаю, что эта книга должна войти в обязательную программу обучения в школах подготовки журналистов. В последнее время таких школ развелось множество, однако содержащаяся в данной книге информация бесценна и для тех, кого интересует, что происходит там, по другую сторону стеклянного экрана.

В книге содержится информация из области, можно бы сказать, школы выживания. Как бороться за место на парковке. Как выдержать много дней на морозе, как выжить, питаясь исключительно батончиками из автоматов клиники Джемелли, запивая их капучино. Как обойтись без сна или как спать на мотороллере. Как восстанавливать силы с помощью горячей ванны. И все это во имя главной журналистской активности — ожидания. Во имя того, чтобы оказаться на месте, чтобы какое-то важное событие не ускользнуло от внимания, чтобы о чем-то важном не узнать (к стыду своему!) из другого источника.

Почему Яцек Паласинский мог успешно конкурировать с самыми лучшими репортерами крупнейших телевизионных станций? Он работал на своей территории. Четверть века он живет в Риме. Он знает Ватикан и царящие в нем отношения, знает людей, обзавелся контактами, он сопровождал Папу во многих поездках, его тексты о болезни Иоанна Павла II в журнале «Впрост» читывал архиепископ Дзивиш. Просто он был подготовлен — тот самый человек на том самом месте.

«Я не помню, как дотащился на своем мотороллере до дома. Было поздно, жена не спала. У меня не было сил умыться, я только почистил зубы и стоял над постелью в одежде. Стоял так сколько-то времени и тупо вглядывался в зажатый в руке мобильник, как будто над чем-то раздумывал. Жена с бесконечным терпением вынула телефон у меня из руки и сказала без усмешки: «Можешь выключить телефон. Папа уже не умрет...»»

В этой книге — не только описание работы журналиста и кухни СМИ. Это еще и рассказ о последних днях и погребении самого великого поляка, о его борьбе с болезнью и собственной слабостью. И в конце концов о нас самих — о поляках. Какими мы были в эти печальные дни.

Иоанна

Малецкая-Арашкевич

ШОПЕНОВСКИЙ ФОРТЕПЬЯННЫЙ КОНКУРС

Со 2 по 24 октября в Варшаве проходил XV Международный конкурс пианистов им. Фридерика Шопена. По решению жюри, возглавляемого Анджеем Ясинским, в финал из 80 участников прошли 12, и десять из них исполнили Концерт ми-минор.

С самого начала симпатии слушателей оказались на стороне 20-летнего польского пианиста Рафала Блехача, студента Быдгощской музыкальной академии им. Феликса Нововойского (класс Катажины Поповой-Зыдронь). Его исполнение этюдов, вальсов и прелюдий, прозвучавших в первом туре конкурса, позволило публике в полной мере ощутить гармонию и совершенство пропорций, свойственных произведениям Шопена. Игра Блехача отличалась уравновешенностью, утонченностью и полным отсутствием экзальтации при большой эмоциональности и темпераментной артикуляции. Музыка Шопена в его исполнении прозрачна и полна простоты, чувство ритма у артиста непогрешимо. Ярче всего это проявилось в Полонезе ля-бемоль мажор, соч. 53, за который пианист был удостоен специального приза. Его игра замечательна не только с точки зрения технического мастерства. Важнее интуиция и воображение, которыми одарен молодой музыкант, благодаря чему и возникает необычайно простое и естественное звучание. Необходимо отметить и красоту музыкальной ткани, умение подать тему, то есть не просто правильно, «чисто» воспроизвести мелодический рисунок, но и сохранить все ее динамические и ритмические особенности. При этом в его исполнении нет ни излишней меланхолии, ни искусственного лиризма, ни чрезмерных агогических нагромождений. В отличие от многих пианистов, которые, стремясь заявить о себе как о новаторах и авангардистах, прибегают к иронии или пафосу, Блехач обходится без них, ибо прекрасно понимает, что это чуж-

Рафал Блехач

до музыке Шопена. Ее величие и залог бессмертия — в том, что она предоставляет артистам богатые возможности совершенствоваться и развивать собственный стиль, сохраняя классический принцип построения музыкальной фразы. Блехач продемонстрировал и умение вести диалог с оркестром, что редко встречается у исполнителей камерной музыки, привыкших выступать с сольными концертами. Жюри высоко оценило его талант, удостоив Рафала Блехача первой премии (в то время как вторую решено было вообще не присуждать, что делает победу Блехача еще более почетной), а также вышеупомянутого приза за полонез и еще одного — за лучшее исполнение мазурки.

Третью премию на конкурсе получили ex aequo братья Лим — 21-летний Донг Хик и 25-летний Донг Мин из Южной Кореи. Ни экспрессией, ни чистотой мелодической линии, ни ясностью звучания братья не походили друг на друга. Донг Хик Лим родился в Сеуле, учился в Московской консерватории им. Чайковского, там же на Международном конкурсе молодых пианистов им. Шопена занял второе место. В финальном туре в Варшаве он исполнил Концерт фа-минор в сопровождении оркестра под управлением Антония Вита. Пианисту удалось избежать соблазна включиться в гонку за техническим совершенством — вместо этого он повел осмысленный разговор, поразив публику своим стилем игры с большим количеством акцентов и динамических смысловых центров. Его игра полна юношеских порывов: не знаешь, каким аккордом он заинтригует, а каким — растрогает. Музыка Шопена в его исполнении отличается технической гибкостью, она легка и загадочна, воздушна, лирична и одновременно забавна. Совсем иной предстает музыка композитора в исполнении Донг Мин Лима. Здесь музыкальная фраза

утяжеляется, насыщаясь драматизмом, она выверена, но не лишена поэтичности, достигаемой при помощи модуляций и контрастирующих ритмов. Братья показали публике зрелищный спектакль, за что каждый был вознагражден бурными аплодисментами.

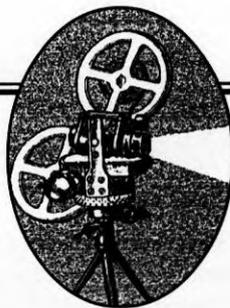
Четвертое место разделили два исполнителя из Японии — Такаси Ямамото и Сокеи Секимото. 22-летний Ямамото учится в Музыкальной академии им. Шопена в Варшаве по классу фортепьяно под руководством Петра Палечного. Его выступления были обставлены весьма эффектно, я бы назвала этого пианиста самым «хищным» из всех конкурсантов. Он продемонстрировал высокий технический уровень подготовки и запомнился своеобразной манерой игры, которая требует участия всего тела, в результате чего концерт становится похожим на пантомиму. Однако такой подход к исполнению музыкальных произведений нравится далеко не всем. Его конкурент Сокеи Секимото — выпускник Токийского университета, лауреат многих престижных конкурсов. Пианист привлекает прежде всего точным прочтением текста и разнообразием музыкальных интонаций. Здесь стоит добавить, что его Полонез ля-бемоль мажор вовсе не звучал «ущербно», как довольно часто бывает, когда за него берутся иностранцы. Напротив, Секимото поразил публику зрелым, всесторонним пониманием характера данного произведения, сыграв его с такой ритмической и динамической последовательностью, которая редко встречается у других исполнителей, забывающих, что полонез, как и любое другое музыкальное сочинение, с точки зрения композиции должен представлять единое целое. Многие пытаются сделать полонез чересчур лиричным, в результате чего он совершенно теряет свой характер танца. У Секимото явственно слышалась пульсация и были правильно расставлены акценты.

Пятой премии жюри не присудило никому, а шестую получила Ка Лин Колин Ли (Китай — Гонконг). 25-летняя пианистка обладает хорошим уровнем мастерства, но ее исполнение не отличалось глубоким духовным содержанием, что проявилось и на финальном этапе конкурса, и в заключительном концерте лауреатов. Пианистка прибегала к разного рода эмоциональным трюкам, таким, как излишний контраст, вносимый в темп и динамику, что местами звучало просто комично.

Из россиян только один попал в финал и был отмечен дипломом — 19-летний Андрей Ярошинский. Он родился в Киеве, сейчас учится в Московской консерватории им. Чайковского у Веры Горностаевой, стипендиат Фонда Мстислава Ростроповича. Ярошинский — пианист спорный, за свое весьма нетрадиционное исполнение Шопена он не раз подвергался нападкам критиков. Многие даже пускались в рассуждения, каким образом он оказался в финале. Ответ, с моей точки зрения, прост: жюри всегда предпочтет музыканта с характером тому, кто ничем особенным не выделяется. А характер у Ярошинского, без сомнения, есть. Несмотря на то, что его игра изобилует разного рода диспропорциями, что в ней заметна излишняя поэтизация и неуместная в музыке Шопена растянутость фраз, характерная скорее для Рахманинова, нельзя не признать: у пианиста есть свой, оригинальный подход к произведениям польского композитора. Для него Шопен — прежде всего лирик и романтик. В каждом выступлении Ярошинского чувствуется его огромная музыкальная восприимчивость. Без сомнения, этот исполнитель пока еще не оценен по достоинству.

Кроме Ярошинского в конкурсе принимали участие еще трое пианистов из России: Федор Амиров, Ольга Козлова и Галина Чистякова. Но они не прошли даже во второй тур.

Победа Рафала Блехача дает надежду на возрождение польской фортепьянной школы. Не так уж много поляков, которые, как Кристиан Циммерман, с успехом выступают за границей. Как сложится музыкальная карьера нынешнего победителя? Пока трудно сказать, тем не менее обаяние, эlegantность и совершенство формы, свойственные игре Блехача, уже сейчас ставят его в один ряд с выдающимися музыкантами (и не только пианистами). Он снискал глубокую симпатию окружающих не только благодаря таланту, но и благодаря своей скромности, целеустремленности, простоте в общении. С самого начала конкурса он завоевал доверие публики, которая верила, что он непременно попадет в финал. Об этом свидетельствуют, в частности, многочисленные телефонные звонки слушателей на 2-ю программу Польского радио (это была единственная станция, которая ежедневно вела прямую трансляцию выступлений участников конкурса). На концерте лауреатов Блехача четыре раза вызывали на бис. Потом в интервью он с искренним волнением признался, что слушатели еще ни разу не оказывали ему такого горячего приема, — в конце они аплодировали стоя и устраивали овации.

Моника Круль

МУЛЬТИКИ ПО ДОСТОЕВСКОМУ

Польская художественная мультипликация родилась в начале XX века, в 1910 г., когда, снимая на киноплёнку бой жуков, Владислав Старевич использовал метод покадровой съёмки. Он был к тому же первым в мире мультипликатором, который изобрел объемную кукольную технику, анимируя засушенных насекомых.

В пионерские для польской анимации времена значительный след в ней оставили Стефан и Францишка Темерсон. Их «Глаз и ухо» (1945), абстрактная игра образов, иллюстрирующая четыре «Слопевни» Тувима и Шимановского — шедевр польской авангардной мультипликации. Мультфильм Темерсонов вкуче с дадаистским стилем и нагромождением неологизмов в «Слопевнях» Тувима, с идиллической тематикой этих песен и звуками фортепьяно стал примером синкретического авангардного искусства.

Очередным направлением в польской художественной мультипликации стал сюрреализм. В 1957 г. Валериан Боровчик и Ян Леница сняли фильм «Жил да был...», который был художественной игрой, сочетанием штрихов, треугольников, черного пятна, вырезок из газет... Им же принадлежит еще более сюрреалистическая картина — «Дом». Боровчик и Леница соединили в ней несколько художественных методов: коллаж, деформированное движение актёра, анимацию предметов и фотографий.

Золотым веком польского мультфильма было объявлено начало шестидесятых, когда среди аниматоров появилась масса индивидуальностей. Возникло настоящее авторское кино, интеллектуальная мультипликация. Здесь необходимо вспомнить восхитительные, нарисованные масляными красками на стекле живописные мультфильмы Витольда Герша («Малый Вестерн», «Конь») и комбинированные фильмы Мирослава Киёвича, которые философски, интеллектуально и сущностно обращены к познанию человека («Знамя»). Даниэль Щехура тоже выбрал тематику, которую можно истолковать философски и экзистенциально, но и с долей иронии по отношению к действительности («Кресло», «Хобби»). Леница прославился своим «философствующим» «Лабиринтом».

Важным событием в польском мультипликационном кино было появление в конце 1970-х молодых художников, связанных с краковским филиалом варшавской Студии киноминиатюр (позже — Студия анимационных фильмов), таких, как Юлиан Антонишак (Антониш), Рышард Чекала, Ян Янчак и Ежи Куча. Фильмы каждого из них отличались особым индивидуальным стилем и техникой. Чекала занимался вырезанием фигур из бумаги в реалистической, мрачноватой манере. Темой фильма «Поверка» были ужасы гитлеровской оккупации, чего в польской мультипликации до тех пор не встречалось. Ежи Куча приводил в движение фотографии, сосредотачиваясь главным образом на технике, но оставляя без внимания фабулу, которая в его фильмах часто бывала малосодержательна («Рефлексы»). Антониш же рисовал прямо на эмульсии пленки. В «Фобии» или в «Как действует Таксик» он выскабливал скальпелем узоры на фотопластинках, чтобы позже наполнить красками появляющиеся кадры. Нельзя обойти вниманием творчество Збигнева Рыбчинского, получившего Оскара за свое «Танго», рисующее «прозу жизни» с помощью гениальной, специфической техники обработки киноматериалов.

В начале 1980-х пришло новое поколение молодых творцов, в том числе Петр Думала. Художник дебютировал еще в 1976 г., однако его истинным дебютом оказалась выполненная в технике рисунка «Ликантропия» (1981), история о людях, надевших на себя волчьи шкуры. Потом была «Черная ша-

Петр Думала

почка» (1983). Думала осветил «темную» сторону известной сказки, показав, как описанные в ней события высвобождают в героях низменные инстинкты. Поэтику черного юмора усиливает инфантильная манера рисунка, выполненного оригинальным методом выскабливания и росписи картинок на стеклянных пластинах. Его следующий фильм «Летающие волосы» (1984) в небанальной манере повествует о любви.

Последовавшие затем фильмы Петра Думалы стали шедеврами польской художественной анимации. Речь идет о фильмах «Кроткая» (1985) и «Преступление и наказание» (2002), основанных на произведениях Достоевского, и «Франц Кафка» (1991). Особого внимания заслуживают также метафорические «Стены» (1987) и погруженный в поэтику сна, абсурда и гротеска фильм «Свобода ноги» (1988)

Чтобы познать Петра Думалу как художника, следует начать с поиска источников его творческого вдохновения. Мы найдем их в живописи, европейском кино и в мотивах великой психологической прозы.

Что касается влияния живописи, то здесь Думала исходит из основного принципа мультипликации: картинка служит отправной точкой, она воздействует на зрителя, без слов разговаривает с ним. Режиссер жертвует диалогами ради живописной художественности и «речи» самого кадра.

В живописи Думалу вдохновляют художники-символисты, чьи произведения полны таинственности и символизма. Достаточно назвать Франсиско Гойю, создателя «Капричос», цикла гравюр, представляющего ночные кошмары, мрачные творения подсознания художника, в которых ужас смешался с гротеском. Лица персонажей «Преступления и наказания», особенно лицо старой процентщицы, непреодолимо вызывают в памяти лица с гойевских гравюр.

Несомненно повлиял на художника и сюрреализм Макса Эрнста, у которого из сплетения яви и грез, фантазии и реальности рождаются гротескные видения и новые неожиданные композиции. Думала признает родство и с Одилоном Редоном, и с Даниэлем Мрузом, польским графиком-сюрреалистом, автором мрачных, хотя и забавных иллюстраций к современной цивилизации. Ценит Эдварда Горей. Источниками вдохновения, плодами которого явились «Летающие волосы» и «Кроткая», были прежде всего Мунк, Рембрандт, Вермеер и Домье.

Заслуживает внимания изображение городов в фильмах Думалы. Мультипликатор создает Петербург XIX века или кафкианскую Прагу, основываясь на старых, по наитию выбранных фотографиях.

Влияние кино на Петра Думалу можно разделить на два направления. Одно из них — актерское кино, второе — анимационное. Объединяет их мотив сновидения, характерный для столь любимых Думалой режиссеров. Мультипликатор называет среди них Бергмана, Антониони, Бунюэля, Курасаву, Мунка и Полянского. В творчестве каждого из них, как, впрочем, и в них самих, таится загадка. Помимо них, художник указывает в ряду важных для него творцов Бастера Китона и Фридриха Мурнау.

Петр Думала, кадр из фильма «Кроткая»

Петр Думала, кадр из фильма «Кроткая»

Мультфильмы этого автора можно назвать немыми. В драматургии фильма участвуют музыка и естественные звуки, диалоги отсутствуют — поэтика, вероятно, вдохновленная немым кино, в частности творчеством братьев Люмьер.

С влиянием немого кино связано очарование мультипликацией. Шедевром анимационного жанра режиссер считает двадцатиминутный немой, черно-белый фрагмент фильма Юрия Норштейна «Шинель» по повести Гоголя. Незаконченность произведения, над которым Норштейн работает в течение многих лет, и мастерство его формы вошли в легенду. Петр Думала называет в числе интересующих его авторов мультипликации братьев Квай, мир фильмов которых рождается из мертвых предметов, лоскутков ткани и сломанных пластмассовых кукол.

Автор «Кроткой» и «Франца Кафки» убедительно говорит о своей связи с литературой. Режиссер — поклонник Джонатана Свифта, Хорхе Луиса Борхеса, Альбера Камю. Однако наибольшее влияние на его творчество оказали, по-видимому, Достоевский и Кафка. Еще в студенческие времена, двадцатилетним студентом Академии изящных искусств в Кракове, будущий мультипликатор нарисовал черно-белый комикс на основе «Преступления и наказания».

Наряду с литературой, кино и живописью не менее важен для режиссера, по его собственному признанию, сугубо личный мир воображения и снов. Ему нередко случается записывать свои сны или делать по ним наброски. Открывающиеся воображению картины, считает художник, — это уже готовые сценарии, произведения.

Думала использует в своих фильмах оригинальную авторскую технику «оживления» образов, позволяющую воспроизвести стилистику сновидения. Она требует огромных затрат отшельнического, уединенного труда. Занимает целые дни, месяцы и даже годы. Режиссер творит в уединении, в отрыве от реальности. Как все начиналось? Ставя «Летающие волосы», Думала начал искать технику, которая могла бы особенно внушительно показать ночь и отразить мрачный колорит фильма. Где-то случайно он наткнулся на замалеванный гипсовым раствором кусок фанеры, остаток материала от занятий 3-го класса художественной школы. Покрасив фанеру жженой умброй, он увидел, как под краской просвечивают бледные пятна. Эти узоры сразу его заинтриговали. Они создавали эффект проглядывания другой реальности. И подхлестнули его фантазию. На плоскости мало-помалу начал появляться ландшафт, и мультипликатор, прорисовывая его очертания и делая их более реалистичными, стал сильнее скоблить поверхность, пока его глазам не открылась белизна гипса. Она показалась ему небывало прекрасной, целомудренной, сияющей.

Техника Петра Думалы требует от своего создателя времени, сил и одиночества. Многие сравнивают его с монахом, кропотливо переписывающим старые священные книги. Для появления нескольких кадров фильма, длящихся несколько секунд, художнику требуется много часов непрерывного «выцарапывания». В день рождается одна секунда фильма. Полчасовое «Преступление и наказание» создавалось почти четыре года. 16-минутный «Франц Кафка» потребовал двух лет интенсивной работы, а 12-минутная «Кроткая» — девяти месяцев. Главные инструменты художника — гипсовая плита, покрытая темной краской, и скальпель. Одна картинка фильма длится 1/24 секунды. Для секунды фильма потребуется около двенадцати картинок. Эти сухие факты звучат неправдоподобно. Так же, как неправдоподобно таинственны анимации Думалы.

Такая филигранная техника позволяет придать рисунку мягкость, а каждое движение действующего лица оставляет как бы отпечаток на гипсовой поверхности, благодаря чему даже шевеление пальцем или бег часовой стрелки становятся необычайно плавными.

Петр Думала, кадр из фильма
«Преступление и наказание»

В фильмах «Франц Кафка» и «Преступление и наказание» автор к тому же использует многоплановость. На металлических консолях он плоско укрепил два больших стекла от старого аквариума. Каждое из

Петр Думала, кадр из фильма
«Преступление и наказание»

них создает отдельный план, сквозь который просвечивают планы, помещенные ниже. Боковое освещение исходит главным образом от одной лампы, реже — от двух. Иногда режиссер усиливает освещение деталей при помощи маленьких зеркалец. Благодаря этому образ приобретает глубину, а персонажи уподобляются настоящим актерам, движущимся в трехмерном пространстве.

Все время создания трех своих важнейших фильмов («Кроткая», «Франц Кафка», «Преступление и наказание») Думала провел в подвале. Под землей он чувствовал себя как в убежище. Вдали от суеты и людей отдавался магии создания движения.

Характерная примета всех без исключения фильмов Петра Думалы — сгущение сверхъестественных, иррациональных происшествий, атмосферных феноменов, непредвиденных действий главных героев. Фабулу и действующих лиц окутывает аура необычайности и тайны. Со-

бытия не вытекают одно из другого, нарушены логика и плавное течение повествования. Зритель чувствует себя погруженным в сон, полный символов и недомолвок.

«Летающие волосы» — это рассказ о влюбленных. Начинается фильм безмятежно. Двое молодых людей, он и она, прогуливаются под звездным вечерним небом. Однако спокойный пролог сменяется чередой тревожных событий. Влюбленные принимают бежать, а им вдогонку срывается буря; деревья, не выдержав сильного ветра, ломаются. С неба хлещет дождь — конечно, не обыкновенный атмосферный осадок, а дождь серебряных игл, которые превращаются в волосы. Абсурдная цепь событий напоминает невразумительный сон. Нарастают тревога и страх. Герои, с одной стороны, беззащитны, с другой — их чувство как будто и стало причиной повлекших друг друга загадочных атмосферных аномалий.

Подобным образом и герой «Стен» подвергается ряду необъяснимых испытаний. Он оказывается заперт в помещении без выхода, в четырех стенах неизвестной комнаты. Внимательно осматривает закрытое помещение, прислушивается к отголоскам, долетающим снаружи, ловит ухом каждый шелест. Его поведение напоминает поведение человека, находящегося в тюрьме собственной психики, человека эмоционально неустойчивого. Он ищет возможности бегства, но не находит ни одной двери. Неожиданно из мрачных коридоров появляется другая фигура — мужчина, который бросает монету в отверстие копилки. Узник, как оказалось, находился внутри копилки. Он сосредоточенно наблюдает падающую в замедленном темпе монету. Внезапно наступает темнота.

В фильме «Свобода ноги» зрителя вновь ожидают сумерки и лунная ночь. Некий человек во время сна вдруг распадается на части. Каждая часть его тела начинает жить своей жизнью. Так происходит по ночам, а утром, со звоном будильника, все члены тела возвращаются по местам. До тех пор, пока однажды мужчина не обнаруживает отсутствия одной ноги, не вернувшейся к хозяину и выбравшей свободу. События набирают темп. Нога удирает по улицам города, ее преследует толпа безногих инвалидов. К разъяренной погоне присоединяется хозяин ноги. Тут вдруг у ноги вырастают крылья, и, будто птица, она победно взлетает в небо. Инвалидам только и остается, что провожать вождевленную беглянку взглядом. Можно сказать, что в этой галлюцинаторной притче торжествует гротеск и сюрреалистический взгляд на мир.

Последние три фильма Петра Думалы — «Кроткая», «Франц Кафка», «Преступление и наказание» — насквозь пропитаны онирической символикой и удивительными метаморфозами людей и предметов.

«Кроткая», основанная на одноименном рассказе Достоевского, представляет историю одного брака. Союз двух абсолютно несхожих между собой людей кончается самоубийством молодой жены. Режиссер, придерживаясь основного мотива — страдания тяготящейся своим супружеством молодой

женщины, показывает ее внутренние переживания при помощи сюрреалистических картин, полных призрачных видений. К примеру, символом нарастающего семейного кризиса становится увеличивающийся в размерах черный паук.

Не менее богат странными происшествиями, превращениями действующих лиц и предметов «Франц Кафка». Это фантастическая биография писателя, навеянная дневниками и фотографиями Кафки. Впрочем, у этого фильма мало общего с документом. Думала представляет жизнь художника на грани двух миров, реального и вымышленного. Аниматор как бы вызывает дух Кафки. «Франц Кафка» — это своего рода онирическое повествование о человеке, мучительно ощущающем собственное бытие.

Доминируют сцены фантастических метаморфоз главного героя, его превращений в различных животных. Мы видим обнаженного молодого человека, лежащего на постели. В мгновение ока он обращается в лежащее на спине и перебирающее лапками гигантское насекомое, напоминающее кузнечика. В другой раз зритель видит писателя в процессе творчества. Он сидит за столом, а лист бумаги и ладонь, держащую перо, освещает огонек свечи. Вдруг вместо Кафки мы видим крота, сидящего в тесной норе. Зверь тоже что-то пишет, и его освещает все та же свеча. Самая загадочная во всем фильме сцена — превращение Франца в собаку.

Последний, самый длинный фильм Петра Думалы, «Преступление и наказание» по Достоевскому, рассказывает об убийстве. Нет, однако, никакой тайны, затемняющей преступление. Нам известны и жертва, и преступник. Зрители становятся свидетелями приготовлений и осуществления убийства, жертвой которого становится не только старуха-процентщица, но и ее сестра Лизавета. Тайна и напряжение кроются в психике героя, в самом мотиве преступления. Убийство — поступок иррациональный, какого мы не желали бы увидеть и во сне.

Думала рассказывает историю, полную ужаса. Серия странных событий предвещает убийство. По дверной ручке стекают капли крови, сливаясь прямым в тарелку. Все напитки, которые пьет Раскольников, в прозрачных стаканах окрашиваются в цвет крови. Падающее с подоконника красное яблоко оставляет кровавый след, а в зрачке будущего убийцы появляется циферблат часов. Накануне убийства Раскольников засыпает в своей комнате — во время сна его окутывает болотный туман.

Сцена убийства исключительно жестока и кровава, но вместе с тем таит в себе недосказанность. В момент занесенного над жертвой топора глаза Раскольникова становятся глазами хищной, жаждущей крови птицы. словно подглядывая, зритель видит преступление сквозь оконное стекло. Автор показывает убийство Алены Ивановны, как Достоевский.

Мистическую интонацию фильма усиливает фигура седобородого старика в шляпе, кого-то вроде раскольниковской тени. Он подглядывает за Соней, ему открываются недра психики молодого убийцы. В одной из сцен он взглядом вызывает на стене образ женщины. А в конце концов совершает самоубийство. Знаменательна сцена на мосту, в которой тень Раскольникова исчезает. Мужчина попросту растворяется во мгле.

Думала трактует свое произведение как притчу, историю, кем-то однажды рассказанную, а позже ему приснившуюся. В «Преступлении и наказании» он изменил порядок событий по сравнению с литературным оригиналом. У Достоевского убийство процентщицы совершается в первой части романа, все остальные события становятся его следствиями. Режиссер же переносит кульминационный пункт фабулы в финал.

Петр Думала — творец исключительный, создавший неповторимую авторскую поэтику и стиль. Сам он не раз признавался в том, что в процессе творения, оживления своих фантазий чувствует себя чародеем. С одной стороны, во всей полноте ощущающим красоту мира, с другой — свидетельствующим об окружающем нас зле. Благодаря виртуозной и трудоемкой технике рождается движение, лица Раскольникова, старухи-процентщицы и Кроткой оживают словно в актерском кино.

Фильмы Думалы — это территория мифов и универсальных смыслов, сродни появляющимся в снах. Самое главное для него, по его словам, — воображение и отрыв от реальности. Его стихия — мрак, ночь, тени. Мир этого художника — это мир ребенка, изумленного многообразием и необычностью сущего.

Элиза Вольская

САД СО МНОЖЕСТВОМ ЦВЕТОВ

Вероятно, наши читатели помнят репортаж Сильвии Фролов о краковской начальной школе №14, озаглавленный «Нельзя ребенку впихивать что попало» («Новая Польша», 2005, №3). Благодаря разнообразным мероприятиям, дополнительным занятиям и кружкам, организованным учениками и учителями этой школы, учеба становится для детей удовольствием, а для учителей и родителей — серьезным вызовом.

В конце ноября этого года в школе прошла Неделя культуры России и ее народов, названная «Сад со множеством цветов». На протяжении пяти дней школьники (и не только они) приняли участие в нескольких десятках разнообразных мероприятий.

На церемонии открытия выступил генеральный консул Российской Федерации в Кракове Леонид Сергеевич Радвинов. Его слушали около пятисот детей. Большинство из них активно участвовало в подготовленной программе. Дети танцевали, пели, рисовали, читали стихи... Например, в танцевальном номере «От казачка до хип-хопа» они продемонстрировали сложные хореографические композиции и акробатические фигуры. Внимания заслуживали и подготовленные при участии учеников постановки «Сказки о царе Салтане» и «Сказки о рыбаке и рыбке», а также спектакль «В царстве Жар-птицы» — русские детские стихотворения в исполнении детей из кружка художественного чтения. А единственная в школе девочка с родным русским языком прочитала в оригинале отрывок из «Руслана и Людмилы».

С учениками встретились специально приглашенные гости: Аркадий Фидлер (сын знаменитого писателя и путешественника, покровителя школы), о. Ярослав Антосюк (настоятель краковского православного прихода, взявшего шефство над мероприятием), Ежи Помяновский. О культуре народов России рассказывали член Лондонского горного клуба альпинист Збигнев Люсьтык, Михал Курилович из общества «Восточная перспектива» (он говорил о жизни и культуре кавказских народов) и первая польская преподавательница Красноярского государственного университета Изабела Якубек. Дети могли также познакомиться с лучшими русскими песнями и сказками, с живописью, узнать, как живут их российские сверстники.

Помимо этого в школе прошли сопутствующие тематические выставки — в частности, вернисаж художественных работ, выставка фотографий, выставка коллекций марок, игральные карты с традиционными русскими мотивами, матрешек, а также альбомов и книг, посвященных иконописи. Много дней дети рисовали плакаты, на которых были представлены герои русских сказок и исторические персонажи — например, восьмилетний мальчик соединил в своей работе Медного всадника с краковским Лайкоником (традиционный персонаж, бородач в восточном костюме, к поясу которого с помощью специального каркаса крепится матерчатый «конь». — *Пер.*)!

Школьникам представилась также возможность послушать русскую классическую музыку, потанцевать под фолк на этнических «анджейках» (празднование дня св. Андрея Первозванного с танцами, гаданиями и т.п. — *Пер.*) и попробовать блюда русской кухни. Интерес вызвала и лавочка с книгами, сувенирами, компакт-дисками и журналами, связанными с Россией.

Мероприятие прошло при поддержке генерального консульства Российской Федерации в Кракове. Информационную поддержку оказала «Новая Польша».

В подготовке лекций и встреч приняли участие студенты из Студенческого научного кружка Института восточнославянской филологии Ягеллонского университета и Географического кружка университета, сотрудники Этнографического музея и члены общества «Восточная перспектива».

В заключение позволю себе еще раз привести слова организатора и координатора Недели культуры России Яцека Задоры: «Ребенку нельзя впихивать что попало». Думаю, что в этой краковской школе никто не посмел бы это сделать.

Янина Куманецкая

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

• В XV Международном конкурсе им. Шопена приняли участие 80 пианистов из 19 стран. Они были отобраны среди 257 кандидатов из 35 стран, стартовавших в отборочном туре и оцененных одной из двух комиссий. Во второй тур прошли 32 пианиста, а в финал попали 12 исполнителей. Бесспорным победителем стал польский пианист Рафал Блехач, скромный 20-летний юноша из городка Накло-на-Нотеци, который уже в первом туре восхитил публику и членов жюри своим исполнением. Вся Польша радуется, но... «Иногда в членах жюри больше от инквизиторов, чем от ловцов жемчужин таланта», — написала рецензентка «Тыгодника повсехного». «По решениям, которые они принимают, — пишет о членах жюри Яцек Марчинский, — видно, что предпочтение отдается безопасным истолкованиям (...) безупречности, так как она вызывает меньше всего споров. Поэтому в следующий тур конкурса проходят прежде всего именно такие пианисты». А Яцек Гаврилюк задается вопросом: «Так кого же ищет жюри? Пианистов с ярко выраженной индивидуальностью или выдающихся шопенистов? Соединить одно с другим довольно трудно». Королем «салона отверженных», главным недооцененным пианистом конкурса все в один голос признают австрийца Ингольфа Вундера. А вот победа Блехача приобрела в его родном Накле, где безработица выше средне-статистической, еще один неожиданный аспект. Ибо, как сказал вице-бургомистр городка, готовясь к торжественной встрече нового героя, «на самом деле эта победа важнее всего для самого Накла, для всех этих безработных. Пусть убедятся, что если чего-то хочешь, то можно сделать всё (...) найти в себе столько сил, чтобы больше не хлестать в парках эту дрянь, найти работу, начать жить, как люди». Рафал Блехач удостоился также специальных премий за лучшее исполнение полонеза, мазурки и концерта. Подробнее о конкурсе см. статью на стр. 64.

• «Музыкальные сопоставления: в салоне и в саду» — так называется шестое по счету музыкальное мероприятие, организованное при музее им. Анны и Ярослава Ивашкевичей в бывшем доме поэта в местности Стависко под Варшавой. «Выбор темы был продиктован желанием особо подчеркнуть значение таких мест, как Стависко, — салонов, окруженных естественным садово-парково-лесным пространством. Они играют роль очагов истинной живой культуры, в которых интенсивно развивается культурная жизнь, а также ее широкое общественное и светское (в лучшем смысле этого слова) восприятие», — написала в программе инициатор мероприятия Алиция Матрацкая. Во время продолжавшейся больше месяца серии концертов можно было услышать произведения Моцарта, Шопена, Монюшко, Падеревского и Чайковского, а также народную музыку разных стран. Стависко приглашает в гостеприимную усадьбу Ивашкевичей на музыкальные, литературные и художественные мероприятия на протяжении всего года.

• В прошлом году в Польшу после долгих скитаний, начавшихся еще в войну, вернулись реликвии, связанные с Юзефом Пилсудским. Недавно они были выставлены в отреставрированном Милюсине — усадьбе в Сулеювке, где жил маршал. Все экспонаты принадлежат семье Пилсудского.

• Исключительно долгая и утомительная предвыборная кампания вызвала реакцию людей искусства. Об этом явлении пишет Дорота Ярецкая: «Искусство уже включилось в публичную дискуссию, что свидетельствует о взрослении польской демократии (...) С частью политического искусства у меня возникают трудности, так как в основном оно обращается не к реальности, а к тому, что представляют СМИ. Это искусство людей, сидящих перед телевизором, искусство наблюдателей, а не избирателей, которое, само того не сознавая, говорит о пассив-

ности (...) Художники вовлечены [в политику], но вовлечены специфическим образом, польски. В их анархической позиции угадывается старый исторический мотив, а именно неприязненное отношение к четкому и наивному участию в политической борьбе на одной из сторон. Такое отношение унаследовано от поколений, «ужаленных» соцреализмом. Сегодня они выражают глубокое разочарование в любой пропаганде, в любых попытках привлечь на свою сторону, в любой просьбе открыть кредит доверия (...) Социологам, изучающим причины низкой явки, не помешало бы задуматься о сигналах, подаваемых искусством).

• В двух польских галереях искусств открылись обширные выставки польских художников мюнхенской школы. Именно в Мюнхене, который в XIX веке называли «баварскими Афинами», учились польские живописцы, чьи картины продаются сегодня на аукционах по самым высоким ценам. В Гданьске, в галерее Зенона Брама выставлено около 200 картин 90 художников, в т.ч. Ольги Бознанской, Юзефа Брандта, Александра и Максимилиана Герымских, Артура Гроттгера, Войцеха и Юлиуша Коссаков. «Студентов из Польши объединяли романтично-ностальгические мотивы, которые они с удовольствием представляли на своих картинах. Это были пейзажи, полные тоски по Польше, сцены из сельской жизни, картины на исторические темы», — пишет Александра Козловская. Работы все тех же Ольги Бознанской и Юзефа Брандта, а также Францишека Жмурки, Яцека Мальчевского и Генрика Семирадского украшают экспозицию в Силезском музее в Катовице. 48 полотен прибыли на выставку из Львовской картинной галереи.

• Об открывшейся в Киеве выставке «Украинский портрет XVI-XVII вв.» Петр Косевский пишет: «Это первая на Украине выставка, представляющая все наследие, собранное на ее территории (...) В связи с этим следовало бы задаться вопросом о понимании украинской культуры: что в нее включают, а что отодвигают на второй план? А также об отношении к Речи Посполитой, с историей которой связано большинство выставленных экспонатов: является ли она общим наследием белорусов, литовцев, поля-

ков и украинцев или же отдельные народы будут отбирать из нее то, что сочтут «чисто национальным»? (...) Все еще жива традиция включать в украинскую культуру, понимаемую в «этнических» категориях, все достижения времен Речи Посполитой или (...) отодвигать значительную их часть на второй план под предлогом того, что польская культура была навязана извне (...) Но есть и третий путь, пропагандируемый, в частности, группой историков, связанных с проф. Ежи Клочовским. По их мнению, следует говорить о Речи Посполитой четырех народов. Что касается возникшей там культуры, то, вероятно, лучше всего (...) к ней подошло бы определение «клуб совладельцев». Подобный образ мышления не чужд и открывшейся выставке, на которой появляется даже термин «польско-литовско-белорусский портрет». Причем хочешь не хочешь, в этот «клуб» надо включить еще одного члена — Россию».

• Проф. Ежи Клочовский получил присуждаемую польским ПЕН-клубом премию им. Яна Парандовского. Премия присуждается с 1988 г. лучшим польским писателям за творчество в духе произведений Яна Парандовского. До сих пор ее удостоились, в частности, Ежи Турович, Лешек Колаковский, Ян Юзеф Щепанский, Тадеуш Конвицкий, Рышард Капустинский. В похвальном слове лауреату проф. Генрик Самсонович сказал, что человек — это особый вид, который чувствует себя хорошо во многих общинах, начиная с общности веры, богословия и общечеловеческой солидарности и кончая самыми узкими, семейными узами. Он подчеркнул, что непреходящая заслуга проф. Клочовского состоит в том, что он показал, какую роль в этой пирамиде общин играет та часть Европы, в которой живем мы, поляки.

• В этом году Краковская книжная ярмарка прошла уже в девятый раз. «Постепенно она начинает играть роль варшавской Всепольской книжной ярмарки, — пишет Лукаш Голембёвский. — Именно в Кракове проходят презентации осенних новинок, выставляются книги, изданные к Рождеству. Решающую роль в победе Кракова над Варшавой сыграла атмосфера представления книг, а также более низкие цены — как выставочных помещений, так

и гостиниц, ресторанов, конференцзалов. В последнее время Краков опережает столицу и по числу туристов». В ходе ярмарки были вручены премии Польской книжной палаты, присужденные в двух категориях. Премии за самую интересную презентацию книги в печати удостоился рецензент газеты «Жечпосполита» Кшиштоф Маслонь, а в электронных СМИ — Казимера Щука за программу «Издание второе, исправленное» на телеканале ТВН. Премия им. Беаты Павляк, журналистки, погибшей три года назад в результате теракта на острове Бали, присуждается за публикации на тему других культур, религий и цивилизаций. В этом году ее лауреаткой стала Иоанна Батор за сборник репортажей «Японский веер». Автор — научный работник, антрополог культуры. «Репортажи Батор, — пишет о ее книге Матеуш Фляк, — не претендуют на объективность и научный синтез. Их автор не хочет изображать из себя знатока. И все же превосходные, сделанные с помощью женских (читай: более восприимчивых) чувств наблюдения, собранные в богатый компендиум, приобретают ранг современных антропологических открытий».

• Среди бестселлеров последнего месяца на первое место выдвинулась книга Анджея Стасюка «По дороге в Бабадаг», завоевавшая в этом году премию «Нике». Следующий в списке — последний детектив Марека Краевского «Призраки в городе Бреслау», вводящий читателя в странный и захватывающий, хотя и очень эксцентричный мир межвоенного [немецкого] Вроцлава. В категории документальной литературы вслед за Иоанном Павлом II, который продолжает оставаться самым популярным польским автором, идут «Путешествия с Геродотом» Рышарда Капустинского. На десятом месте в этой категории стоит отметить любопытную биографию Яна Новака-Езёранского, написанную Ярославом Курским.

• Эта книга еще не вошла в списки бестселлеров, но все говорит в пользу того, что вскоре она в них попадет. Если уж писать о новинках польской литературы, то обойти молчанием «Условие» Эустахия Рыльского просто нельзя. «У меня нет ни малейших сомнений: «Условие» — это красивейшее польское прозаическое произведение, написанное после 1989 года, — кон-

статирует Кшиштоф Маслонь. — Этот роман — просто шедевр (...) Рыльский написал роман (...) в котором столько тоски по прекрасному, романтическому, сентиментальному». «После полутора десятков лет молчания на литературную сцену вернулся Эустахий Рыльский, — пишет Дариуш Новацкий. — Читатель получил исторический роман, действие которого происходит в наполеоновскую эпоху. На самом же деле это произведение, прекрасно стилизующее классический исторический роман (...) «Условие» — книга замечательная. Некоторые сочтут ее классическим чтивом, другие будут восхищаться игрой в условности исторического романа. Одно можно сказать наверняка: Эустахий Рыльский создает яркие, выразительные сюжеты (...) подбирает героев романа и сталкивает их друг с другом так эффектно, что просто жаль с ними расставаться...»

• В этом году на XXI Международном варшавском кинофестивале было представлено 130 картин из 58 стран. Это была изумительная подборка превосходных и интригующих фильмов, многие из которых не попадут в широкий прокат. Впрочем, на польские экраны наверняка выйдет лауреат зрительской премии, фильм датчанина Андерса Томаса Йенсена «Адамово яблоко» — рассказ об антифашисте, который в рамках ресоциализации попадает в одинокую деревенскую церковку. Премию конкурса «Новые фильмы, новые режиссеры» жюри присудило Огнену Свличичу из Хорватии за фильм «Прости за кунг-фу». «Атмосфера варшавского фестиваля напоминает былые «Конфронтации», — пишет Тадеуш Соболевский. — Сюда тоже невозможно пробиться, а залы заполнены студентами, пришедшими прямо с лекций. Тогда мы валом валили на западные фильмы, относительно которых были сомнения, выйдут ли они когда-нибудь на экраны. Теперь ситуация изменилась: у нас есть уверенность, что большинство демонстрирующихся на фестивале фильмов не будет идти ни в кино, ни по телевизору (...) Это порождает ответную реакцию, фестивали пытаются выровнять шансы фильмов из разных стран. Все больше зрителей начинают испытывать интерес к региональному кино (...) Кто бы мог подумать во времена прежних «Конфронтаций» (...) что в

2005 г. мы будем рваться на российский фильм, боясь, что это единственная возможность посмотреть его. «Водитель Веры» Чухрая — фильм, превосходно стилизованный под старый Голливуд и советское кино 60-х, — был одним из самых популярных на этом фестивале (...) Честно говоря, я уже давно начинаю зевать при виде шоссе, идущего через американскую прерию. Сибирь и Киргизия мне интереснее, чем Техас и Аризона». В этом году фестиваль прошел под лозунгом: «Фильмы о людях, фильмы для людей». Среди его гостей были Вим Вендерс и Алан Паркер.

- Агнешка Осович назначена директором созданного министром культуры Института киноискусства. «Я считаю, что прежде всего институт должен попытаться заинтересовать зрителя польскими фильмами», — говорит Осович. А кинематографисты уже радуются: теперь у них будет за что снимать фильмы. Впрочем, главное, чтобы не менее довольны были зрители.

- Одним из первых проектов, реализацию которого хочет поддержать Институт киноискусства, может стать фильм о Варшавском восстании. Пока что объявлен конкурс на сценарий такой картины.

- Лодзь привлекает инвесторов и художников тем, что это крупнейший сохранившийся в первозданном виде промышленный город XIX века — с дворцами фабрикантов, фабричными комплексами, рабочими домами и дворами. Теперь на этом заброшенном пространстве будет создано нечто совершенно новое — квартал искусства «Lodz Art Center», в котором будет сосредоточена деятельность самых

разных видов искусства. В бывших постройках лодзинского хлопкового короля Карла Шейблера будет отведено место и для многих лодзинских культурных мероприятий — прежде всего для Фестиваля диалога четырех культур. Найдется там и место для разнообразных экспозиций. В другом бывшем фабричном комплексе оборудует свою киностудию Дэвид Линч. «Теперь модно использовать старые фабрики в новом качестве, — говорит главный воеводский инспектор по охране памятников. — Кирпичные фасады старых лодзинских фабрик постепенно оживают».

- В этом году исполнилось сто лет со дня создания первого польского кабаре — краковского «Зеленого шарика», который устраивал свои представления в прославленном кафе «Яма Михалика» на Флорианской улице. «Интересует ли сегодня хоть кого-нибудь этот короткий эпизод в истории польской культуры? — вопрошает Иоанна Ольчак-Роникер. — А ведь в нашей несчастной стране, где художников веками мучают, заставляя раздирать национальные раны, эта непринужденная, беззаботная забава «для себя и муз» была проявлением великой внутренней свободы. Она позволяла ее участникам свободно дышать — вопреки неволе, вопреки безнадежности». Далее, обращаясь к истории другого краковского кабаре, «Погребка под баранами», автор пишет: «Важно, что в неблагоприятные времена группа талантливых молодых людей вновь нашла место, где они почувствовали себя как дома и бескорыстно пожертвовали друзьям свою радость, свое время и свои таланты».

Лешек Шаруга

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Давно уже я ищу в нашей культурной периодике — а искать есть где, одних заглавий, заслуживающих внимания, свыше полуста, — какой-то серьезной дискуссии по художественным вопросам. Разумеется, один за другим выходят номера журналов, свидетельствующих о возрождении мысли в категориях авангарда. Взять хотя бы издаваемые варшавскими университетскими кругами журналы «ЛитеРации» или «Текстуалии» — последний с подзаголовком «Палимпсесты литературные, артистические, научные»... Но все это происходит как бы на полях «мейнстрима», если вообще можно говорить о каком-то главном течении. Впрочем, если над этим задуматься, то ведь в нормальные времена всегда так было: программно-авангардистские журналы в межвоенный период издавались, в конце концов, малыми тиражами и не имели широкого читателя, а их значение в преобразовании художественного дискурса замечали обычно долгие годы спустя, когда они сами уже уходили в историю. То же самое и сейчас.

Только что вышедший номер «Текстуалии» издан тиражом 500 экземпляров и представляет собой типично групповой журнал. Таким он, вероятно, и останется. Тем не менее имеет смысл привести отрывок из открывающего журнал «программного» текста, принадлежащего главному редактору Жанете Налевайко:

«Где же тогда находится свое место «Текстуалии»? В их издательскую концепцию вписаны «максималистские аппетиты», на что указывает уже сам подзаголовок: «ПЛАН: Палимпсесты литературные, артистические, научные». Цель редакторов журнала — представлять интересные, заслуживающие углубленного размышления новейшие литературные, художественные и литературоведческие явления. В последнем случае определение «новейшие» означает не только статьи, посвященные текстам, которые вышли недавно. Предметом рассмотрения могут стать и литературные произведения, считающиеся «каноническими», при условии, что проблематика их будет поставлена и рассмотрена по-новому, с творческим отношением к традиции истолкования. «Текстуалии» не собираются быть журналом, который состарится вместе с его начинателями, поэтому на наших страницах всегда найдется место для способной молодежи, хотя и не исключительно для нее одной. (...) Мы хотим (...) избежать ошибочного впечатления, будто новая литература возникает в социальном и художественном вакууме, будто молодежь — как литературоведы, так и писатели или поэты — лишена своих учителей, предшественников, вдохновителей. Нам важно, чтобы, вписывая свои вопросы на палимпсест культуры, мы не замазывали их присутствия и хотя бы в известной степени сохраняли их (пусть путем соотнесения, напоминания, опровержения), передавая дальше, реконтекстуализировали (вот уж терминология родом из преисподней! — Л.Ш.), показывали с возможно более различных точек зрения».

В редакцию входит вышеупомянутая «способная молодежь», которая, как мы видим, уже на старте относится с дистанцией к себе самой, что выглядит особенно ценным, так как ставит под сомнение феномен, который в последние полтора десятка лет как призрак бродит по публичной художественной жизни, — террор дебюта (боюсь, что единственный польский журнал — но не выходящий по-польски, — не поддающийся этому террору, это «Новая Польша»). Совершенно скандально, что СМИ, охотящиеся за «свежачком» и живущие «сотворением новостей», если вообще замечают доказательства творческой активности зрелых и признанных художников, то к традициям обращаются лишь в исключительных случаях, а отделы критики популярных журналов сведены к коротким рецензиям как можно более сенсационной тональности, где углубленным размышлениям о культуре места не находится. Где те времена, когда в «Политике» шли дискуссии о состоянии и обязанностях литературы, а авторы рецензий на новые книги умели показать их место в историческом контексте? Эти времена не вернуться, в чем убеждает меня сравнение отделов культуры таких журналов, как немецкие «Штерн» и «Шпигель», двадцатилетней давности с сегодняшними. Везде одна и та же направленность: коротко, сенсационно и как можно более просто, потому что, как говорят в редакциях, «наши читатели такого сложного и длинного текста не прочитают, а если уж прочитают, то не поймут, а это снижает продажу журнала». Вот как пишет рецензии и комментарии к культурной жизни «невидимая рука рынка». Так что если есть какая-то надежда на поддержание дискурса, то, к сожалению, только в малотиражных групповых журнальчиках. И хорошо, что на них находятся средства: большинство из них — к примеру, выходящий раз в два месяца щецинский журнал «Пограничье» — живут на дотации из казны органов местного самоуправления. Но не стоит забывать и о росте числа сетевых журналов,

таких, например, как «Нешуфляда» («Неящик») или «Кумпле» («Кореша»), которые уже сегодня создают свое необычайно динамичное и интерактивное пространство литературной жизни. Правда, я не верю, что, как считают некоторые, сетевые журналы воцарятся в нашей художественной жизни и вытеснят из поля внимания «бумажную» словесность, однако не подлежит сомнению, что это новое средство может наделить художественный дискурс динамикой или даже повлиять на него.

Пока что, однако, останемся при «бумажной» периодике. В последнем номере катовицкого ежеквартального журнала «Фа-арт» (2005, №1) обращает внимание статья Павла Стангрета «Манифесты Тадеуша Кантора». Которому автор, кстати, посвятил еще одну статью — «На стороне авангарда» («Диалог», 2005, №11). Имя Кантора чаще всего воспринимается как связанное с авангардистским театром, а также с живописью — с литературой реже. Но этот режиссер, один из самых известных во всем мире польских художников, чей спектакль «Мертвый класс» наверняка входит в канон европейского авангарда, был также автором манифестов, сопровождавших его спектакли. В статье говорится:

«Кантор писал манифесты, которые мы можем назвать позитивными. Это значит, что оглашение манифеста не заменяло артефакта, как это часто случалось в художественных течениях авангарда (например, у футуристов или дадаистов). Из этого, однако, не вытекает зависимость искусства от манифеста. Он приобретает полную автономию ввиду иного характера художественного материала, из которого выполнен. Это отнюдь не второстепенное произведение, ставящее целью объяснить или провозгласить новое искусство. Манифесты Кантора составляют интегральную часть произведения искусства. Много раз во время выставок, хепенингов или других художественных акций органической частью действия было чтение манифеста публике. Бывало, манифест висел на стене среди картин. Такое отношение к текстам этого типа доказывает соположность манифеста и произведения. В то же время такой ход придает автономии тексту манифеста как составной части всего художественного предприятия. Это значит, что произведения Кантора состоят из нескольких элементов, а манифест — часть спектакля, картины, выставки или хепенинга».

Павел Стангрет проводит интересный анализ некоторых программных высказываний Кантора. Вот один пример такого анализа:

«Посмотрим на текст «Литания искусства информель — 1955». Это один из самых любопытных манифестов Кантора. Уже в заглавии содержится намек на его жанровую форму. Весь текст исполняет содержащееся здесь обещание: он стилизован под литанию*. Этот прием не ограничивается обычным перечислением. Кантор называет (располагая иерархически) одно за другим свойства художественного материала. В данном случае это материя, ключевой вопрос искусства информель (в понимании Кантора). Этот текст «манифестирует», провозглашает искусство, материалом которого является материя. Перечисление ее свойств и их описание в соответствующей очередности приводит к тому, что героем текста становится вещество, художественный материал. То, что о материи говорится в форме литании, направляет наше внимание на ее значение, ее вес в художественном творчестве. Литанию предвзает вступление: «Открытие неизвестной стороны реальности: // ее элементарного состояния // МАТЕРИИ. // Начинается великая Конквиста этого / таинственного Континента. // Лихорадочное исследование неизвестных территорий. // Новая Эпоха. // Человеческая восприимчивость усваивает все ее // свойства (...).» Только после этого перечисления наступает «их указатель — литания». Дальнейшие части текста рассматривают свойства материи. Они невероятно существенны для понимания функции вещества в произведении искусства. Вступление играет еще одну роль. Ознаменовать, манифестировать открытие материи — это приводит к возникновению нового искусства. Однако механизм ее действия неизвестен. «Великая Конквиста» входит и в участь автора. Это terra incognita, пространство, на котором еще не отпечатался след человеческой деятельности. Одновременно творить искусство, ориентированное по оси материи, — это необходимость, ибо материя уже «открыта». Поэтому необходимо разяснять и толковать свойства материи, материала будущего произведения. Сознание того, кто оглашает этот текст, раздвоено. С одной стороны, он (как и читатели или слушатели) помещается на уровне «конквистадора», человека, вторгающегося в неведомые земли, которые еще только предстоит завоевать, познать. Но — и это второй уровень его сознания — он отлично знает свойства материи, относящиеся к ней эпитеты. (...) Дихотомическое (с одной стороны — неведение, с другой — знание) сознание того, кто оглашает манифест, выражает его экспериментальный подход к вопросу. И в то же время подчеркивает авангардный, переломный характер его собственного творчества».

Кантор, часто называвший себя «наследником дадаистов», и ныне влияет на современное польское искусство; его творчество, вписанное в развитие авангардистских традиций, создает сегодня хорошую точку опоры тем, кто жаждет продолжать эти традиции. Поиски таких «покровителей», художников с большим авторитетом, которые,

* Литания — праздничная просительная молитва у католиков; в переносном смысле — долгий перечень. — Пер.

как в театре Кантор или Гротовский, способны влиять на экспериментальное мышление, — эти поиски представляют собой один из самых интересных феноменов самого молодого искусства. В литературе этого течения — не господствующего, однако внутренне весьма динамичного, как это видно по дискуссиям, разворачивающимся в кругу «варшавских неолингвистов» вокруг университетского журнала «ЛитеРации», — звучат такие имена, как Бялошевский, Карпович, Вирпша, Чич, Бучковский, то есть имена поэтов, до сих пор занимавших довольно «отдельные» позиции, функционировавших вне главного течения. На это обращает внимание один из самых видных критиков молодого поколения Яцек Гуторов. В статье «Великий Вирпша» («Тыгодник повсехный», 2005, №44) он пишет:

«Кто-нибудь мог бы сказать, что поэтический авангард 60-70-х годов возвращается — притом возвращается на свое поле. После «Задревесных слоев» Карповича (...) теперь вышли два долго пролежавшие сборника Вирпши (и, насколько мне известно, готовится избранное того и другого поэта). Если это так, если мы действительно встретимся с новым интересом к поэтическому авангарду тех лет, то, может быть, пора уже посмотреть на Вирпшу как на особого поэта, не дающего втиснуть себя ни в какие литературно-критические формулировки или мозаики. Эти стихи многое теряют, если читать их сквозь фильтр заранее принятой эстетики или философии чтения. И наоборот — они многое обретают, если читать их в отрыве от культурного контекста или интеллектуальных течений, иногда, впрочем, очевидных или подсказанных самим поэтом. По сути дела речь здесь идет — и всегда шла — о красоте синтаксиса и почтении к тайне. А также о моменте неожиданного удивления. У меня даже складывается впечатление, что, слагая стихи, Вирпша сам себя неожиданно удивлял. Хотя в них много печали и дурного настроения, их пронизывает импульс радости, связанной с творением, вызыванием, призыванием к бытию, хотя бы половинчатому бытию на листе бумаги. Радость писать. И еще пульсация, пульс, дрожь. Дрожание чего-то бесконечно иного. А может, скорее дрожание, вызванное тем бесконечно иным. «Тоска, скажем» — как в одном месте прибавляет поэт».

Вероятно, так же можно (и следует) читать остальных припоминаемых сегодня писателей возрождающегося авангарда — как «особых», непохожих на других. Это, кстати, как будто и есть основная черта авангардистского искусства: оно «неподделываемо», насквозь индивидуально, устанавливает собственные правила игры — как в творчестве, так и в восприятии. Возвращение этих тенденций — отчасти напоминающее поиски, начавшиеся после анτισоциалистического перелома 1956 года, — это один (хотя и не единственный) из важных признаков перемен, происходящих в польской литературе после 1989-го. И есть смысл в контексте этих заметок привести слова Анджея Зеневиша из вступления к дискуссии, названной «Присутствие (отсутствие) автора в литературе, теории, критике» («ЛитеРации», №2):

«...если «Новая волна» [поэты поколения 1968 года] занималась «лингвизмом», стремясь разобраться с одним идеологическим делом (расправиться с шаблонами новоречи, с идеологическими красивыми фразами Герека), то младшее поколение поставило перед собой совершенно другую задачу. Они уже не критикуют ни партийную новоречь, ни рекламную новоречь, ни публицистическую новоречь; они хотят критиковать сам язык, уловить его в особенности (...). И эта жажда заново определяет вопрос об авторе. В этой концепции самосознание, индивидуальность представляет собой то, насколько мы сумеем вырваться из множества, а не то, что мы накопили и запомнили подлинно пережитого».

Вот так в настоящий момент, где-то на окраинах того, о чем говорится в прессе, выходящей большими тиражами, ведутся разговоры об искусстве слова. Зато в главном течении, на страницах «Газеты wyborчей» или «Жечпосполитой», уже некоторое время идет дискуссия о состоянии молодой прозы, о причинах, по которым герой новых романов так жутко инфантилен и совершенно беспомощен в этом мире. Дискуссия эта, однако, довольно вялая и, пожалуй (хотя бы пока), не заслуживает подробного пересказа.

НАУКА ДОЛЖНА БИТЬ ТРЕВОГУ

Беседа с проф. Рышардом Тадеусевичем

Профессор Рышард Тадеусевич, 1947 г.р., член Польской академии наук, Польской академии знаний, Российской Академии естественных наук и Европейской Академии наук, искусства и литературы (в Париже), в прошлом ректор краковской Горно-металлургической академии, доктор honoris causa пяти польских и зарубежных университетов.

— В юности вы мечтали об авиации, а закончили Горно-металлургическую академию, посвятили себя биокибернетике, автоматике и информатике. Это весьма решительный спуск с небес на землю. Что же послужило тому причиной?

— Причина была совершенно банальной. На медосмотре перед поступлением в «Школу орлят», как у нас называют Высшее летное училище в Демблине, оказалось, что у меня не все в порядке с сердцем. Вопрос был решен. Тогда я подумал, что нужно найти такой вуз, где учеба даст мне крылья, но в другой области. Точными науками я начал интересоваться довольно рано, как раз в связи с интересом к авиации, ибо считалось, что летчик должен хорошо знать математику и физику. Выбирая технический вуз, я искал такую специальность, чтобы не стать инженером в банальном смысле, например строителем или механиком. Лицей, где я учился, был сугубо гуманитарным, там давалось много часов на латынь; я и теперь античных авторов читаю в оригинале. Выбирая вуз, я помнил максиму Юлия Цезаря: лучше быть первым в деревне, чем вторым в Риме. Может быть, потому я и выбрал электронику — науку, стиму-

лирующую воображение, в то время очень молодую, дававшую шанс «стать первым». Создавались первые вычислительные машины, тогда еще не называвшиеся компьютерами.

Я с самого начала, как только оказался на электротехническом факультете нашей академии, понял, что это факультет элитарный. Он отличался тем, что, например, лекции по математике там читали выдающиеся специалисты из Польской академии наук и Ягеллонского университета. С первых же дней учебы я убедился, что закончить этот факультет — дело весьма нелегкое. После защиты диплома — с отличием, что в то время было довольно редко, — я получил несколько интересных предложений работы: и в промышленности, и в других вузах; но я решил остаться в alma mater, потому что здесь у меня была возможность работать с компьютерами. Искусственный интеллект покорила меня сразу.

— Свою научную работу вы начинали в 70-е годы. Ощущали ли вы как научный работник влияние политики на польскую науку?

— Мои коллеги часто говорят, что в ПНР их к чему-то принуждали, давили и т.п. Но я этого не ощущал, а причиной, по всей вероятности, была

личность моего наставника и руководителя, директора всех этих институтов, связанных с информатикой, которые поочередно создавались и переживали различные метаморфозы, — профессора Генрика Гурецкого. Профессор был в академии своего рода *enfant terrible*. Всем было известно, что он настроен крайне антикоммунистически, а значит, и любой сотрудник его кафедры — тоже. Я свободно читал лекции — они не имели ничего общего с политическими взглядами. Вел исследования по биокибернетике, строил компьютерные модели биологических систем, даже не приближаясь туда, где безумствовала идеология.

Конечно, некоторые ученые ради научной карьеры записывались в партию, занимали какие-то партийные должности, повышая возможность зарубежных поездок или интересных научных заказов. Да, такое происходило и с моими коллегами в информатике и биокибернетике, но это было делом их свободного выбора. Поскольку я всегда ценил собственную независимость, то такого рода соблазны — типа что-то подпишу, напишу, донесу и тогда смогу поехать, скажем, на год в США, — меня не интересовали. С зарубежными учеными я мог переписываться даже тогда, когда каждое письмо проходило цензуру. Я посылал им свои работы, они присылали мне свои книги, благодаря этому я располагал превосходной библиотекой, а так как книги эти были заполнены математическими формулами — цензоры их не изымали. Поэтому я не чувствовал себя угнетенным. Думаю, что мое положение было скорее типичным, ибо в области точных наук у «ловцов душ» пыла было поменьше. Натиск на гуманитариев или экономистов мог быть куда сильнее, ибо там промывка мозгов отражалась на практических результатах их работы.

— А что дал польской науке перелом 1989 года?

— Мне очень трудно говорить от имени всей польской науки. Пожалуй, я имею право высказываться лишь о той области, которую знаю лично. Так вот, смена строя действительно дала науке очень много. По моему личному мнению, самым позитивным моментом стало создание Комитета научных исследований (КНИ), к которому перешли наконец функции управления развитием научных исследований, прежде закрепленные за министерскими чиновниками из партийной номенклатуры. Это повысило уровень успешности в ре-

шениях, касающихся науки — ее организации и финансирования, так как из рук чиновников они перешли в руки ученых.

Так получилось, что в общепольском тайном голосовании меня выбрали в тот первый состав КНИ; тогда был создан подкомитет фундаментальных технических наук, состоявший из семи человек; я вошел в его состав и мог наблюдать этот процесс непосредственно. В то время многие формальности были отменены, считаться стали с научным авторитетом и оригинальностью научных идей, а не со связями и знакомствами. Стали важны порядочность и честность — но в то же время появились конкуренция и острое соперничество. Утверждаю, что всей науке это пошло на пользу.

Но, к сожалению, состав КНИ уже несколько раз сменился, и старое возвращается. Мы как бы очертили дугу, и теперь наука начинает у нас опять бюрократизироваться. Ученых, пользующихся самым высоким авторитетом, в КНИ, который теперь называется министерством науки и информатизации, заменили карьеристы. Решения принимает чиновник, который с одинаковой легкостью решает, где вести археологические раскопки, какие машины создавать и над какими лекарствами работать. А я не верю во всеведение чиновников.

— Считаете ли вы, что несмотря на это польская наука наверстывает упущенное за пятьдесят лет изоляции?

— Совершенно верно. В тот момент, когда наступили перемены, мы прежде всего открылись к сотрудничеству, но вместе с тем и к международной конкуренции. Это было не только приятно, но и болезненно. Прежде говорили так: это лучший в Польше специалист в такой-то дисциплине, но он мало что может, ибо границы герметично закрыты. И он чувствовал себя прекрасно: пользовался авторитетом, ему было обеспечено место на пьедестале, при этом у него было оправдание, что он мало что может, ибо факторы развития его дисциплины находятся за рубежом. А когда сняли этот кордон, мы начали рассуждать иначе. Прежде в науке все было, как в спорте: ценилось звание чемпиона мира, но тот, кто был чемпионом Польши, тоже пользовался славой и почетом. Соприкосновение с мировой наукой привело к такому положению, что или ты чемпион мира, или никто. Эта объективная оценка означает, что у того, кто очень хорошо работает, расширяются возможности: его приглашают на международные конференции, его

книги и статьи начинают функционировать в международном обороте, он получает признание и пользуется авторитетом на родине, в то время как прежде ему пришлось бы бежать за границу. То есть по этим объективным меркам польская наука открылась к миру, и это было замечательно. Но одновременно это привело к падению нескольких колоссов на глиняных ногах. Я знаю не меньше дюжины ученых, каждый из которых был когда-то «лучшим специалистом в Польше в такой-то области», однако в момент конфронтации с мировой наукой оказалось, что его знания пора сдавать в музей.

Но прежде всего 1989 год привел к тому, что мы перестали быть провинциальными — и этого у нас уже никто не отнимет.

— *Вы сотрудничаете со многими вузами во всем мире — и на Западе, и на Востоке.*

— В том числе и на таком Дальнем Востоке, что он уже становится Западом. Недавно я вернулся из Токио и должен сказать, что это разделение на Восток и Запад вовсе не всегда совпадает с географическим делением. Дай нам, Господи, иметь в Польше такой «Восток», как Япония!..

— *Существует ли нечто такое, как, скажем, взаимопонимание науки поверх политических и культурных размежеваний?*

— Безусловно. В науке решительно преодолен вопрос языковых барьеров, их практически нет, ибо современной латынью стал английский язык, на котором публикуются все значительные работы. Тот, кто желает публиковаться исключительно на родном языке, автоматически приговаривает себя к небытию в международном сообществе ученых.

Наука создает также мосты поверх культурных границ. Я был в Малайзии, где один из институтов присвоил мне звание доктора *honoris causa*. Там у меня были контакты с выдающимися учеными, которые очень заметно демонстрировали свою приверженность исламу. Я познакомился с несколькими женщинами — как ученые это были мыслители высшего класса, — которые, правда, не закрывали лицо, но носили характерную одежду и платки, полностью закрывавшие волосы. И никому это не мешало. В науке оценивается качество мышления, а не раса, одежда, культура, вероисповедание или пол.

Любые изменения, которые служат преодолению барьеров между людьми, например развитие Интернета, невероятно активизируют разви-

тие науки. Любое болото, в котором сидят себе, как жабы, ученые, оставившись в собственный пупок, — для науки потерянная территория несмотря на то, что часто это могут быть первоклассные умы. Ведь если они не сопоставляют себя с тем, что происходит на свете, их ум слабеет, они начинают решать проблемы, которые на самом деле второстепенны. Любой, кто, занимаясь наукой, не ищет международных контактов, — просто диверсант, ибо он лишает себя, своих студентов и сотрудников одного из самых важных научных импульсов. Это начали должным образом ценить страны, которые до сих пор были максимально закрыты от мира. Посмотрите, какое научное наступление ведет сегодня КНР. Если сейчас вы поедете на какую угодно научную конференцию, то увидите, что половину участников ее составляют китайцы. Они еще отстают, у них бывают слабые доклады, что свидетельствует об их длительной изоляции. Но они наверстывают упущенное с молниеносной скоростью!

Зато я с грустью отмечаю, что на международных конференциях по интересующим меня областям технических наук России практически нет. Конечно, встречаются люди с русскими фамилиями, имеющие крупные достижения в области информатики, но рядом с их фамилиями стоят адреса университетов в Израиле, США, Германии. В Рио-де-Жанейро на всемирной конференции по искусственному интеллекту, я не встретил ни одного российского ученого, зато когда вышел на пляж Копакабана — слышал русскую речь на каждом шагу. Это большая потеря и для российской, и для мировой науки. При том, что мировая наука потеряет куда меньше.

— *До сентября нынешнего года вас трижды избирали ректором вашей академии, которая считается в Польше самым техническим вузом. А ведь у вас создан гуманитарный факультет — прикладных общественных наук. Не означает ли это, что гуманитарные науки оказывают поддержку точным?*

— Эта поддержка носит характер двусторонний. Инженерное творчество в данный момент слишком сильно вмешивается в жизнь людей, чтобы мы могли отрывать его от ценностей гуманитарного характера. Мы стали клиентами цивилизации, которая полностью детерминирована техническими орудиями и средствами. В книгах Жю-

ля Верна мы имели дело с образом техники-завоевательницы, которая идет в атаку на проблемы, решает их и гордится тем, чего достигает. Инженер XX века, как охотник, выходил на охоту и возвращался с новой машиной, словно с убитым львом. Но в настоящий момент техника стала столь мощной, что инженеру уже непозволительно выходить на охоту со своим штуцером, ибо он может истребить всю фауну. Прежде перед техниками стояла только одна задача: как построить ту или иную систему, как обуздать силы природы и заставить их служить человеку. Сегодня мы располагаем такими возможностями, что первым вопросом стоит не «как», а «что». Нам следует тщательно выбирать направления нашей деятельности, ибо экономические критерии не могут быть единственным дорожным указателем, принимаемым во внимание.

Это отражается на методах преподавания. В нашей академии мы готовим новых инженеров, поэтому прежде всего учим своих студентов, как решать технологические проблемы, ибо это и есть основная задача технических наук. Однако, будучи ректором, я всегда осознавал, что во все большей степени мы должны учить молодых людей еще и умению задавать себе вопрос: стоит ли некоторые вещи делать вообще? В новых технических решениях заложен огромный потенциал — как добра, так и зла. Поэтому от инженера XXI века требуется умение размышлять аксиологически, а для этого необходимо гуманитарное образование. Глубокое знание культуры тоже позволяет формировать технику для людей, следовательно, контакт будущих инженеров с культурой в различных ее проявлениях имеет большое значение для правильного формирования их будущей компетентности. Однако дело обстоит вовсе не таким образом, что гуманитарные науки в нашей академии служат исключительно поставщиком духовных ценностей для инженеров, ничего не получая взамен. С ними наш вуз связывают симметричные партнерские отношения, которые приносят обоюдную пользу. Факультету общественных наук само присутствие в стенах нашей академии обеспечивает прочное укоренение в реалиях современной цивилизации. Гуманитарий тоже не может жить в башне из слоновой кости, в отрыве от действительности. Помню, лет десять тому назад я пережил культурный шок, когда пришел в один из краковских монастырей: готический ин-

терьер, выцветшие фрески на стенах, характерная атмосфера, вибрирующая эхом средневековья; открываю следующую дверь и вижу компьютерный зал — Господи, мне бы иметь такое оборудование на своем факультете. Монахи занимались издательской деятельностью и знали, что сегодня для этого необходимы компьютеры.

У нас в академии есть философы, психологи, социологи — благодаря этому наши студенты будут немножко более умными инженерами, а не технократами в худшем смысле слова. Теперь мы открыли новое отделение, которое называется «Мультимедиа и общественные коммуникации», и от желающих попасть туда нет отбоя. Все хотят там учиться, ибо это открывает совершенно новую область гуманитарных наук. Выпускники получают диплом социолога, но это не обычный социолог. Для него не общество вообще, но информационное сообщество становится главным объектом наблюдения и исследования. Наш выпускник, наряду с лекциями по общественным наукам, проходит учебу на информационных семинарах высокого класса, поэтому он глубоко погружен в эту новую информационную технологию, к которой большинство гуманитариев относится сдержанно и с опаской. Наш студент прекрасно ориентируется в реальности Интернета, а это значит, что и мы, технари, можем дать гуманитарным наукам то, что их существенным образом обогащает. Социолог, окончивший нашу академию, отличается от университетского социолога, и я должен сказать, что эту разницу совсем не обязательно трактовать не в нашу пользу. У нас бывали студенты, которые одновременно поступали на социологию в университет и к нам и, получив положительные оценки на вступительных экзаменах в обоих вузах, выбирали все же наш. Это свидетельствует о том, что наш рецепт сочетания техники и общественных наук находит признание.

— В своей книге «Сообщество Интернета», носящей сузубо гуманитарный характер, вы — как-никак информатик — стремитесь доказать, какую опасность для человека представляет собой пространство Интернета. Так не ведете ли вы подрывную работу на собственном поле?

— Я профессиональный информатик, исследователь и практик, член Польской академии наук и Польского общества информатики, а это прежде всего профессиональная, а не ученая корпорация,

так что я знаком с этой средой не понаслышке. И могу сказать лишь одно: те, кто занимается информатикой, — это люди чрезвычайно самодовольные. Информатика сейчас в моде, информатики прекрасно зарабатывают, они всем нужны, и поэтому их труд высоко ценится, что укрепляет их самодовольство. Это хорошо, ибо информатики выполняют сейчас важную и очень нужную работу, имеющую чрезвычайное значение для экономики и развития общества. Но чувство самоудовлетворения обычно усыпляет в человеке способность правильно оценивать ситуацию. Мои книги и статьи, а также доклады на конференциях и интервью, как например вот это, я адресую главным образом тем, кому может грозить опасность попасть в чрезмерную зависимость от этой новой информационной техники, но часть своих предостережений я адресую и своим коллегам-информатикам. Ибо они должны осознавать, что им следует иногда над некоторыми вопросами размышлять в более широком контексте, не сводя все к одним только битам, алгоритмам и техническим протоколам. Я считаю, надо постоянно напоминать, что интернет-сообщество — это не только технология, но и живые люди с их потребностями, мечтами и слабостями, ибо именно они формируют это сообщество. Следует формировать информационное общество, ибо сейчас наблюдается такая общемировая тенденция, но для его построения нужны люди, которые этого хотят и будут сознательно участвовать в информационном мире. Гражданин информационного общества должен быть таковым по своему сознательному выбору, а не насильно осчастливленным. У техники есть такая нехорошая черта: она очень легко выходит из-под контроля, просто вырывается из оков, которые ее поначалу детерминируют. Одновременно появляется искушение рассматривать человека исключительно в качестве приложения к «более совершенным» техническим системам. Я имею право бить тревогу, потому что как исследователь и активный практик в области информатики я был одним из тех, кто собственными руками вытаскивал эту «телегу», когда она в начале своего пути увязала в ухабах. Теперь она уже катится «с горки», но нам надо следить, чтобы направление было верным.

— *Вы утверждаете, что нас засыпает все большее количество информации, в которой все меньше знаний. Можно ли овладеть этим процессом?*

— Количественная оценка информационных ресурсов очень часто — и в этом состоит ошибка — принимается за масштаб их развития. Когда мы говорим о какой-нибудь базе данных или о сервере, то обычно приводим число записей или число пользователей данного ресурса, зато в меньшей степени интересуемся тем, содержат ли эти записи правдивую и ценную информацию и действительно ли пользователи получили то, что им надо. Как именно можно оценивать информационные ресурсы и службы — не академический вопрос. За этим стоят все более серьезные экономические решения, ибо вряд ли стоит обманывать себя: развитие информационного рынка — сегодня вопрос огромных денег. А между тем решения о капиталовложениях в ту или иную компанию, как правило, значительным образом детерминированы фактором количественного успеха. На интернетовскую витрину рекламодатели тем охотнее будут давать деньги, чем чаще она посещается. В связи с этим появляется искушение все свести к количественному аспекту. А между тем количество давно уже перестало быть главным отличительным признаком успеха. Например, при производстве автомобилей не то важно, сколько мы их соберем, а то, купят ли их и сколько мы на этом заработаем. К сожалению, подобный стиль мышления еще не нашел признания в контексте предоставляемых информатикой благ и ресурсов. Поэтому так нужно, чтобы сказала свое слово наука, объясняя, что и в данной области важнее всего качество. Речь идет не о том, чтобы затормозить развитие информатики, а о том, чтобы не допустить ее вырождения. Во всем мире в научных исследованиях именно этой проблеме посвящается все больше и больше времени — и в этом я вижу повод для оптимизма.

— *Мы смотрим на проблему с двух противоположных позиций — создателя и пользователя. Вы видите, как техника создает опасность человеку, я же вижу, как человек создает опасность технике. Помню свой восторг по поводу мобильного телефона — чуда техники, в создание которого были вложены усилия многих мощных умов! А теперь вижу на улице «качка», которому мозги заменяют мышцы, накачанные тестостероном, и который в это чудо бросает нецензурную брань. То есть победу человеческой природы, способной втоптать в грязь все, чего достиг интеллект высшего порядка.*

— Но ведь так было всегда. Люди использовали достижения техники, да и произведения культуры тоже, в самых различных целях. Книгу можно благоговейно читать или сжигать на костре. Раз человеческую природу не изменить, то наша задача как инженеров — учитывать, что пользователем наших изобретений будет глупый «качок», и так их формировать, чтобы благодаря возможности обладания новыми чудесами техники, хотя бы мобильником, этот «качок» мог приблизиться к homo sapiens, а не к обезьяне.

— Польская академия знаний учредила Комиссию опасностей для цивилизации, и вы стали ее членом. Речь идет об опасностях, угрожающих человечеству с самых разных сторон: это и религиозный фундаментализм, и эпидемии, и наркотики, и алкоголизм, а также опасности, которые несет с собой техника. Действительно ли специалисты по кибернетике, медицине и математике имеют возможность наравне с нравственными авторитетами остановить эрозию ценностей?

— Любое лечение надо начинать с постановки диагноза. Наука в значительной степени обладает способностью ставить диагноз, ибо она в состоянии находить причины, проследивать причинно-следственные связи и называть вещи своими именами. Лекарство же следует искать во всех сферах человеческой деятельности. И если опасность

будет названа, то свою роль в ее искоренении должны сыграть как представители точных наук, так и сфера образования. Процесс тотального распространения хамства в обществе, который мы наблюдаем, например, в Интернете, возник не на пустом месте. Одна из его причин — развитие информационной функции в образовании при одновременном пренебрежении воспитательной функцией. Еще в средней школе обучают, как пользоваться Интернетом, то есть как пользоваться мышкой, где и что искать. Но, к сожалению, на этом все и заканчивается. А школа должна так преподавать новую информационную технику, чтобы учащийся работал в киберпространстве не только эффективно и умело, но и разумно — чтобы он руководствовался нравственными требованиями и вел себя культурно.

Я говорил об этом уже много раз, писал в разных изданиях, но результатов что-то не видно. Однако я нахожу утешение в знаниях о римской цивилизации: Сципион Африканский при каждом удобном случае повторял, что Карфаген должен быть разрушен, и в конце концов он был разрушен. Поэтому мы, сознающие опасность, тоже должны с упорством маньяка предостерегать от нее. Добро следует формировать систематически и настойчиво, ибо зло рождается само и ведет себя куда более экспрессивно. Но я верю в победу добра!

Беседовала Сильвия Фролов

Приглашаем всех читателей посетить интернет-сайт «Новой Польши»:

www.novpol.ru

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ

- Я.Стренковский** о культуре в подполье
М.Ягелло о горноспасателях
Глава из нового романа **М.Комара**
Д.Шевионков-Кисмелов о выставке Исаака Цельникера
К.Маслонь о польской прозе
О.Закиров: из воспоминаний
А.Новак о «Великом Новгороде» Стефана Братковского
М.Выка о Станиславе Бжозовском
Я.Гондович о молодых литераторах
Г.Хлыстовский: действительно ли мы не издаем русских писателей?
Р.Пшибыльский об Иосифе Бродском и Анне Ахматовой
Б.Поцей о Ванде Ландовской
К.Яновская и П.Мухарский: Беседы к началу столетия
Наши за границей: А.Северин, В.Пшоняк, З.Рыбчинский,
А.Холланд, Р.Полянский, А.Кшивицкий и др.
Беседы Сильвии Фролов с А.Легоцким, Е.Яроцким, В.Зинем

СТИХОТВОРЕНИЯ

Милоша, Стахуры, Бялошевского, Хартвиг,
Яструна, Херберга и др.,

в переводах

Бродского, Базилевского, Астафьевой, Ройтмана,
Британишского, Горбаневской, Свяцкого и др.

Журнал «Новая Польша»

допущен к распространению на территории Российской Федерации
Решением Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

(Свидетельство регистрации средства массовой информации **ПИ №77-1063** от 3 ноября 1999 года)

PKO BANK POLSKI

ПОЛЬСКИЙ БАНК «ПКО»
главный спонсор

деятельности Национальной Библиотеки в 2005 году

ЛУЧШИЕ ПИСАТЕЛИ И КРИТИКИ Национальная Библиотека представляет журналы:

twórczość

Старейший польский литературный ежемесячник, посвященный современной прозе, поэзии и литературной критике.
Оказывает влияние на перемены в польской литературе.
тел.: +48 (22) 627-15-52; тел./факс: +48 (22) 628-95-07
e-mail: tworczość@bn.org.pl

DIALOG

Ежемесячный журнал, посвященный современной театральной, телевизионной и радиодраматургии.
тел.: +48 (22) 608-28-80; +48 (22) 608-28-81; тел./факс: +48 (22) 608-28-82
e-mail: dialog@bn.org.pl
www.dialog.waw.pl

NOWE KSIĄŻKI

Ежемесячник. На протяжении более полувека незаменимый источник информации о книгах. В каждом номере рецензии, интервью, статьи о писателях, публицистика, библиография, анонсы.
тел.: +48 (22) 826-62-60; тел./факс: +48 (22) 826-62-35
e-mail: noweksiazki@wp.pl

dwutygodnik ruch muzyczny

Старейший и единственный в Польше журнал, посвященный музыкальной жизни, творчеству и вопросам музыки. Выходит 26 раз в году.
тел.: +48 (22) 608-28-70; +48 (22) 608-28-71; тел./факс: +48 (22) 608-28-72
e-mail: ruchmuzyczny@onet.pl
www.muzyka.onet.pl/klasyka

LITERATURA na świecie

Ежемесячник. Единственный журнал, уже многие годы публикующий все достойные внимания новинки современной мировой литературы.
тел.: +48 (22) 827-47-91; тел./факс: +48 (22) 828-64-96
e-mail: litnasw@free.art.pl

НОВАЯ ПОЛЬША

Ежемесячник. Единственный журнал о Польше на русском языке. Богатая подборка публицистики польских и российских авторов. Переводы малоизвестных в России произведений польских поэтов и прозаиков.
тел.: +48 (22) 608-25-65; +48 (22) 608-27-95
тел./факс: +48 (22) 608-27-96; +48 (22) 608-25-05
e-mail: nowpol@bn.org.pl
www.nowpol.ru

odra miesięcznik

Ежемесячный журнал, широко представляющий современные проблемы общества и искусства. Форум критической гуманитарной мысли. Польша и мир, история и возможное будущее.
тел.: +48 (71) 344-77-37; тел./факс: +48 (71) 343-55-16
e-mail: odra@odra.art.pl
www.odra.art.pl

a akcent literatura i sztuka • kwartalnik

Ежеквартальный журнал, посвященный литературе и другим областям искусства в контексте последних достижений гуманитарной мысли. Выходит в Люблине с 1980 года.
тел./факс: +48 (81) 532-74-69
e-mail: akcent_pismo@gazeta.pl
www.akcent.glt.pl

**Biblioteka Narodowa,
Dział Wydawniczy
Czasopism Patronackich**

02-086 Warszawa, al.Niepodległości 213,
tel.(0-22) 608 23 74, tel./fax (0-22) 608 24 88

ISSN 1508-5589

9 771508 558058

Cena 6 zł w tym 0% VAT